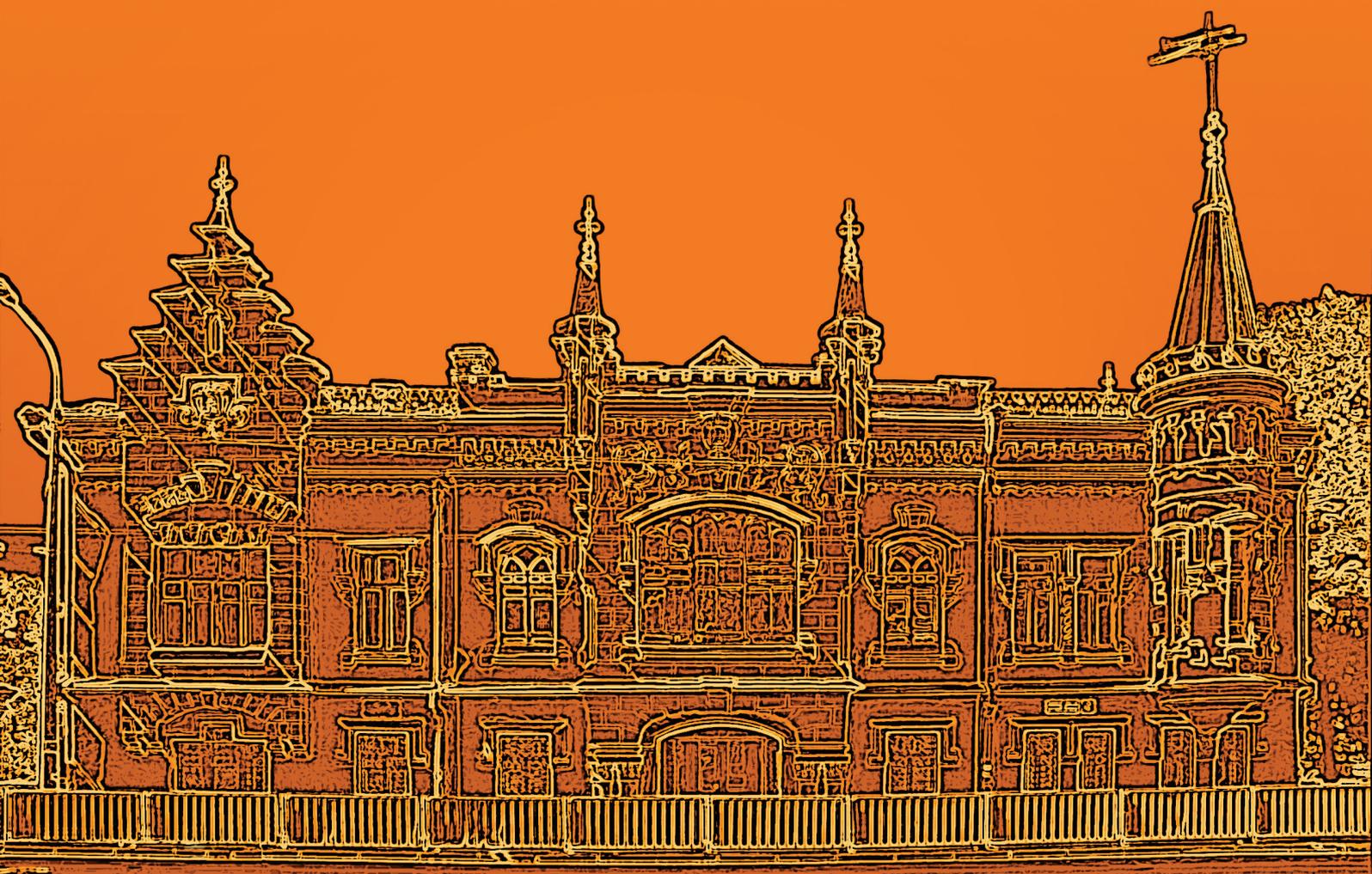

МОЛОДОЙ
УЧЁНЫЙ

IV Международная научная конференция

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

Казань

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)1
А43

Главный редактор: *И. Г. Ахметов*

Редакционная коллегия сборника:

М. Н. Ахметова, Ю. В. Иванова, А. В. Каленский, В. А. Куташов, К. С. Лактионов, Н. М. Сараева, Т. К. Абдрасилов, О. А. Авдеюк, О. Т. Айдаров, Т. И. Алиева, В. В. Ахметова, В. С. Брезгин, О. Е. Данилов, А. В. Дёмин, К. В. Дядюн, К. В. Желнова, Т. П. Жуйкова, Х. О. Жураев, М. А. Игнатова, К. К. Калдыбай, А. А. Кенесов, В. В. Коварда, М. Г. Комогорцев, А. В. Котляров, В. М. Кузьмина, С. А. Кучерявенко, Е. В. Лескова, И. А. Макеева, Т. В. Матроскина, Е. В. Матвиенко, М. С. Матусевич, У. А. Мусаева, М. О. Насимов, Б. Ж. Паридинова, Г. Б. Прончев, А. М. Семахин, А. Э. Сенцов, Н. С. Сенюшкин, Е. И. Титова, И. Г. Ткаченко, С. Ф. Фозилов, А. С. Яхина, С. Н. Ячинова

Руководитель редакционного отдела: *Г. А. Кайнова*

Ответственные редакторы: *Е. И. Осянина, Л. Н. Вейса*

Международный редакционный совет:

З. Г. Айрян (Армения), П. Л. Арошидзе (Грузия), З. В. Атаев (Россия), К. М. Ахмеденов (Казахстан), Б. Б. Бидова (Россия), В. В. Борисов (Украина), Г. Ц. Велковска (Болгария), Т. Гайич (Сербия), А. Данатаров (Туркменистан), А. М. Данилов (Россия), А. А. Демидов (Россия), З. Р. Досманбетова (Казахстан), А. М. Ешиев (Кыргызстан), С. П. Жолдошев (Кыргызстан), Н. С. Игисинов (Казахстан), К. Б. Кадыров (Узбекистан), И. Б. Кайгородов (Бразилия), А. В. Каленский (Россия), О. А. Козырева (Россия), Е. П. Колпак (Россия), К. И. Курпаяниди (Узбекистан), В. А. Куташов (Россия), Лю Цзюань (Китай), Л. В. Малес (Украина), М. А. Нагервадзе (Грузия), Ф. А. Нурмамедли (Азербайджан), Н. Я. Прокопьев (Россия), М. А. Прокофьева (Казахстан), Р. Ю. Рахматуллин (Россия), М. Б. Ребезов (Россия), Ю. Г. Сорока (Украина), Г. Н. Узаков (Узбекистан), Н. Х. Хоналиев (Таджикистан), А. Хоссейни (Иран), А. К. Шарипов (Казахстан)

А43 Актуальные вопросы филологических наук : материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2016 г.). — Казань : Изд-во «Бук», 2016. — iv, 82 с.

ISBN 978-5-906873-41-5

В сборнике представлены материалы IV Международной научной конференции «Актуальные вопросы филологических наук».

Рассматриваются общие вопросы литературоведения, вопросы истории литературы, народного творчества, художественной литературы, а также проблемы общего и прикладного языкознания и массовой коммуникации.

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов филологических специальностей, а также для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)1

ISBN 978-5-906873-41-5

© Оформление.
ООО «Издательство Молодой ученый», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

1. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ.
ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Суровцева Е.В. И.Э. Бабель и его письма властям	1
Суровцева Е.В. Новокрестьянские поэты: письма во власть	4

2. ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Каменева М.Б. «Не славой – участью я равен был тебе...» (Русский поэт А.С. Пушкин и мусульманский пророк Мухаммед)	10
---	----

3. НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Буркова С.С. Сходство и различие русских и монгольских пословиц и поговорок с названиями животных	14
---	----

4. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Кругляк Т.В. Поэтическое представление образа «слово» (на материале стихотворения «Слово» Н.С. Гумилева)	17
Ляшенко О.И. Уральские мотивы в романе Ольги Славниковой «2017»	19
Rakhmatova X.O. Interpretation of war tragedy in literature (as «the Birthmark» the story of Mikhail Sholokhov)	21
Шахбулатов Р.С. Основные тенденции развития литературы 1970–1980-х г. Жанр деревенской прозы в творчестве Шукшина	23
Ширяева С.Н. «Похожим быть хочется только на Чехова...»	26

5. ОБЩЕЕ И ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Власова К.А., Вьюшкина Д.А. К вопросу о неологизмах	29
Ганичева С.А. Материалы к словарю языковой личности уроженца Кирилловского района Вологодской области: проект	31

Елецкая О.В., Бугаенко Н.П., Раздубов А.В., Мироненко Е.В. Метафоризация как средство терминообразования в английском подъязыке производства и размещения рекламы	34
Моногарова А.Г. Проблема референтной сферы в медиации. Требования к речи медиатора	37
Свиркович О.В. Исследование образа как способ получения сведений о языковом сознании индивида (на примере исследования образа университета)	40
Усманова З.Ф., Мукажанова Г.Ж. Структура словарных статей, отражающих социальные и политические реалии в словаре Masquarie Encyclopedic Dictionary	42
Фильцова М.С. Прагматическое описание языка как основа обучения профессиональному общению иностранных студентов-медиков	45
Чепуренко А.А. Взаимодействие семантических категорий времени и причины (на материале обстоятельственных фразеологизмов русского языка)	48
Черняева М.В. Стратегии преподавания иностранного языка в условиях реализации ФГОС	51
Юнусова М.О. Фразеологизмы в научных текстах на английском языке	54

6. МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ЖУРНАЛИСТИКА, СМИ

Евдокимова А.С. Проблема взаимодействия СМИ с театральной средой региона (на примере постановки пьесы А.П. Чехова «Чайка» в Рязанском областном театре драмы)	57
--	----

7. ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Бакашева Н.С. К проблеме перевода безэквивалентной лексики (БЭЛ)	61
Orozbaeva G.A. The semiotic analysis of translation of B. Alykulov's poems	64
Паршина Т.В. О теории технического перевода	66
Shichkina M.G. Towards a Corpus Methodology in Translation Studies	73
Ясницкая Е.С. Особенности перевода английской научно-технической литературы	77

1. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ. ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

И.Э. Бабель и его письма властям

Суровцева Екатерина Владимировна, кандидат филологических наук, профессор Российской академии естествознания, старший научный сотрудник Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Исаак Эммануилович Бабель [1 (13).07.1884, Одесса — 27.01.1940, Москва] — прозаик, драматург, публицист (краткую биографическую справку см. в [3]). Его талант был оценен многими советскими критиками, независимо от их политической ориентации (от А. Воронского и В. Полонского до рапповцев), необычайно высоко. Лестно отозвались о нем даже критики русской эмиграции (например, Г. Адамович), весьма требовательно относящиеся к тому, что происходит в русской советской литературе.

Но, несмотря на это его судьба (не только личная, но и творческая) была очень трагичной. Он постиг причины «крушения гуманизма» в революции, ее неизбежно бесчеловечный характер.

Бабель постоянно поучал самого себя на примере Фурманова и Островского, книги которых «с огромным увлечением читаются миллионами людей... Они формируют душу. Огненное содержание побеждает несовершенство формы». Он заклинает себя овладеть «стилем большевистской эпохи», «работать, как Сталин над словом» [1, с. 386 и 381]. Но так и не смог. Бабель старался не вступать в конфликт с властью, которой демонстрировал свою лояльность в статьях и выступлениях, однако в своих художественных текстах компромиссов почти никогда не допускал. Он предпочел замолчать, перестал печатать свои новые произведения. Его «молчание» становится притчей во языцех, формой скрытой оппозиции, а его попытки «откликнуться» на современность рассказами вроде «Нефти» (1933) или очерка «Путешествие во Францию» (1937) трудно назвать творческими достижениями. Зарабатывать на жизнь Бабелю приходится в основном непрерывными переизданиями и нелюбимой поденщиной в кинематографе (экранизации, «дотягивание» чужих сценариев, текстовки к немым фильмам).

Однако он продолжает писать; иногда читает вслух друзьям, иногда дает почитать друзьям. И все, даже самые расположенные к нему, говорят, что печатать этого нельзя. В. Полонский с удовольствием прочел новые рассказы Бабеля, но печатать их отказался, ссылаясь на «попутническую репутацию» писателя. А. Воронский, прочитав некоторые новые произведения Бабеля, признал их «контрреволюционными», а значит, для публикации не подходящими.

Когда в 1932 г. физик А. Вейсберг, навестив Бабеля в Москве, спросил писателя: «Почему вы больше не пишете? — Бабель ответил: «Кто вам сказал, что я не пишу?» и показал на полке десяток переплетенных томов. Но это были рукописи. Бабель сделал ироническое замечание о возможной судьбе этих текстов, если бы он предложил их издательству» [9, с. 369; 6, с. 22].

Размышляя о причинах и мотивах писательского затворничества, весьма расположенный к нему В. Полонский записал в своем дневнике: «Почему он не печатает? Причина ясна: вещи им действительно написаны. Он замечательный писатель, и то, что он не спешит, не заражен славой, говорит о том, что он верит: его вещи не устареют и он не пострадает, если он напечатает их позже». Однако была и другая причина, гораздо более важная, о чем пишет далее Полонский: написанные Бабелем «вещи» не могут быть опубликованы, «ибо материал их таков, что опубликовать его сейчас вряд ли возможно. Бабель работал не только в Конной, он работал в Чека. Его жадность к крови, смерти, к убийствам, ко всему страшному, его почти садическая страсть к страданиям ограничила его материал. Он присутствовал при смертных казнях, он наблюдал расстрелы, он собрал огромный материал о жестокости революции. Слезы и кровь — вот его материал. Он не может работать на обычном материале, ему нужен особенный, острый, пряный, смертельный. Ведь вся «Конармия» такова. А все, что у него есть теперь — это, вероятно, про Чека. Он и в Конармию пошел, чтобы собрать этот материал. А публиковать сейчас боится. Репутация у него попутническая» [7, с. 198].

Еще одна тема, занимавшая Бабеля в начале 1930-х — коллективизация. Под впечатлением бабелевского рассказа о деревне Полонский записывает: «Читал рассказ о деревне. Просто, коротко, сжато — сильно. Деревня его, так же как и Конармия, — кровь, слезы, сперма. Его постоянный материал. Мужики, сельсоветчики и кулаки, кретины, уроды, дегенераты. Читал и еще один рассказ о расстреле — страшной силы. С такой простотой, с таким холодным спокойствием, как будто лушит подсолнухи, — показал, как расстреливают. Реализм потрясающий, при этом лаконичен до крайности и остро образен.

Он доводит осязаемость образа до полной иллюзии. И все это простейшими (как будто) средствами» [7, с. 198–199].

Кроме материальных и творческих проблем у Бабеля были и проблемы иного плана. Он становится «заложником» своей семьи, с середины 1920-х живущей за границей: он дважды выезжает к жене во Францию, в 1927–1928 и 1932–1933 гг.

В письме от 23 июня 1932 г. Каганович пишет Сталину: «М. Горький обратился в ЦК с просьбой разрешить Бабелю выехать за границу на короткий срок. Несмотря на то, что я передал, что мы сомневаемся в целесообразности этого, от него мне звонят каждый день. Видимо, Горький принимает это с некоторой остротой. Зная, что Вы в таких случаях относитесь с особой чуткостью к нему, я Вам об этом сообщаю и спрашиваю, как быть» [8, с. 180].

27 июня 1932 г. Бабель пишет письмо Кагановичу [2, с. 180]. В этом письме писатель просит помочь ему в получении заграничного паспорта для поездки к больной жене, которой «должны сделать в Париже операцию частичного удаления щитовидной железы», чтобы «присутствовать при операции и затем ее и ребенка (трехлетняя дочь, которую <Бабель> еще не видел) в Москву». Писатель оговаривает, что его жена вынуждена была выехать за границу из-за тяжелых семейных обстоятельств. Кроме того, Бабель говорит о том, что из-за постоянной душевной тревоги он не может работать. По письму чувствуется, что писатель действительно очень тревожится за свою семью, не может думать ни о чем другом.

Незадолго до написания письма Бабель обратился в Комиссию ЦК ВКП (б) по выездам за границу с аналогичной просьбой, но решение вопроса затянулось [2, с. 756]. На этот раз ему достаточно быстро было дано разрешение на выезд сроком на 1,5 месяца [2, с. 180]. Хотя Сталин, видимо, с трудом согласился дать это разрешение. В ответ на слова Кагановича вождь пишет ему 26 июня 1932 г. ехидные строки: «По-моему, Бабель не стоит того, чтобы тратить валюту на его поездку за границу» [8, с. 198]. А на бланке постановления ЦК ВКП(б) о выезде Бабеля поперек подписей А. Стецкого, Л. Каганович (который, кстати, дал свое согласие выпустить писателя) начертал: «Решительно против. И. Сталин» (так же поперек всех подписей расписался Постышев) [2, с. 180].

В 1935 г. Бабеля «выпускают за рубеж в последний раз, на Международный конгресс писателей в защиту культуры, — по специальному разрешению ЦК» [2, с. 294–295 и 764].

В СССР в 1920–1930-е гг. он ведет «кочевую» жизнь по стране, редко появляясь в Москве. Относительной «оседлости» писатель достигает лишь после того, как у него в Москве появляется новая семья. Каждая поездка Бабеля за границу сопровождалась слухами о «невозвращении». Но, понимая все, что происходит в России, он предпочел остаться в своей стране.

Несомненно, что Бабель стоял на пороге понимания фундаментальных общественно-исторических процессов

эпохи — формирования тоталитарного государства как огромной централизованной репрессивно-карательной машины, которая исключала человеческую личность и опиралась на политическую идеологию, замешанную на классово-ненависти, подозрительности, беспощадности к находимым повсюду врагам и схоластической демагогии. Все это претило Бабелю.

Бабель — и в этом он похож на Пришвина — старался избегать официальных литературных собраний, где беспощадная проработка идеологически невыдержанных товарищей по перу неизменно сопровождалась клятвами в верности делу партии. Когда уклониться не удавалось, писатель пытался отделаться шутками. Шутки эти иногда были весьма рискованными. На своем вечере в 1937 г. он неосторожно заявил: «Как только слово оканчивается на «изм», я перестаю его понимать, хотя бы оно было самое простое». Кто-то из бдительных слушателей тут же спросил: «А социализм?» Бабелю пришлось проявить находчивость: «Это я понимаю, это единственное, можно сделать оговорку» [6, с. 54]. Многие удивлялись болезненному интересу Бабеля к органам государственной безопасности. Он общался с видными чекистами, был вхож в дом Ежова, дружил с его женой. Кто-то думал, что Бабель ходит к Ежову из трусости, как бы стремясь предотвратить возможный арест; кто-то считал, что из любопытства. Н. Я. Мандельштам вспоминала разговор, произошедший между Мандельштамом и Бабелем: «О. М. спросил, почему Бабеля тянет к «милиционерам» (эвфемизм для обозначения чекистов — Е. С.). Распределитель, где выдают смерть? Вложить персты? «Нет, — ответил Бабель, — пальцами трогать не буду, а так потяну носом: чем пахнет?»» [4, с. 382].

С 1934 г. за Бабелем шла слежка ОГПУ — НКВД. Осведомители советской охраны постоянно сообщали о своем «подопечном». Так, в ноябре 1934 г. Бабель сказал окружающим его лицам: «Люди привыкают к арестам, как к погоде. Ужасает покорность партийцев и интеллигенции к мысли оказаться за решеткой. Все это — характерная черта государственного режима. Надо, чтобы несколько человек исторического масштаба были во главе страны. Впрочем, где их взять, никого уж нет...» [11, с. 433]. Пятым июля 1936 г. датировано «Донесение 1-го отделения секретно-политического отдела ГУГБ НКВД СССР о настроениях И. Э. Бабеля в связи с арестами бывших оппозиционеров» [2, с. 316–318]. К 22 сентября 1936 г. относится «Сводка секретно-политического отдела ГУГБ НКВД СССР о настроениях И. Э. Бабеля в связи с завершением процесса так называемого «антисоветского объединения троцкистско-зиновьевского центра» [2, с. 325–326], в которой приводятся такие слова Бабеля: «Мне очень жаль расстрелянных потому, что это были настоящие русские люди. <...> Я считаю, что это не борьба контрреволюционеров, а борьба со Сталиным на основе личных отношений» [2, с. 326]. О процессе правотроцкистского блока Бабель говорил: «Чудовищный процесс. Он чудовищен страшной

ограниченностью, принижением всех проблем. <...> Они умрут, убежденные в гибели представляемого ими течения и вместе с тем в гибели коммунистической революции, — ведь Троцкий убедил их в том, что победа Сталина означает гибель революции...» [11, с. 433]. И тут же заявил: «Советская власть держится только идеологией» [11, с. 433]. В феврале 1939 г. Бабель высказался относительно «посредственности нынешнего руководства» ВКП(б) и государства, что представители оппозиции, деятели культуры, захлестнутые волной новых и новых репрессий, «отмечены печатью таланта и на много голов возвышаются над окружающей посредственностью», за что, собственно, они и осуждены: «арестовать — расстрелять!...» [11, с. 433].

15 мая 1939 г. Бабель был арестован (К. Чуковский пишет в своих дневниках, что литературовед Я. Е. Эльсберг доносами погубил Бабеля и Левидова и хотел погубить Макашина [10, с. 339–340, 364–365]). Рано утром люди в военной форме нагрянули на московскую квартиру Бабеля в Большом Николо-Воробинском переулке. Жена писателя А. Н. Пирожкова вспоминает: «Оказалось, что пришедших было четверо, двое полезли на чердак, а двое остались. Один из них заявил; что им нужен Бабель... и что я должна поехать с ними на дачу в Переделкино...»

Приехав на дачу, я разбудила сторожа и вошла через кухню, они за мной. Перед дверью комнаты Бабеля я остановилась в нерешительности; жестом один из них приказал мне стучать. Я постучала и услышала голос Бабеля:

— Кто?

— Я.

Тогда он оделся и открыл дверь. Оттолкнув меня от двери, двое сразу же подошли к Бабелю:

— Руки вверх! — скомандовали они, потом оцупали его карманы и прошлись руками по всему телу — нет ли оружия.

Бабель молчал. Нас заставили выйти в другую, мою комнату; там мы сели рядом и сидели, держа друг друга за руки. Говорить мы не могли» [6, с. 293–294].

На даче Бабеля был проведен обыск; в протоколе обыска «под шапкой «взято для доставления в Главное управление Государственной Безопасности следующее» перечислено:

1. Медкарточка № 2977 на имя Бабеля И. Э.
2. Записные книжки с адресами и телефонами — 2 шт.
3. Записные книжки с записью — 3 шт.
4. Рукопись разная — 9 папок
5. Письма разные — 10 шт.
6. Телеграммы — 2 шт.
7. Записки на отдельных листках — 8 шт.
8. Книга под редакцией Каменева» [6, 66].

Из московской квартиры писателя, если верить протоколу, «взято для доставления в Главное управление Государственной Безопасности следующее»:

1. Паспорт серии МЛ № 623326 на имя Бабель И. Эм.
2. Профбилет № 034613
3. Биноклы — 2 (два) № № 257125, 42605

4. Разных рукописей — 15 (пятнадцать) папок
5. Разных чертежей — 43 шт. (сорок три)
6. Схематическ. карта автотранс. дорог — 1 шт.
7. Иностраннх газет — 4
8. Иностраннх журналов — 9
9. Разных фотокарточек — 110 шт.
10. Фотопленок обрывков — 12 куск.
11. Записных книжек — 11 шт.
12. Блокнотов с записями — 7 шт.
13. Алфавит с телефонами — 2 шт.
14. Папка с договорами, судебными и др. справк. — 1
15. Разных писем — 400 шт.
16. Разная переписка — 254 л.
17. Письма, открытки заграничные — 87 шт.
18. Разных телеграмм — 30 шт.» [6, с. 67].

Изъятые рукописи до сих пор не найдены. Видимо, среди пропавших произведений находился роман о чекистах. Сценарист А. Я. Каплер рассказывал в 1974 г., что «вскоре после смерти Сталина на каком-то литературном собрании Фадеев вспомнил отзыв «хозяина» о бабелевском романе. Книга, мол, хорошая, однако издать сейчас (то есть в 1936–1938 гг. — Е. С.) нельзя, разве что лет через десять». В это же время появилась информация, что «для членов Политбюро и верхушки НКВД роман по указанию Сталина отпечатали в количестве пятидесяти экземпляров. Как официальное лицо и руководитель Союза писателей Фадеев пытался найти рукопись Бабеля и даже привлек к поискам Генерального прокурора СССР. Видимо, не получилось...» [6, с. 43].

На допросе Бабель признал все предъявленные ему обвинения. Чуть позже на суде он заявит, что «на предварительном следствии себя и других лиц оговорил по принуждению» [11, с. 436]. Сначала его обвинили в шпионаже в пользу Франции и Австрии, потом — в терроризме.

В сентябре 1939 г. Бабель обращается с письмом к Л. П. Берии [11, с. 437]. Писатель просит разрешить ему привести в порядок отобранные рукописи. Кроме того, он отказывается от своих показаний, данных при допросе, говорит, что «совершил преступление, ... оклеветал нескольких лиц».

Когда Бабелю выносили приговор, было снято только обвинение во вредительстве. Писатель обвинялся в том, что он «1. Являлся активным участником контрреволюционной троцкистской организации. 2. Вел шпионскую работу в пользу французской и австрийской разведок. 3. Готовил теракты против руководителей партии и правительства. Считая предварительное следствие законченным, следственное дело № 419 передать в Прокуратуру СССР для направления по подсудности» [11, с. 438]. Но с направлением в суд почему-то медлят и задерживают до особого распоряжения на целый месяц.

5 ноября 1939 г. Бабель пишет на обрывке бумаги письмо Верховному прокурору СССР [11, с. 438], в котором говорит, что хочет сделать важное заявление и просит его выслушать.

А. Н. Пирожкова вспоминает, что перед праздником 7 ноября к ней пришел сотрудник НКВД и попросил дать для Бабеля брюки, носки, носовые платки.

21 ноября 1939 г., не дождавшись ответа из Прокуратуры, опять на обрывке, Бабель пишет еще одно письмо [11, с. 439]. Писатель умоляет вызвать его на допрос. Мысль о том, что он (под пыткой) оговорил некоторых честных людей, обвинив их в антисоветской деятельности, не дает ему покоя. Этот оговор может запутать следствие и даже принести вред Родине, и поэтому Бабель стремится снять этот грех со своей души.

Тем временем следователь опять задерживает дело, теперь до 2 января 1940 г. Бабеля переводят из Лубянки в Бутырку, и оттуда он пишет третье письмо в Прокуратуру, датированное 2 января 1940 г. [11, с. 439–440]. Опять и опять Бабель говорит о том, что оговорил невинных людей (называет И. Эренбурга, Т. Коновалова, О. Бродскую и некоторых других), что «оговор вызван малодушным поведением... на следствии», это «ложь, ни на чем не основанная». Мысль о том, что ложные показания «не служат делу выяснения истины, но вводят следствие в заблуждение», не дает Бабелю покоя.

21 января 1940 г., за день до судебного заседания, Бабель обратился с письмом в Военную коллегия Верховного суда [11, с. 440]. Он пишет, что уже трижды

обращался в Прокуратуру с просьбой позволить ему сделать заявление по существу своего дела и о том, что в своих показаниях оклеветал ряд ни в чем не повинных людей. Он просит вызвать в суд некоторых людей, хорошо его знавших (Воронского, Сейфуллину и других), дать ему возможность ознакомиться с делом. Ни одну из его просьб не удовлетворили.

На судебном заседании Бабель говорил: «Я не виновен. Шпионом не был. Никогда ни одного действия не допускал против Советского Союза. В своих показаниях возвел на себя клевет. Себя и других оговорил по принуждению...» [11, с. 440].

27 января 1940 г. Бабель был расстрелян. Его произведения не печатались в СССР в течение двадцати лет.

25 января 1954 г. вдова Бабеля А. Н. Пирожкова написала письмо Генеральному прокурору СССР Р. А. Руденко [11, с. 440] с просьбой о пересмотре дела писателя. Она не знала, что формулировка «10 лет без права переписки» означала расстрел, и до сих пор верила, что ее муж «жив и содержится в лагерях». Эту веру поддерживали и справки, получаемые ей ежегодно в справочном бюро МВД СССР.

Дело Бабеля было пересмотрено, он был посмертно реабилитирован. Его возвращение в литературу произошло в 1957 году, когда в Москве было издано «Избранное» с предисловием И. Эренбурга.

Литература:

1. Бабель И. Э. Сочинения. В 2 томах. М., 1990. Т. 2.
2. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. Сост. А. Артизов и О. Наумов. М., 2002.
3. Ковский В. Е. Бабель И. Э. // Русские писатели 20 века. Биографический словарь. М., 2000. С. 58–60.
4. Мандельштам Н. Я. Воспоминания. М., 1999.
5. Пирожкова А. Н. Годы, прошедшие вместе (1932–1939) // Воспоминания о Бабеле. Сост. А. Н. Пирожкова, Н. Н. Юргенева. М., 1989. С. 237–315.
6. Поварцов С. Исаак Бабель: Портрет на фоне Лубянки // Вопросы литературы. 1994. Вып. 3.
7. Полонский В. П. Из дневника 1931 года // Воспоминания о Бабеле. Сост. А. Н. Пирожкова, Н. Н. Юргенева. М., 1989. С. 195–200.
8. Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001.
9. Суварин Б. Последние разговоры с Бабелем // Континент. 1980. № 23.
10. Чуковский К. Дневник. 1901–1969. Том 2: 1930–1969. М.: ОЛМА-Пресс, 2003.
11. Шенталинский В. «Прошу меня выслушать...» (Последние дни Бабеля) // Возвращение. В 2 вып. Сост. Е. И. Осетров, О. А. Салынский. М., 1989. Вып. 1. С. 431–443.

Новокрестьянские поэты: письма во власть

Суровцева Екатерина Владимировна, кандидат филологических наук, профессор Российской академии естествознания, старший научный сотрудник
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

В первой половине XX века «[к] крестьянская Россия рождает самобытное направление русской литературы» [2, с. 18]. Поэты, принадлежащие этому направлению,

получили название новокрестьянских поэтов. Они восприняли революцию как «весть о возрождении родины, как надежду на особую нравственно-эстетическую роль

крестьянства — хранителя самобытных национальных начал...» [2, с. 19]. Однако эти надежды оказались ложными — в стране шла ломка всего крестьянского мира, и почти все новокрестьянские поэты были физически уничтожены, некоторые из них обращались с письмами во власть из застенков. В данной статье мы, продолжая наше исследование «писем властителю», ставим своей целью рассмотреть образцы данного эпистолярного жанра, принадлежащие репрессированным поэтам (биографические данные приводятся по [2; 4]).

Поэт Иван Приблудный [настоящее имя Яков Петрович Овчаренко; 1905—1937] был любимым учеником и лучшим другом Сергея Есенина. Первое свое стихотворение он напечатал в «Красной Ниве» в 1921, в 1926 издал книгу «Тополь на камне», а в 1931 вышла его вторая и последняя прижизненная книга «С добрым утром». «Не имея ни своего жилья, ни имущества, он скитался по квартирам друзей и знакомых, появлялся в различных компаниях и в то же время был своим человеком в домах знаменитых артистов, запросто заходил в кабинеты членов правительства» [4, с. 229] (так, во время официальной реабилитации Е. Пермяк для реабилитационной комиссии написал о Приблудном воспоминания, в которых, в частности, говорилось о благожелательном отношении Бухарина к поэту, об их встречах, о встречах поэта и Радека [4, с. 261]). Он был завербован в ОГПУ, однако «работу» свою выполнял из рук вон плохо, рассказывал о ней достаточно откровенно. Как он сам признался на допросе, он «формально принял на себя обязательство быть сотрудником ОГПУ ... но фактически не работал и не хотел работать» [4, с. 231]. Конечно, подобное никому не могло сойти с рук. И вот — была изобретена версия о Приблудном как о «члене ликвидированной антисоветской литературной группировки» («не хотелось, очевидно, работникам ОГПУ на первом этапе следствия оставлять в документах следы своего провала» [4, с. 233]). Однако на третьей неделе следствия версия о «контрреволюционной литературной группировке» испарилась, и поэт должен был теперь отвечать за «разглашение сведений, не подлежащих оглашению», то есть за рассказы в дружеских кругах о своей «работе» в ОГПУ. Получив протокол «доброжелателя» В. Щепотева, давшего для органов отрицательную характеристику поэту, следователи вновь приступили к допросу провинившегося и вновь получили его непреклонный ответ. В результате Приблудный был отправлен в ссылку в Астрахань сроком на три года. «На второй месяц пребывания в Астрахани Иван Приблудный обратился с «прошениями» в адрес трех крупнейших чекистов — Агранова, Фельдмана и секретаря ЦИКа Акулова. Письмо, адресованное Акулову, в архиве разыскать не удалось. Причина этого может быть следующая: Агранов, бывший практически первым лицом в ОГПУ — НКВД, очевидно, хранил свою переписку отдельно от других документов, как наиболее важную документацию. После его ареста она могла быть уничтожена.

Письма Акулову и Фельдману сохранились и также подшиты в дело» [4, с. 237].

Заявление Акулову датировано 3 октября 1931 г. [4, с. 237—238]. Поэт «просит пощады», ведь «за неясный <для него> проступок» он и так уже наказан, просит поговорить о нем с В. Я. Гроссманом, Аграновым и Фельдманом, обещает быть честным гражданином и, главное, просит вернуть его в Москву к семье, которой без него очень трудно.

В письме Фельдману, написанном также в октябре 1931 г. [4, с. 238—239] звучит та же просьба — вернуть его в Москву к семье и обещание быть честным гражданином (здесь также проскакивает ирония: «...даю слово доказать, что я верный сын своей страны, всеми возможными для меня средствами: перестану пить, дурачиться и водиться с кем не следует»).

Оба письма написаны об одном и том же, совершенно аналогичны по тональности и стилистике.

Однако в Москву его не вернули, мотивируя это тем, что поэт не поддерживал никакой связи с семьей даже во время своего пребывания в Москве; в столице он опять окупается в свою среду («анархо-хулиганствующее дно литературной богемы»); а в своем затруднительном материальном положении он сам виноват. Вместо возвращения в Москву было принято решение помочь Приблудному материально, посодействовать в поисках работы и «установить с ним взаимоотношения» с целью «политического перевоспитания» [4, с. 240]. Не хотели поэта выпускать из своих рук!

В самом начале 1937 г. был арестован близкий друг Приблудного — П. Васильев. Сломленный на допросах, он дал показания на своих друзей — В. Наседкина, И. Макарова, И. Приблудного. Этого оказалось достаточно, чтобы включить Приблудного в список членов контрреволюционной организации литераторов и арестовать. На допросах Приблудный держался с большим достоинством, мужественно, «может быть, ему придавало сил то, что уже был знаком с сотрудниками внутренних дел, знал их методы и понимал, что они не выпустят его живым, несмотря на всю вздорность обвинения» [4, с. 245]. Приблудный свою вину категорически отрицал, даже назвал имена своих знакомых, которые могут дать показания в его пользу. Однако они (впрочем, опрошены были не все) дали показания отрицательные (один из них, Е. Пермяк, во время официальной реабилитации поэта дал его личности характеристику положительную). Очень плохую службу Приблудному сослужил Ю. Есенин, сын поэта. В обвинительном приговоре Приблудному припомнили все — не только его последнее «дело», но и предыдущие аресты — в 1924 (за связь с контрреволюционерами), 1926 (обвинение не предъявлено), в 1929 (за распространение контрреволюционных стихов), 1931 (ссылка).

Смертный приговор был приведен в исполнение 13 августа 1937 г. Реабилитация И. Приблудного состоялась лишь в 1966 — во многом благодаря помнившим его друзьям. Отзывы о нем написали писатели С. Бородин,

И. В. Дубинский; Е. Пермяк; Л. Утесов. Первая его посмертная книга вышла лишь через 20 лет после реабилитации.

Сергей Антонович Клычков [24.06 / 6.07, по другим данным 5 или 12.07.1889, деревня Дубровка Тверской губернии — 8.10.1937, в заключении] — поэт, прозаик, переводчик. Учился в школе в Талдоме, затем в реальном училище в Москве. В 1905 участвовал в декабрьском восстании. Первые стихи написаны на революционную тему. В 1908 при материальной поддержке М. И. Чайковского, брата композитора, посетил Италию, на Капри встретился с Горьким. Осенью того же года поступает на естественный факультет Московского университета, затем переводится на историко-филологический, позже — на юридический. По разным причинам (в том числе и материальным) ни одного факультета он так и не закончил; в 1913 исключен из университета. В предвоенные годы вышли две его книги: «Песни: Печаль-радость. Лада. Бова» (М., 1911) и «Потаенный сад» (М., 1913). Семь его стихотворений были включены в «Антологию» издательства «Мусагет». С начала Первой мировой войны призван в армию. В 1918 он обвенчался с Евгенией Лобовой. В 1919–1921 они вместе уехали в Крым; там они пережили зиму 1920–1921, а затем вернулись в Москву. После выхода поэтической книги «Домашние пески» (1923) Клычков обращается к прозе; публикует романы «Сахарный немец» (1925), «Чертухинский балакирь» (Новый мир. 1926. № 1, 3–9), «Князь мира» (под названием «Темный корень» в журнале «Молодая гвардия». 1927. № 9–12; отдельное издание — 1928).

В конце 20-х — 30-е гг. он испытал подлинную травлю и прямые преследования. Его имя фигурировало в статьях с названиями типа «Бард кулацкой деревни», «Новобуржуазная литература», «Против пошлой, реакционной литературы» и тому подобное. Рапповец Макарьев на первом пленуме оргкомитета ССП в 1932 клеймил Клычкова за то, что тот ничего не понял в постановлении ЦК о ликвидации РАППа и утверждал, что и Клычкова можно перевоспитать (на что из зала бросили реплику: «Горбатого могила исправит!»).

В 1930 г. вышла последняя книга оригинальных стихов поэта «В гостях у журавлей». Затем Клычков занялся переводами, переложениями и обработками вогульских сказаний, киргизского эпоса «Манас», марийских народных песен, грузинской поэзии («Сараспан», 1936 — последняя из этих книг Клычкова). В 1934 г. появляется последнее прозаическое произведение Клычкова, написанное совместно с Виктором Поповым, — рассказ «Зажиток».

В апреле 1937 г. во время поездки группы писателей в провинцию был арестован пролетарский поэт Владимир Кириллов, который неосторожно во всеуслышанье заявил, что если его друга Серебрякова, партийного деятеля, который был одним из обвиняемых по делу «троцкистско-зиновьевского блока», расстреляют, то он, Кириллов, лично отомстит за него Сталину. На Лубянке из Кириллова

выбили показания о наличии некоей «антисоветской группировки», организатором которой является Клычков. Чуть позже были получены показания на Клычкова и от Михаила Герасимова, еще одного пролетарского поэта, томящегося в застенках НКВД. А показания Кириллова были частично использованы при составлении справки на арест Клычкова.

Клычков был арестован в ночь с 31 июля на 1 августа 1937 г. Вряд ли можно объяснять арест поэта его литературной деятельностью. Скорее всего, власти интересовались не книгами, а дружескими беседами на политические темы, намеками на необходимость смены власти в стране. Так что даже донос политического редактора Гослитиздата Розы Бегак не сыграл здесь решающей роли (она пыталась найти аналогии между сюжетом переводного киргизского эпоса «Аламбет и Алтынай» и высылкой Троцкого из СССР).

14 августа 1937 г., через две недели после ареста, Клычков в своем заявлении на имя Н. И. Ежова [4, с. 341–345] давал подробные показания на себя и на своих товарищей по литературе. Клычков признает себя антисоветчиком, контрреволюционером, русским фашистом, готовящим государственный переворот с целью свержения существующего строя, «вождем кулацких поэтов», восстанавливающим молодых поэтов против советской власти. Он называет имена товарищей — Чаянова, Кондратьева, Кириллова, Герасимова, П. Васильева и других. Он заявляет о своем намерении исправить свои преступления — разоблачением себя и других. Текст письма напоминает официальный протокол. Обстоятельно и по-деловому перечисляет Клычков свои «преступления», и даже там, где речь идет о желании «исправиться», тон не меняется.

Н. Мандельштам вспоминала: «Говорили, что он мужественно держался со следователями. По-моему, такие глаза как у Клычкова должны были приводить следователей в бешенство ...» [3]. Как же совместить это свидетельство с письмом — самооговором? Ответ может дать еще одно заявление Клычкова на имя Н. И. Ежова, датированное тем же — 14 августа 1937 г. [4, с. 346]. В нем говорится, что, попав в тюрьму, он, Клычков, «впал в состояние полной прострации» и подал Ежову жалобу, которая является «клеветой на следователей» и которую Клычков просит аннулировать, так как это заявление бессмыслица, продиктованная желанием потерявшего разум и волю человека выкрутиться из беды. В конце лаконично сообщается, что все о своей «контрреволюционной деятельности» изложил в предыдущем заявлении от 14 августа 1937 г. и обещает в дальнейшем на следствии вести себя честно. Дело в том, что 9 августа 1937 г. подал Ежову жалобу (ее текст в деле отсутствует), в которой откровенно изложил все пережитое им за эти 9 дней, в том числе и то, каким пыткам он подвергся со стороны следователей. Прочитав эту «клевету на следователей», Ежов дал распоряжение поговорить с обвиняемым «как следует». Павловского, знаменитого в НКВД палача, злил отказ отвечать на вопросы в предыдущие дни, а после знакомства с жалобой расшвырял

окончательно. Еще 5 дней длились пытки, прежде чем поэта удалось сломить. Дальнейшие показания Клычкова не добавили ничего нового в плане «связей» его с «антисоветской группировкой». Повторяющиеся время от времени куски текста позволяют предположить, что они были написаны по одному, подготовленному заранее трафарету. Нетрудно догадаться, что следователи старались выбить из Клычкова как можно больше показаний на его товарищей по литературе. Однако добились они больше житейских фактов и уничтожающих характеристик (не исключено, ими же и продиктованных), чем конкретного материала для окончания оформления «дела».

16 августа 1937 г. Клычкову было объявлено «Постановление об избрании меры пресечения и предъявления обвинения», а еще через пять дней он давал новые показания, признавая в связях с Каменевым, троцкистами, Серебряковым (показания Кириллова!) и тому подобном. В результате был собран «материал» на три расстрельных приговора. Из Клычкова выбили подробный рассказ о «кулацких» поэтах, о «смычке» троцкизма с «русским фашизмом», признание в «террористических устремлениях», сведения обо всех знакомых Клычкова, с которыми он за последнее время встречался.

Еще месяц провел Клычков в Бутырской тюрьме, куда он был перевезен из внутренней тюрьмы НКВД. В конце сентября было сформулировано обвинительное заключение; 7 октября 1937 г. состоялось подготовительное заседание Верховной коллегии Верховного суда СССР; в тот же день Клычкова перевезли в Лефортово. 8 октября 1937 г. был оглашен приговор, и в тот же день Клычкова расстреляли. Официальная справка извещала, что Клычков умер в 1940 г. И до 1989 подлинная дата его гибели оставалась неизвестной. В 1956 г. при проверке «дела» было установлено, что все обвинения сфабрикованы, однако спросить было уже не с кого.

Официальная реабилитация требовала благоприятных отзывов современников. Их написали народный художник РСФСР С. Коненков, самыми добрыми словами отозвавшийся о друге, И. Гронский и Н. Накоряков, отделавшиеся массой оговорок. Но хватило и этого.

После реабилитации прошло почти еще 30 лет, прежде чем вышел сборник стихотворений Клычкова.

Орешин Петр Васильевич [16/28.07.1887, Саратов — 15.03.1938, в заключении] — поэт, прозаик. Первые его стихи были опубликованы в 1911 г. Осенью 1917 г. Орешин знакомится с Есениным в Петрограде, куда переехал в 1913 г.; в 1918 г. вместе с Есениным, Коненковым, Клычковым входит в инициативную группу по созданию крестьянской секции при московском Пролеткульте. В том же 1918 он вместе с Есениным, Клюевым, Ганиным участвует в сборнике «Скифы». К этому же времени относится начало его работы над поэмой «Микула», законченной и опубликованной в 1922. В поэме революция у Орешина, как и у других крестьянских поэтов, представлена символом религиозно-нравственного обновления

мира. Показав размах русской революции, Орешин — уже тогда — сумел зафиксировать и разрушительную ее сторону, связанную с разрушением «русского лада». «Так он и жил, пытаясь совместить в своей душе несовместимое — неискорененную любовь к старой России и искреннее увлечение «новью», которая обрекла эту Россию на гибель ... Не видеть кошмара окружающей жизни Орешин не мог. Колективизация понесла страшный удар по его иллюзиям, а стремление принять и понять ее, одновременно вырывая из себя кровное, родственное, порождало в душе разлад, который неминуемо вел к трагедии, к крушению всей жизни» [4, с. 400].

В 1923 г. Орешин стал одним из «героев» «дела четырех поэтов»; когда он вместе с Есениным, Клычковым и Ганиным за откровенные высказывания в адрес властей и их политики в области культуры был обвинен в антисемитизме.

Со второй половины 20-х поэт пытается освоить новые темы, постичь «новую красоту» послереволюционной действительности. Стихи на эти новые темы были отрицательно оценены Есениным («Плохие коммунистические стихи» [5, с. 521]).

В 1934 г. Орешин вновь сталкивается с правоохранительными органами. Он был задержан за то, что он в нетрезвом виде ругал власть Кагановича, Сталина и НКВД. Из документов-протоколов, составленных свидетелями, и рапортов, составленных служителями закона, — следует, что Орешин подтвердил эти свои слова и в трезвом состоянии. Кроме того, в этих же документах упоминается «заявление товарища Орешина», которое в «деле» отсутствует. Пока не найден никаких следов того, как поэту удалось выкрутиться. Имеющиеся документы никакой информации на этот счет не дают.

На общем собрании секции поэтов ССП 2 января 1937 г. выступление Орешина было единственным, где после ужасов Первой мировой и Гражданской войн, после трагедии раскулачивания, в разгар казенщины и репрессий прозвучал слова о внимании к человеку, о бережном отношении к человеческой личности: «В поэзии тревожное состояние, в поэзии не все благополучно, и здорово неблагополучно. ... Когда мы говорим друг с другом, мы чувствуем, как у нас сердце бьется, как мы трясемся, как у нас голос дрожит. А когда сидит на официальном собрании, как будто бы все гладко, как будто бы все на салазках катятся. Для того, чтобы работать, я должен чувствовать какую-то среду, куда бы я смог прийти. А когда придешь сюда, стараешься скорее назад уйти. Куда же идти, в пивную пить? ... Секция нужна, но она должна быть построена на совершенно других началах, должна заботиться о человеке». [5, с. 521].

7 сентября 1935 г. был допрошен Клычков, друг Орешина. Из его «дела» явствует, что протокол первого допроса следователей не удовлетворил, а жалоба Клычкова Ежову на незаконные методы ведения следствия привела их в ярость. За Клычкова взялись всерьез, и поэт,

не выдержав пыток, стал давать показания на своих друзей и знакомых, в частности, и об «антисоветской деятельности Орешина». В октябре 1935 Орешин был вновь арестован. К тому времени все его близкие друзья (за исключением Наседкина) были уже расстреляны. 31 октября его вызвали на первый допрос, но протокола этого допроса в «деле» нет. Можно только догадываться, что пришлось пережить поэту во время этого допроса. После соответствующей «обработки» Орешину дали бумагу и карандаш для написания покаянного письма Ежову. Это письмо датировано 15 ноября 1937 г. [4, с. 406–408]. Поэт признается в своих «контрреволюционных настроениях» — в своем несогласии «с линией партии в деле коллективизации», что нашло свое отражение в проводимой им с писателями «контрреволюционной агитации» и в творчестве (повести «Соловей», «Королек»); в «шовинистических взглядах» его и его друзей (Есенина, Клюева, Клычкова, Васильева); в «разговорах на злободневные темы» с такими писателями как Платонов, Нарбут, Никифоров и другие. Орешин просит пощадить его и дать возможность своей последующей жизнью доказать преданность своей стране. Это письмо озаглавлено словом «заявление»; оно разбито на пронумерованные пункты — как официальная бумага. Заканчивается письмо обещанием откровенно рассказать на следствии «о своей контрреволюционной деятельности и антисоветских связях».

После очередной серии «увещеваний» 4 декабря 1937 г. Орешин написал новое заявление на имя Ежова [4, с. 408–410]. Поэт заявляет, что в первом своем показании (видимо, имеется в виду показание, протокол которого в «деле» отсутствует), давал «неправильные формулировки» и тем самым запутывал следствие; теперь же он намерен исправить свою ошибку. В письме опять речь идет о «шовинистических контрреволюционных настроениях» его и «группировки», в состав которой входили Есенин, Клюев, Клычков, Герасимов, Карпов, Васильев, Артем Веселый и некоторые другие. Орешин признается в своих «контрреволюционных террористических выпадах против Сталина и Кагановича». В конце — опять просьба пощадить его и обещание откровенно рассказать о «контрреволюционной террористической деятельности указанной выше группировки и <Орешина> лично».

С интервалом в несколько дней Орешин давал устные и письменные показания. Конечно, Орешин оговорил себя. Однако в его показаниях не содержится ничего вопиющего, никаких интригующих разоблачений себя и других, только повторялись общие слова о «шовинизме», «троцкизме», «контрреволюции». Он держался до конца и отказался признавать себя и своих друзей в террористической деятельности. В конце концов его сломали предъявленные ему 25 декабря показания Клычкова о существовании некоей террористической группы, в которую входил Орешин [4, с. 416–417]. Но и тут поэт продолжал отрицать наличие каких-то намерений совершить теракт на практике.

В январе 1938 г. следствие по «делу» Орешина было закончено. После принятия обвинительного заключения поэт еще полтора месяца просидел во внутренней тюрьме на Лубянке. 15 марта состоялось закрытое судебное заседание военной коллегии, продлившееся 15 минут. Орешин признал себя виновным, отрицая террористическую деятельность. Приговор — расстрел с конфискацией имущества.

В 1956 г. сын Орешина К. П. Орешин написал секретарю правления СП А. Суркову письмо с просьбой содействовать в деле реабилитации его отца. 22 апреля 1956 г. в секретариат поступило письмо А. Т. Твардовского с поддержкой ходатайства К. Орешина (см.: [4, 418–419]).

П. Орешин был единственным из репрессированных крестьянских писателей, чья подлинная дата смерти была установлена в период первых посмертных реабилитаций и чье творчество было возвращено читателю почти сразу же после официальной реабилитации.

Поэт Василий Федорович Наседкин (1896–1938) был близким другом Сергея Есенина, мужем его сестры Екатерины. Наседкин и Есенин познакомились в 1914 в университете Шанявского. В 1917 г. Наседкин вступил в РКП(б), принимал участие в уличных боях в Москве против юнкеров. А в 1921 г. побывал на родине в Башкирии, увидел все то, что революция принесла России и всем населяющим ее народам — и порвал с партией. В 1930 его вызвали в ГПУ, где он должен был на допросе написать показания, объясняющие причины его выхода из партии. Очевидно, что за истекшие 10 лет его взгляды не изменились, он не смирился с уничтожением крестьянства. Очевидно и то, что на руках следователя Гендина, допрашивающего поэта уже было какое-то количество доносов на Наседкина, в которых стукачи описывали все высказывания поэта против власти. Арест Наседкина произошел в 1937 г. Его обвиняли в том, что он является членом террористической группы литераторов наряду с М. Карповым, И. Макаровым, П. Васильевым, И. Приблудным. Все они и, кроме того, сын Сергея Есенина Юрий, осужденный организатор террористической молодежной группы, дали показания против Наседкина. К моменту ареста Наседкина никого из них уже не было в живых. Можно предположить, что поэт по тюремному «телефону» узнал о гибели своих друзей; можно предположить, что оговаривать себя и других он стал лишь под пытками.

Наседкин пишет письмо Ежову [4, с. 379–381] — сколько репрессированных обращались именно к нему! Поэт кается в своих «контрреволюционных настроениях», в сомнениях в правильности партийной политики ... Затем Наседкин начинает давать показания, в которых вырисовывается картина жизни русских литераторов.

Следователи редактировали протоколы допросов, многое формулировали по-своему. Так, слова «фашизм» и «террор» были написаны не без их давления. Того, что общал Наседкин, было недостаточно для прямого обвинения по статье — отсюда и примечания, рассыпанные

по полям, своего рода «редакторская правка». И все же в письме Ежову и в протоколах можно понять, где Наседкин говорит от себя, а не под давлением следователей. Встречи с друзьями, разговоры о трагической судьбе обманутого крестьянства и о преступлениях, совершаемых под знаменем коллективизации, об удушающей литературной политике, о неравноправии русского народа и о его худшем положении по сравнению с другими народностями страны, о невозможности пробиться русскому писателю — все это можно было наблюдать воочию.

На завершающем судебном заседании Наседкин отказался от своих показаний, заявив, что давал их под пытками. В марте 1938 г. поэт был расстрелян. Его «дело» запрашивалось еще два раза в связи с разработкой и арестом «связей» — в 1946 и 1948 гг. В 1956 после запроса сына Василия Наседкина — Андрея — «дело» было пересмотрено, и поэт был реабилитирован.

Литература:

1. Есенин С. О пролетарских поэтах // Есенин С. А. Собрание сочинений. В 5 томах. М., 1961—1962. Том 5.
2. История русской литературы XX века (20—50-е годы): Литературный процесс. Учебное пособие. М., 2006.
3. Мандельштам Н. Я. Воспоминания. М., 1999.
4. Растерзанные тени. Избранные страницы «дел» 20—30-х годов, ВЧК — ОГПУ — НКВД заведенных на друзей, родных, литературных соратников, а также на литературных и политических врагов Сергея Есенина. Сост. Ст. Куняев, С. Куняев. М., 1995.
5. Русские писатели 20 века. Биографический словарь. М., 2000.

В 1938 г. была арестована Екатерина Наседкина. В постановлении об аресте говорилось, что она «является женой активного участника антисоветской организации Наседкина Василия Федоровича» и мерой пресечения должно быть «содержание в Бутырской тюрьме» [4, с. 421]. В ее деле находятся два письма на имя Берия. Второе из них написано из Рязанской области (ее обязали покинуть Москву как социально опасный элемент), и речь в нем идет о ее муже [4, с. 422]. Екатерина пишет, что «позор не дает ... покоя», что она не предательница родины, что она не знает ничего о делах Наседкина, так как они некоторое время не жили вместе, и считала его честным гражданином и хорошим отцом.

Все рассмотренные нами письма относятся к письмам-жалобам/просьбам/оправданиям. Зачастую в них звучат покаянные ноты и самооговоры. Как особую разновидность писем отметим письма во власть жён поэтов.

2. ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

«Не славой — участью я равен был тебе...» (Русский поэт А.С. Пушкин и мусульманский пророк Мухаммед)

Каменева Марина Борисовна, кандидат филологических наук, зав. учебной частью

Кыргызско-Российский Славянский университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Бишкек, Кыргызстан)

В истории ислама есть образы огромной поэтической силы. Одним из таких образов является образ Мухаммеда — основателя ислама. Мусульманская вера в смысле религиозной догматики умещается в краткой формуле: «Нет божества, кроме Аллаха, и Мухаммед — посланник Аллаха». Имя Мухаммеда, значащее «прославленный», «достойный восхваления» в Коране названо четыре раза:

И Мухаммад — только посланник, до которого были посланники. Разве ж если он умрет или будет убит, вы обратитесь вспять? (3: 138) [6].

Мухаммад не был отцом кого-либо из ваших мужчин, а только — посланником Аллаха и печатью пророков (33: 40).

А у тех, которые уверовали и творили благие деяния, и уверовали в то, что было ниспослано Мухаммаду, — а это — истина от их Господа, — Он загладит дурные деяния и упорядочит их состояние (47: 2).

Мухаммад — посланник Аллаха, и те, которые с ним, — яростны против неверных, милостивы между собой. Ты видишь их преклоняющихся, падающими ниц. Они ищут милости от Аллаха и благоволения (48: 29).

В Коране перед нами предстает «настоящий, живой Мухаммед, которого знает история, который оставил нам Коран и остался в нем» [8, 412]. Сомневаться в посланничестве Мухаммеда, пророка мусульман, — такой же грех, как и допустить сомнение в существовании Аллаха, «который ниспослал вам книгу, ясно изложенную, а те, которым Мы даровали книгу, знают, что она низведена от Господа твоего во истине» (6: 114). Начало божественных откровений относится к 610 г., когда сорокалетний Мухаммед по обыкновению удалился в свою пещеру и ясно услышал обращенный к нему Голос: «Читай!». Почувствовав, что это Глас Божий (предание говорит, что Мухаммеду явился архангел Джибраила), он спросил, что ему читать, и на третий раз повторил за голосом: «Читай! Во имя Господа твоего, который сотворил — сотворил человека из сгустка. Читай! И Господь твой щедрейший ... научил человека тому, чего он не знал» (96: 1–5). Так родились первые пять аятов, положившие начало Корану:

Он милосерд: он Магомету

Открыл сияющий Коран [7], —

следует Пушкин в «Подражаниях Корану» кораническим мотивам.

Согласно учению ислама, Коран есть несотворенное «слово Аллаха». Известно, что и библейским пророкам было «слово Господне» (Исаии 6: 8; Иеремии 32: 26–27; Иоили 1: 1), но искренность Мухаммеда ставилась под сомнение и его современниками, и врагами его религии. Так, тексту Корана в переводе М. Веревкина на русский язык с французского перевода Дю Риэ предшествовало «Житие лжепророка Магомета вкратце». О том, что Пушкин пользовался переводом М. И. Веревкина, указывают многие литературоведы [10]. Однако С. А. Фомичев утверждает, что «последнее стихотворение цикла неопровержимо свидетельствует о том, что к концу октября 1824 г. Пушкин имел перед глазами французский перевод Корана, выполненный М. Савари» [12, 120]. На данный источник указывал еще Л. Поливанов, постоянно соотносивший пушкинский текст именно с этим переводом [12, 120].

Коран — произведение сложное. Бади аз-Заман аль-Хамадани (ум. 1007 г.) поучал: «Начни изучение Корана; затем перейди к тафсиру: бог будет при этом тебе помогать» [5, 95]. Коран, хотя и был сведен в одно целое и закреплен письменно, но он постоянно требовал дополнения. Многие аяты непонятны, так как в своих проповедях Мухаммед ориентировался на слушателей, которые уже знали описываемые события. Такими дополнениями стали воспоминания ближайших сподвижников Мухаммеда — хадисы, впоследствии собранные в сунну. Вполне естественно предположить, что Пушкин читал всё, что мог найти. Для поэта были интересны приложения к Корану, дающие богатый материал о жизни Мухаммеда, не нашедшие свое отражение в тексте Корана. Пушкин «первым в русской поэзии обратился к Корану» [10, 65]. Стал «поэтом Корана» [16, 63]. В «Подражаниях Корану» поэт реабилитирует Мухаммеда: «сияющий Коран» ему был «открыт» «милосердным» Аллахом.

Поэт заметил важнейшую особенность Корана как книги, где «в подлиннике Алла везде говорит от своего имени, а о Магомете упоминается только во втором или третьем лице» (II, 318). И если в начале цикла «Подражания Корану» говорит Аллах, то «во второй части цикла, — отмечает Е. Эткинд, — слово принадлежит человеку» [16, 58]. И вообще «неясно, кто обращается к пророку: Бог, поэт, сам Магомет? Наиболее

вероятно последнее предположение, но оно остается нерешенным» [16, 61]. Собственно и в Коране можно наблюдать такую же картину. Так, аят: «Скажи: «Я не говорю вам, что у меня сокровищницы Аллаха, и не знаю я сокровенного, и не говорю вам, что я — ангел. Я следую только тому, что открывается мне» (6: 50), — воспринимается даже не речью Аллаха, а высказыванием Мухаммеда. Поэтому нет ничего удивительного, что такая же ситуация создается и в «Подражаниях Корану». С. Шварцбанд уверенно говорит о том, что «в цикле Пушкина стихотворная речь предстает говорением не только Аллаха, но и пророка» [15, 38]. В четвертом и пятом стихотворениях цикла многочисленные обращения «о всеильный», «господь», «Творец», вместе со вторым лицом «Ты господь», «Ты рек», и третьим «Он милосерд», сразу же маркирует поэтическую речь как речь Мухаммеда. Кроме того, по мнению С. Шварцбанда, «говорение в 6 и 7 «Подражаниях» воспринимается не только магометовским, но и собственно авторским» [15, 41]. Литературовед считает, что «открыв для себя высшую «кораническую свободу» — свободу демиурга, — поэт впервые в мировой поэтической практике собственной речью «заместил» речь Творца, пусть в чужом, но тем не менее в священном тексте» [15, 43].

Об отношении Пушкина к Мухаммеду можно судить по высказываниям современников. Так, К. Ф. Рылеев умолял поэта не подражать Байрону «ради твоего любезного Магомета» [2, 124]. П. В. Анненков писал: «К эпохе михайловской жизни относятся и его превосходные переводы и выдержки из Алкорана. Он был до того увлечен гиперболической поэзией произведения, что почел за долг распространять имя Магомета, как гениального художника, в литературных кругах» [1, 292]. Пушкин не только ставит Мухаммеда в один ряд с поэтами Востока, но и в одном из отрывков 1824 года называет его поэтом:

Они твердили: пусть виденья

Толкует хитрый Магомет,

Они ума его <творенья> <?>

Его ль нам слушать — он поэт!.. (II, 421)

Хотя Н. В. Фридман и утверждает, что нельзя «приписать эту стихотворную фразу самому основателю Ислама» [13, 90], так как он в Коране враждует с арабскими поэтами, но это еще не доказывает того, что он не любил поэзии. Еврейский поэт и писатель Исхуда ал-Харири писал: «... поэзия среди сынов арабов есть их наследие со дня их появления на земле. Не знали только, как напал дух песнопения на арабов и кто вначале раскрыл врата поэзии и вошел в ее покои, чтобы собрать ее хрусталь и жемчуга...» [9, 328]. Поэтому вполне естественно, что Мухаммед был воспитан на поэтических традициях, и они не могли не проявиться в его проповедях. Поэтом признавал Мухаммеда и переводчик Корана И. Ю. Крачковский: «Догматика слаба. [Мухаммад] — поэт, а не мыслитель... Несмотря на протесты, Мухаммад — поэт... Язычники пели о свободной жизни в степях, об охоте, о любви; Мухаммад — о боге, рае, аде, древних народах и их пророках, [что]

совершенно ново для [той] среды» [6, 669]. Можно предположить, что судьба Мухаммеда — поэта могла интересовать Пушкина, так же, как и судьбы других поэтов: Овидия, Дж. Байрона, А. Шенье. В стихотворении «К Овидию» поэт писал: «Не славой — участью я равен был тебе...» (II, 198). Пушкина не могла не увлечь натура Мухаммеда, обладающая колоссальным упорством и непоколебимой верой в важность своей миссии: «Мухаммед и его дело уцелели, потому что он говорил, если так можно выразиться, не только от лица бога, но и от лица арабов, или, скорее, как считал он сам, потому что он явился к своему народу как арабский пророк», — писал американский исследователь Г. Э. фон Грюнебаум [4, 27]. Поэтому оправдано предположение Н. В. Фридмана о том, что трактовка образа пророка в «Подражаниях» имела биографическую основу: «За фигурой Магомета вырисовывается изгнанник Пушкин, в своем михайловском уединении создающий «Подражания Корану», — поэт, твердо переносящий гонение и наделенный огромной силой слова» [13, 89]. «Между тем принужден был бежать из Мекки в Медину, мой Коран пошел по рукам» (XII, 125), — писал поэт Вяземскому, подчеркивая связь своего положения с судьбой Мухаммеда. Бегство из Мекки в Медину для Пушкина — переезд из Одессы в ссылку — Михайловское, «мой Коран» — рукопись сборника стихотворений, в которой были «Подражания Корану» [10, 279].

Бегство Мухаммеда из Мекки связано с тем, что первоначально проповедь новой религии проходила бесконфликтно. Нельзя сказать, что Мухаммед имел успех, но число его сторонников росло. Вскоре ситуация изменилась. Проповеди Мухаммеда были встречены знатными курайшитами крайне враждебно. Ведь он отвергал языческие культы, а это, по мнению мекканцев, могло нанести ущерб святости Каабе, с поклонением которой были связаны не только их религиозные чувства, но и материальные выгоды. Мухаммед был вынужден тайно бежать из Мекки в Медину в июле (по другой версии — в сентябре) 622 г. С этого события — «хиджра» (переселение) — начинается отсчет времени по мусульманскому лунному календарю. Данный эпизод отражен Пушкиным в «Подражаниях Корану»:

Нет, не покинул я тебя.

Кого же в сень успокоенья

Я ввел, главу его любя,

И скрыл от зоркого гоненья? (II, 314)

При бегстве из Мекки, спасаясь от погони, Мухаммед со своим спутником Абу Бакром скрылись в пещере, которая, однако, была обнаружена преследователями. Тогда перед входом в нее по мановению небес моментально выросло дерево. Преследователи хотели проникнуть в грот, но заметили, что вход туда закрыт паутиной и что голубь там свил гнездо. При виде этого они вернулись обратно. Об этом сказано в Коране: «Вот изгнали его те, которые не веровали, когда он был вторым из двух. Вот оба они были в пещере...» (9: 40). Мотив изгнания находим в сурах 8:30,

47:14, 60:1. Текст Корана лаконичен и явно подразумевает знание события. Этим приемом воспользовался и Пушкин в «Подражаниях Корану».

Мотив гонения находили во многих стихотворениях А. С. Пушкина: «В пещере тайной, в день гоненья...» (II, 423), «Не тем горжусь я, мой певец...» (II, 231), «К Языкову» (II, 288), «19 октября» («Роняет лес багряный свой убор...») (II, 374), в послании к П. А. Осиповой «Быть может, уж недолго мне...» (II, 350), «Храни меня, мой талисман...» (II, 351), «Я помню чудное мгновенье...» (II, 358).

С. А. Фомичев подчеркивал, что «Пушкину был близок поэтический смысл легенды о Мухаммеде, согласно которой время самых тяжелых испытаний стало для пророка началом полнейшего торжества его учения, — именно из Медины оно распространилось по всей Аравии» [12, 125]. Поэтому не случайно со стихотворения «Хиджра» начинается «Западно-восточный диван» Гете. Поэт уходит от окружающей действительности в поэтический мир Востока:

На Восток отправься дальный
Воздух пить патриархальный,
В край вина, любви и песни,
К новой жизни там воскресни...
(пер. В. Левика) [3, 5]

Он сумел органически соединить в «Западно-восточном диване» достижения двух культур — Востока и Запада. Выход в свет «Дивана» в 1819 г. ознаменовал вторую молодость Гете. Но ведь и Пушкин переживает в Михайловском духовное обновление под влиянием творчества: «Поэзия, как ангел-утешитель, спасла меня, и я воскрес душой». «Поэт обращается к Корану, — писал И. С. Брагинский, — воспринимая его так же, как и Гете, философско-поэтически» [2, 123].

О стихотворном трактате Н. Буало «Искусство поэзии», положения которого стали обязательными для писателей-классицистов, поэт писал: «Буало обнародовал свой Коран — и фр.<анцузская> слов.<есность> ему

покорилась» (XI, 38). Так же, как покорился Мухаммеду арабский народ и пошел за ним. Бесспорно, Мухаммед мог служить примером исключительной духовной власти над современниками. Хотел ли Пушкин, чтобы и его творчество имело такое воздействие? Конечно, так как в стихотворении «Талисман» он писал:

Сохрани мой талисман:
В нем таинственная сила!
Он тебе любовью дан...

.....
И богатствами Востока
Он тебя не одарит,
И поклонников пророка
Он тебе не покарит... (II, 83)

«Подражания Корану» были снабжены Пушкиным очень характерным примечанием: «Нечестивые, пишет Магомет (глава *Награды*), думают, что Коран есть собрание новой лжи и старых басен. Мнение сих нечестивых, конечно, справедливо...» (III, 318). И. И. Черняев, комментируя цитируемое суждение Пушкина и обвиняя поэта в неискренности, показывает тем самым отношение Пушкина к Корану: «Его поразила и привлекла не только та часть этики Корана, которая напоминает Священное Писание, но и монотеизм Магомета и его вдохновенная проповедь Божьего Всемогущества, Божьей мудрости, благости и справедливости. Все это приводит нас к тому выводу, что примечание, сделанное Пушкиным к «Подражаниям Корану», нельзя принимать за чистую монету... В глубине души Пушкин уже преклонялся, когда писал «Подражания», перед тем, что называл «старыми баснями» [14, 61]. Действительно, стоит ли отрицать роль Мухаммеда, который сплотил разрозненные и враждовавшие между собой арабские племена в единый народ, объединил их в единое государство и привел к единой вере. Так и творчество Пушкина оказало огромное влияние на развитие русской литературы и русского языка, что позволяет нам говорить о духовной и исторической близости этих личностей.

Литература:

1. Анненков П. В. Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху. — СПб., 1874. — С. 303–304 // Томашевский Б. Пушкин: В 2 т. Т. 2. — М.: Худож. лит., 1990.
2. Брагинский И. С. Записки о западно-восточном синтезе в лирике Пушкина // Народы Азии и Африки. — 1965. — № 4.
3. Гете И. В. Западно-восточный диван. — М.: Наука, 1988.
4. Грюнебаум Г. Э. фон. Классический ислам: Очерк истории (600–1258). — М.: Наука, 1988.
5. Климович Л. И. Книга о Коране, его происхождении и мифологии. — 2-е изд., доп. — М.: Политиздат, 1988.
6. Коран / Пер. с араб. и коммент. акад. И. Ю. Крачковского. — М.: Изд-во восточной литературы, 1963. (Далее сноски приводятся по этому изданию, указывается сура и стих).
7. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 17 т. Т. 2. — М.: Воскресенье, 1994–1997. — С. 316 (Далее сноски приводятся по этому изданию, указываются том и страница).
8. Соловьев В. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. — М.: Книга, 1990.
9. Цит. по: Старкова К. Б. Арабский язык и литература в оценке еврейских средневековых писателей // Проблемы арабской культуры. — М.: Наука, 1987.

10. Томашевский Б. Пушкин: В 2 т. Т. 2. — М.: Худож. лит., 1990 — С. 280; Кашталева К. «Подражания Корану» Пушкина и их первоисточник // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. — Т. 5. — Л.: Изд-во АН СССР, 1930.
11. Фомичев С. А. Библейские мотивы в «Подражаниях Корану» // Коран и Библия в творчестве А. С. Пушкина / Под ред. Д. Сегала и С. Шварцбанда. — Иерусалим: Центр изучения славянских языков и литератур при Еврейском университете, 2000.
12. Фомичев С. А. Поэзия Пушкина: Творческая эволюция. — Л.: Наука, 1986.
13. Фридман Н. В. Образ поэта-пророка в лирике Пушкина // Ученые записки. Труды кафедры русской литературы. — Вып. 118. — кн.2. — М.: Изд-во МГУ, 1946.
14. Черняев И. И. «Пророк» Пушкина и в связи с его же «Подражаниями Корану». — М., 1897. (оттиск из журнала «Русское обозрение» — 1897. — С.50–51) // Юрьева И. Ю. Пушкин и христианство: Сборник произведений А. С. Пушкина с параллельными текстами из Священного Писания и комментариями. — М.: Муравей, 1998.
15. Шварцбанд С. О первом примечании к «Подражаниям Корану» // Коран и Библия в творчестве А. С. Пушкина.
16. Эткинд Е. Пушкинская «поэтика странного»: поиск новой выразительности и цикл «Подражания Корану» // Коран и Библия в творчестве А. С. Пушкина / под ред. Д. Сегала и С. Шварцбанда. — Иерусалим: Центр изучения славянских языков и литератур при Еврейском университете, 2000.

3. НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Сходство и различие русских и монгольских пословиц и поговорок с названиями животных

Буркова Светлана Сергеевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель
Военный учебный научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»
(г. Воронеж)

Пословицы и поговорки представляют собой один из самых древних видов народного творчества. В них народ правдиво отразил свой огромный жизненный опыт и свою историю. В образных и мудрых изречениях он запечатлел обычаи и нравы, чаяния и надежды. В пословицах и поговорках нашла свое отражение любовь народа к созидательному труду и ко всему, что сопровождает этот труд: к сноровке, к сообразительности, к таланту. В них с особой силой выражается отношение народа к таким достоинствам человеческого характера, как душевная отзывчивость, аккуратность, бескорыстие, честность, смелость, любовь к семье.

В русских и монгольских пословицах и поговорках важное место отводится животному миру, опоэтизированной народной фантазией, ставшему частью человеческой жизни и вековой мудрости предков. В образах животных раскрываются представления о добре и зле, о правде и лжи, о достойном и недостойном поведении человека.

Самые популярные в русском фольклоре животные — собака, корова и лошадь. Зная характер деятельности крестьянина, не приходится удивляться: именно эти животные играли важную роль в домашнем хозяйстве русских людей.

Лидер пословиц — собака: *Собака лает — ветер носит; Пес космат — ему тепло, мужик богат — ему добро*. Собака на Руси не давала сельскохозяйственной продукции, но была достаточно колоритной «фигурой». В фольклоре животное оценивается и как верный друг, и как зубастый сторож богачей, и как бесправное, презираемое существо: *Добрый пес на ветер не лает; При верном псе сторож спит; Жил собакой, окопел псом*. Можно сказать, что собака — образ, используемый в разных интерпретациях: трусость, малый достаток, нищета, бедность, пустословие — с одной стороны, а с другой — хитрость, успешность, что-то узнаваемое, знакомое каждому.

Одно из первых мест в народных изречениях принадлежит лошади. Популярность лошади вполне понятна, ведь конь был основой крестьянского хозяйства. О лошадях в большинстве изречений говорится с любовью и уважением: *Лошадь — человеку крылья; Непродажному коню и цены нет; Погоняй коня не кнутом, а овсом; Счастье*

не лошадь: не везет по прямой дорожке; Старый конь борозды не испортит. Лошадь олицетворяет трудолюбие, работоспособность, здоровье, смирение.

С почетом чаще всего говорилось и о корове как о кормилице семьи: *Корова во дворе — харч на столе; Была бы корова, найдем и подоюнок; Привыкай, корова, к ржаной соломе; Коровушка с кошку, надоили ложку*. Корова олицетворяет достаток, пищу, крепкое хозяйство, надежность. *Не краса корове, что часты пестрины, Корова пестра, да и та без хвоста* — в подобных пословицах над кормилицей слегка подсмеиваются, но все равно чувствуется уважение и любовь к ней.

Лидером среди животных, встречающихся в монгольских пословицах и поговорках, является, несомненно, конь. Отношение монголов к этому животному может быть в полной мере выражено пословицей *Монгол без коня, что птица без крыльев*. Лошадь очень значима в монгольской культуре. Это традиционный подарок мальчикам на третий день рождения. У каждого члена традиционной монгольской семьи есть свой конь, некоторые члены семьи ограждают своих любимых лошадей от больших нагрузок.

О значимости коня в монгольской культуре свидетельствуют такие пословицы и поговорки: *О дальности дороги знает конь, о встречных препятствиях — сердце; Седло — украшение коня, жена — украшение жизни; Можно завоевать вселенную, сидя на коне, но управлять ею, оставаясь в седле, невозможно; Настоящий человек осуществляет задуманное, хороший конь доходит до цели*. С конем связана и легенда о происхождении уникальной в мировой культуре монгольской традиции — обо. Как гласит легенда, у знаменитого всадника издох конь. Всадник положил череп своего любимца на перевале, чтобы умиротворить духов окружающей местности. Так и возникло первое обо. Монгольский конь был ценным спутником всадника. Он мог покрывать дальние расстояния с короткими передышками и существовать, питаясь пучками травы и листьев, найденными им на своем пути. Монгол хорошо заботился о своем коне.

Конь в монгольских пословицах всегда упоминается в положительных смыслах. Вся жизнь человека

сопоставляется с жизнью коня: взросление, воспитание (*Станет ли человеком — видно с детства, станет ли хорошею лошадейю — видно по жеребенку; Выкорми клячу — будет добрый конь, воспитай сирот — будет добрый человек*), выбор жизненного пути (*У доброго коня много хозяев, а у хорошего человека много друзей; Настоящий человек осуществляет задуманное, хороший конь доходит до цели*).

Следующее по частотности животное — собака. Собака олицетворяет трудолюбие: *Идущий пёс найдёт кость*, ее жизнь трудна и полна лишений: *Дела как у собаки (проблемы)*. В то же время в некоторых пословицах собака предстает легкомысленным и даже глуповатым животным, к которому не следует относиться очень серьезно: *Собака лает, но не кусается, Злая собака теряет свои зубы, льстивый человек лишается своего достоинства*.

Верблюд — частый персонаж монгольских пословиц и поговорок. Образ этого животного в представлениях монгольских народов на фоне наиболее любимого кочевниками животного — лошади — остается малоисследованным. Причина отсутствия интереса к верблюду обусловлена его низкой хозяйственной значимостью в быту современных кочевников. Однако в разнообразных этнографических, фольклорных материалах обнаруживаются следы почитания верблюда в прошлом. В монгольском фольклоре существует большое количество поговорок, в которых верблюд является главным персонажем. Его внешность, необыкновенная сила и черты характера обсуждаются с разных позиций и экстраполируются на человека. Относительно внешности и заносчивости, упрямства верблюдов известно много поговорок: *Человек не осознает своей вины, верблюд не ведаёт, что у него выпяченная грудь; Верблюд не знает о том, что он вытягивает шею, а человек не знает о своей наивности; Верблюд не знает, что у него шея кривая, но упрекает змею, что у нее тело тонко*.

Об особом почтении, выказываемом монголами по отношению к верблюду, свидетельствуют пословицы, в которых верблюд связывается с небом: *Человек, находящийся на верблюде, близок к небу; Верблюд знает, где нам остановиться, небо знает, тепло ли нам ехать*.

Что же общего и различного у монгольских и русских пословиц и поговорок?

Персонажами русских и монгольских пословиц и поговорок являются конь, корова, собака. Это связано с общностью образа жизни наших народов, важностью сельского хозяйства, в котором широко применялись названные животные.

Образ коня особенно важен в русской и монгольской культуре. Этим фактом объясняется большое количество пословиц и поговорок, в которых конь неизменно предстает добрым, умным, трудолюбивым животным. Именно положительные качества человека подчеркиваются в пословицах, главный герой которых — конь.

Пословицы и поговорки с названиями некоторых животных встречаются только в русском или только в монгольском фольклоре. Так, среди персонажей монгольских пословиц одно из ведущих мест занимает верблюд. Это связано с почитанием верблюда монголами, особенно в прошлом. Напротив, отсутствие этого животного в русских пословицах (или редкое упоминание) объясняется тем, что верблюд никогда не использовался в повседневной жизни русского народа и даже считался экзотическим животным. В то же время в русском фольклоре значимое место занимает образ медведя — в качестве положительного или же отрицательного героя пословиц и поговорок. Недаром медведя часто считают символом России, что позволило некоторым ученым включить медведя в концептосферу русской культуры.

Некоторые различия касаются художественных особенностей пословиц и поговорок. Монгольские пословицы в большинстве случаев строятся по принципу синтаксического параллелизма. В них упоминаются человек (его черты характера, жизненная ситуация) и животное: *Хороших собак хозяева держат на привязи, хороших людей князь держат в темнице; Настоящий человек осуществляет задуманное, хороший конь доходит до цели*. В русских пословицах, как правило, содержится образ животного, а проекция на человека, его поведение, черты характера подразумевается и легко прочитывается: *Старый конь борозды не испортит; Два медведя в одной берлоге не уживутся; Погоняй коня не кнутом, а овсом*. Монгольские пословицы гораздо в большей степени, чем русские, афористичны. Они тяготеют к высокой степени обобщения: *Можно завоевать вселенную, сидя на коне, но управлять ею, оставаясь в седле, невозможно; Верблюд знает, где нам остановиться, небо знает, тепло ли нам ехать*. Тогда как русские пословицы чаще всего описывают конкретные жизненные ситуации: *Каждая лиса свой хвост нахваливает; Казак сам не ест, а лошадь кормит*.

Среди русских пословиц и поговорок можно найти аналоги монгольским и наоборот. В некоторых случаях такие пословицы почти идентичны: *Лошадь — человеку крылья (русск.), Монгол без коня, что птица без крыльев (монг.)*. Иногда можно найти смысловые аналоги с разными образами животных: *Коня упустишь — поймаешь, слово обронишь — не поймаешь (монг.), Слово не воробей: вылетит — не поймаешь (русск.), Выйдя из пасти волка, попасть в пасть тигра (монг.), Из огня да в полымя (русск.)*.

Названия животных, представленные в пословицах, символизируют те или иные качества человека. Однако представление об этих чертах у каждого народа свое. Это свидетельствует об индивидуальности образного мышления конкретного народа, что является собой сложный ассоциативно-психологический процесс, а также о различиях в ценностной картине мира различных этносов. Поэтому важнейшей задачей для лингвистической науки является

исследование семантики и функций наименований животных, прослеживание роли, которую в языковой картине мира играют языковые образы животных, представленные в пословицах.

Литература:

1. Дайриймаа Б. Бытование монгольских сказок // Вестник Санкт-Петербургского университета, 2009. Вып. 2. С. 21–24.
2. Даль В. И. Пословицы и поговорки русского народа. М., 2003. 612 с.
3. Кульганек И. В. Монгольский поэтический фольклор: проблемы изучения, коллекции, поэтика. СПб.: Петерб. востоковедение, 2010. 227 с.
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2005. 894 с.
5. Фольклор монгольских народов: исследование и тексты / сост. С. С. Бардаханова, С. Д. Гылежилова. М.: Элиста: Джангар, 2011. 444 с.
6. Шишин М. Ю., Макарова Е. В. Константы культуры России и Монголии: очерки истории и теории. Барнаул: ОАО Алтайский дом печати, 2010. 313 с.

4. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Поэтическое представление образа «слово» (на материале стихотворения «Слово» Н.С. Гумилева)

Кругляк Татьяна Владимировна, магистрант
Башкирский государственный университет (г. Уфа)

Николай Степанович Гумилёв — теоретик акмеизма и создатель «Цеха поэтов». Акмеистическое течение провозгласило бережное отношение к слову, акмеисты ценили прежде всего «свежесть слов и мыслей простоту» (Ахматова), что определило характер новой поэзии. «Реальность в поэзии — слово как таковое», — утверждал Мандельштам. Пробуждается острый интерес к языковедению, раскрываются глаза на внешнюю (звуковую) и внутреннюю (смысловую) природу слова, «статичность «настроений» и «переживаний» сменяет энергия, активность, конструктивность, и в этом титаническом деле поэта ведет вера в могущество слова. Поэтому все новые поэты — крайние вербалисты» [7, с. 373]. Сохраняя модернистское сакральное отношение к слову, «акмеисты следовали Адаму, роль которого до грехопадения определялась наречением (называнием) реалий земного мира. Возвращение к языку изначальных девственных наименований — именно такую задачу ставили перед собой акмеисты» [3, с. 121].

Критики отмечают, что именно Н. С. Гумилёву «было в высшей мере присуще чувство ответственности перед словом. Этим объясняется отчасти его стремление к ясности и отчетливости в поэзии, желание избежать всяких «мистических» мотивов в своем творчестве... Для Н. С. Гумилёва слово не погремушка для развлечения взрослых ребят, а перст указывающий». Поэта упрекают в некоторой сухости его стихов, однако «это была сдержанность, сознание ответственности перед словом, огромную силу воздействия которого он знал» [1]. Н. С. Гумилев в своих стихах напомнил, что «вначале было Слово». В дневнике А. А. Блока, который составил конспект выступления Н. С. Гумилева об О. Э. Мандельштаме на вечере в Клубе поэтов в 1920 г., цитируется то, что Гумилев говорил: «Вначале было Слово, из Слова возникли мысли, слова, уже не похожие на Слово, но имеющие, однако, источником Его; и все кончится Словом — все исчезнет, останется одно Оно» [4].

Лучшая книга стихов Гумилева — «Огненный столп», относящаяся к последнему периоду его жизни и включающая стихотворение «Слово» (1921), сосредоточена на глубинных душевных движениях, сопряженных с острым переживанием современности и чувством трагической тревоги. В этот период в творчестве поэта критики стали отмечать «философское начало его поэзии, пронизанность

христианскими мотивами, глубокое видение природы вещей и сути человеческого духа» [6, с. 140].

В известном стихотворении «Слово» [2, с. 273], состоящем из шести строф, можно четко выделить три части, в которых раскрываются определенные микротемы. Итак, в первой части — строфы 1–2 — создается картина могущественности первоначального слова. Сложноподчиненное предложение, представляющее всю первую строфу, имеет один явный актанта — «Бог склонял лицо свое», лексема «слово» же, употреблённая в творительном инструментальном падеже, выступает в роли орудия — «Солнце останавливали словом, Словом разрушали города». С самого начала поэт дает понять, что творцом и единым началом всего был Бог. Вторая строфа, являющаяся сложноподчиненным предложением с придаточным причины, имеет главным действующим объектом Слово: именно божественное «слово» является той силой, заставляющей менять привычный ход вещей — «И орел не взмахивал крылами, Звезды жались в ужасе к луне, Если... Слово проплывало в вышине». Лексико-тематические группы существительных, встречающихся в данной части, свидетельствуют о желании автора показать неограниченные возможности слова. Группа слов с темой «мир, явления, предметы мира»: мир, Бог, солнце, город, орел, звезды, луна — рисуют широкую панораму действительности. Отнесенность слова к явлениям высшего порядка представлена употреблением следующих лексем, относящихся к теме «высота»: склонял, солнце, орел, звезды луна, вышина. Посредством сравнительного оборота с союзом «точно», поэт присуждает слову статус священного живого — «точно розовое пламя», а наличие архаичных форм («оный», «крылами») подчеркивает торжественное, почтительное отношение к слову. Однако стоит обратить внимание на временные показатели описываемых событий: глаголы в форме прошедшего времени несовершенного вида — «склонял», «останавливали», «разрушали», «не взмахивал», «жалась», «проплывало», союзы с временным значением — «когда», «тогда» и обстоятельство времени «в оный день» — все это относит нас к мысли о том, что поэт желал подчеркнуть давность той поры.

Содержание второй микротемы (строфы 3–4) противопоставлено предшествующему, на что сразу указывает

противительный союз «а», с которого начинается третья строфа: с высокой силой слова не сравнится земному, низкому числу — «А для низкой жизни были числа...». Однако число, по Гумилеву, безвольно перешло в ведение людей, став заменой того, чего не могли постичь человеческий ум. Поэт вводит сравнение «Как домашний, подъяремный скот», относящееся к определению сущности служения числа людям и подчеркивающее безвольность, обреченность на труд («Подъяремный — находящийся в порабощении у кого-н., под ярмом» [8, с. 546]) того, что «все оттенки смысла... передает». Слово являет истину, до которой людям не суждено добраться, вот почему им приходится довольствоваться лишь «оттенками смысла», передаваемыми числами, а не самой сутью. Люди слишком грешны, чтобы им было явлено слово, ведь даже патриарх как «глава церковной иерархии» [8, с. 496] не решается обратиться к нему. Так в этой части стихотворения в противовес высокой сфере обитания слова представлена повседневная, материальная жизнь людей, выбравших себе в боги число, людей, понимающих всю священную недостижимость слова и боящихся его осквернить («Не решаясь обратиться к звуку, Тростью на песке чертил число»).

В заключительных строфах произведения открывается еще одно временное пространство — настоящее. Противительный союз «но», венчающий пятую строфу, и употребление глаголов прошедшего времени совершенного вида «забыли», «поставили» указывает на завершенность процесса, на невозможность его дальнейшего развития. Однако конструкции с употреблением форм настоящего неактуального времени — «... осиянно Только слово...», «Сказано, что слово это — Бог», дают понять, что святость слова непокорна времени. В этой же строфе поэт раскрывает суть своего понимания слова. Сложноподчиненное предложение с изъяснительным придаточным поясняет: «И в Евангелии от Иоанна Сказано, что слово это — Бог». Существительные в форме именительного падежа «слово», «Бог» являются главными членами предложения, поэтому между ними по правилам русской орфографии ставится тире. Однако местоположение лексемы «это» между главными членами предложения имеет свои нюансы, за которыми скрываются важные сведения: если слово «это» употребляется на границе двух предложений, из которых второе содержит в себе истолкование, разъяснение первого, то оно является указательным словом, но в нашем случае представлено иное употребление — после сказуемого, перед тире. В этом случае «это» предстаёт в виде указательной частицы, употребляющейся при подчёркивании, выделении того или иного члена предложения. Так, отсюда делаем вывод: для Н. С. Гумилёва очевидна первичность Бога по отношению к слову, не Слово — это Бог, а слово это — Бог, и только слово о Боге, сам Бог есть святость «среди земных тревог».

Шестая строфа передает горечь утраты понимания святости Слова людьми, которую поэт передает посредством употребления лексем, несущих явно отрицательные

эмоции: «скудные», «опустелый», «дурно», «мёртвые». Лирический герой также берет на себя ответственность за это — личное местоимение «мы» показывает его включенность в общую долю вины. По Н. С. Гумилёву, люди совершили ошибку по отношению к слову — «... поставили пределом Скудные пределы естества». Форма глагола прошедшего времени совершенного вида «поставили» показывает необратимость действия. Бог, воплощенный в Слове, был заточен в сфере обитания людей, был разменян на мелкую монету — слова со стертой, отнятой у них сутью. Лексема «естество» согласно «Толковому словарю русского языка» по ред. С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой имеет два значения: «(устар.) 1. Самая суть, сущность чего-н. 2. То же, что природа» [8, с. 188]. Смеем предположить, что поэт употребил данное слово именно во втором значении, так как в следующих строках посредством сравнительного оборота с частицей «как» нынешние слова уподобляются одним из самых трудолюбивых божьих тварей, обитающих в природе — пчелам, которые остались без своей матки и сот с медом в «улье опустелом» без цели и смысла жизни. Так, по мнению поэта, слово, которое некогда обладало святостью самого Бога, создавшего его и вложившего великую суть, было испорчено людьми: теперь это не высшая идея, а материал, вещь. Сравнение «как пчелы» также показывает и то, что слова, бывшие живыми, по вине людей приобрели свое новое грустное определение — «мертвые слова», которые были испорчены людьми, их алчностью, желанием посягнуть на святое, присвоить его себе. «Дурно пахнут» испорченные, изношенные людьми слова.

Также стоит отметить, что стихотворение построено на многочисленных библейских реминисценциях. Под строкой «Солнце останавливали словом» имеется в виду рассказанное в Книге Иисуса Навина событие, когда Навин, сподвижник Моисея, полководец, вождь израильского народа, в битве против войска пяти царей Ханаанских словом остановил солнце над полем сражения: «И остановилось солнце, и луна стояла, доколе народ мстил врагам своим (X, 10–14)» [4, с. 165]. А строка «Словом разрушали города» содержит в себе «напоминание о еще одном событии из той же Книги (VI), когда стены города Иерихона пали от народного клика и звуков труб». Но человек хоть сколько-нибудь знакомый с Библией после прочтения «И в Евангелии от Иоанна Сказано, что слово это — Бог» сразу вспомнит великое: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Св. Евангелие от Иоанна).

Принимая во внимание все рассматриваемые нами языковые, литературные и общекультурные факты, мы смеем предположить, что слово, образ которого создан Н. С. Гумилёвым в одноимённом стихотворении, является для поэта священной, божественной ценностью, откровением Божьим. Это истинная природа слова, которую попрали люди, материализовав и измельчив ее. Так, рассуждения Н. С. Трубецкого, приведенные Ю. С. Степановым в своем «Словаре констант русской

культуры» о Слове-Логосе Евангелия как о «совершенном откровении Существа Божия, предвечном образе Божьем» могут, по нашему мнению, являться и основой для восприятия слова Н. С. Гумилёвым. Также, думается, поэту была близка мысль его современника, известного литературоведа, критика В. Б. Шкловского: «Древнейшим

поэтическим творчеством человека было творчество слов. Сейчас слова мертвы, и язык подобен кладбищу, но только что рожденное слово было живо образно,... и часто, когда добираться до теперь уже потерянного, стертого образа, положенного некогда в основу слова, то поражаешься его красотой, которая была и которой уже нет» [9].

Литература:

1. Бем А. Л. Памяти Н. С. Гумилёва (1921–1931) [Электронный ресурс] // Николай Гумилёв: электронное собрание сочинений. — Режим доступа. — URL: <https://gumilev.ru/about/105/> (дата обращения 02.05.2016).
2. Гумилев Н. С. Слово // Сочинения. В 3 т. Т. 1. Стихотворения, Поэмы. — М.: Худож. лит., 1991. — С. 273.
3. Егорова Л. Н. История русской литературы XX века. Первая половина: учебник: В 2 кн. — Кн. 1: Общие вопросы / Л. П. Егорова, А. А. Фокин, И. Н. Иванова, и др. — 2-е изд., перераб. — М., ФЛИНТА, 2014. 450 с.
4. Качурин М. Г. Библия и русская литература: Хрестоматия. — Спб.: «Каравелла», 1995. 582 с.
5. Климова Е. В. Из архивных разысканий: набросок «План анализа стихотворения» Н. Гумилёва. [Электронный ресурс] // Николай Гумилёв: электронное собрание сочинений. — Режим доступа. — URL: <https://gumilev.ru/about/143/> (дата обращения 03.05.2016).
6. Кузьмина С. Ф. История русской литературы XX века. Поэзия Серебряного века. Учебное пособие. — 2-е изд. — М.: Флинта: Наука, 2009. 400 с.
7. Мочульский К. В. Классицизм в современной русской поэзии // Критика русского зарубежья. — М.: АСТ, 2002. Т. 2. 418 с.
8. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — Российская академия наук. Институт языка им. В. В. Виноградова. — 4-е изд., дополненное. — М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
9. Шкловский В. Б. Гамбургский счет. Статьи-воспоминания — эссе (1914–1933). — М.: Советский писатель, 1990. 331 с.

Уральские мотивы в романе Ольги Славниковой «2017»

Ляшенко Ольга Игоревна, учитель русского языка и литературы
МАОУ Лицей № 10 г. Перми

Ольга Славникова вошла в большую литературу в 1999 году с романом «Стрекоза, увеличенная до размеров собаки», который стал номинантом престижной Буковской премии.

Но настоящую известность писательнице принес роман «2017», привлечший внимание многих критиков и читателей и ставший лауреатом премии «Русский Букер 2006» Такой успех обусловлен концентрацией в романе актуальных идей времени (экологическая катастрофа, предчувствие кризиса в политике и обществе, грязь и убогость города, поиски смысла) и популярностью жанра (роман-антиутопия о ближайшем будущем). Сама Славникова во многих интервью называла свой роман «остросюжетным» в отличие от «трудной», по ее словам «Стрекозы».

Славниковское «насыщенное авторское письмо, в котором напряженный сюжет искусно инкрустирован нетривиальными образами, любопытными метафорами и точнейшими наблюдениями» [1] многим обязано уральской мифологии. Она формирует и картину мира романа, и характеры его героев.

По мнению К. Юнга, в основе культурно-исторического развития человечества положена трансформация мифа. В культурологической концепции ученого миф занимает очень важное место, через него ученый объясняет связь между личностью и обществом, то есть между индивидуальным и коллективным. [9]

Антрополог К. Леви-Стросс, осмысляя идеи Юнга, разработал теорию мифологического мышления. Основными его признаками, как считает ученый, являются оперирование готовым набором элементов, метафоричность, коллаж как способ построения образов. [5]

В эпоху XXI века, когда благодаря техническому прогрессу происходит постоянное межкультурное взаимодействие, а электронные средства связи стирают всевозможные границы, сокращают время коммуникации, миф становится своеобразной альтернативой нагромождению информации, продолжает определять культурный ландшафт нашей жизни.

В настоящей статье мы предпримем попытку проанализировать уральскую мифологию, осмысленную Ольгой

Славниковой, ее роль в произведении и в современной литературе в целом.

Действие романа «2017» разворачивается на Урале, обозначенном писательницей как Рифейский край. Так в античную эпоху назывались горы у северной оконечности земли в стране гипербореев, которые, по одной из версий, идентифицируются с Уральскими горами. Согласно уральской мифологии, в этих горах находится вход в подземный мир, это граница между двумя мирами [3, с. 430]. Рифеец все время стремится вверх, к небу: «мир рифейца был принципиально негоризонтален», поэтому и кажется, что роман выстраивается по вертикали. Рифейские горы «картинны» и «живописны», их не в состоянии изобразить ни один художник: они сами как картина, которая «уже содержит композицию и основные краски — характерное соотношение частей, вместе составляющих простой и узнаваемый рифейский логотип».

В этой картине мира действуют собственно уральские герои — хитники, промышленяющие добычей драгоценных камней. Истинный рифеец — романтик, отважный искатель приключений. Он — хитник, идущий в горы не за богатствами, а для того, чтобы прикоснуться к высшей силе, живущей в горах, почувствовать ее. Профессор-геолог Анфилогов убежден, что ему нужно умереть среди камней, самому превратиться в камень. Художественный мир романа отчетливо детерминирован бажовской мифологией. В героях просвечивают мифологические и сказовые персонажи: Великий Полоз, Огневушка Хозяйка Медной Горы, она же — Каменная Девка. Последний образ особенно важен в структуре романа: «это узколокальный образ, атрибутивными свойствами которого являются владение подземными богатствами, в поведении — установка на связь с неженатыми мужчинами» [3, с. 251]. Этот уральский языческий образ уже был описан Бажовым в сказках «Хозяйка Медной горы», «Каменный цветок», «Приказчиковы подошвы», «Малахитовая шкатулка». У Бажова Каменная Девка — сказочная царевна, знающая секрет красоты. Она ищет себе женихов, устраивает для них испытания, заставляет страдать мужчин («Худому с ней встретиться — горе, и доброму — радости мало» [2, с.65]), но и обречена страдать сама.

Мир горных духов, рифейских камней у Славниковой — это воплощение настоящего, подлинного, пускай и губительного и опасного. Он противопоставлен городскому миру симулякров, миру копий реальности, где все серо и предсказуемо. Этот мир отвратителен: «город-чудовище», «кариесные особняки», дешевые гостиницы и кафе, в которых встречаются герои [6 с.72–73]. Мир города кажется более призрачным, ненастоящим, чем мир духов. У Славниковой духи живут среди людей. Каменная девка не обладает особой красотой и внешне ничем не отличается от обычных женщин, ее «различает только тот, к кому она пришла. Вдруг при виде женщины, ничем особо не приметной, душа у хитника странно намагничивается». Очаровывая своего избранника, эта женщина испытывает

его чувства. После встречи с ней мужчина либо погибает, закончив жизнь самоубийством, либо обречен всю жизнь страдать: «Такой не лазил больше за пределы города, завязывал с самоцветным промыслом и, по слухам, не видел себя в зеркалах, отчего утрачивал связь с самим собой». Сама она исчезала навсегда, лишь на могиле самоубийцы «люди видели во всякий теплый день хорошенькую ящерку [6, с.84]

Дух Каменной Девки живет в героине романа Славниковой, Татьяне. С самого начала эта женщина притягивает к себе Крылова, в ней есть какая-то тайна, она будто бы из другого мира: «Таня была существом Зазеркалья». Эта женщина с ее «жгучими пятнами» на теле, моментально заживающими ранками и царапинами напоминает ящерицу или змею. «Ее маленькие ручки с перепонками, очень похожие на лапки коронованной рифейской ящерицы». Татьяне невероятно идут камни, в этих украшениях она — как будто в каменном платье. Последняя встреча Крылова с Татьяной напоминает встречу Степана с Хозяйкой Медной горы из сказа Бажова. Оба видят ее со спины, замечают необычную вертлявость, слышат странный смех. «Доносилось Татьянино пение, фальшивое и милое, отчего-то казалось, будто Таня, как волшебная птица, летает по комнате». [6, с.512]

Главный герой также спроецирован на Данилу-мастера. Данила — мастер из сказов Бажова ищет каменный цветок. В романе Славниковой камнерез Крылов пытается обрести прозрачность, которая есть в камнях, в небе, в душах хитников. «Душа исконного рифейца обладает свойством прозрачности: все в ней как будто видно насквозь, а внутрь проникнуть нельзя». Прозрачность в романе — символ высшего начала, это способность пропускать свет, но при этом оставаться твердой. О категории прозрачности размышлял философ П. Флоренский, считавший, что для художника прозрачность не столько объект, сколько тема, некий заданный образ. По мнению философа, прозрачность оказывается онтологическим условием видения мира. [7]

Крылов «охотится» за камнями не для обогащения, а чтобы познать тайну прозрачности, то есть обрести для себя истину. Кроме того, Крылов, как и Данила, обладает обостренным чувством восприятия окружающего мира, встреча с Хозяйкой Медной Горы оказывается роковой для обоих, неизвестна их дальнейшая судьба.

Уральский пласт романа противостоит политической реальности: мнимая ситуация стабильности в обществе рушится, разыгрываемый по случаю столетия Революции маскарад превращается в настоящую бойню. История, совершив виток, вновь оказалась в состоянии перелома. Назревшие в обществе конфликты потребовали выхода, но каким он должен быть — никто не знает, и поэтому люди «вынуждены пользоваться формами столетней давности как самыми адекватными» [6]

Бажовская мифология Урала вдохновила не только Славникову, но и пермского писателя А. Иванова. «То,

что объединяет романы двух этих авторов, можно условно определить как географически локализованный мифологизм» [8]. Хозяйка Медной Горы у Славниковой и Ламия у Иванова, Великий Полоз и живущий под землей дракон, хитники и скальники. У А. Иванова (кстати, искусствоведа по образованию) есть специальная статья, посвященная бажовской мифологии, где образы змея, ящерицы закономерно возводятся к пермскому звериному стилю: «Образ Ящера достаточно часто встречается в пластике Пермского звериного стиля. Он символизирует собой «нижний», подземный мир... Образы змей генетически связаны с образами ящерок. <...> В мифологическом сознании змея с ее «каменной» окраской, любовью к горячим камням, умением прятаться в расщелины или замирать неподвижно, как каменная, больше ассоциировалась с минералогическим царством, чем с царством растений и животных». [4]

Таким образом, уральские мотивы составляют основу романа О. Славниковой, формируют особый пограничный мир, в котором живут герои, объясняют их поступки, раскрывают сущность характера рифейского (а значит уральского) жителя. Кроме того, они важны для раскрытия

философской концепции романа. Человек не одинок в этом мире, существует высшая сила, перед которой он будет отвечать за свои действия. Камень — это символ твердости, нечто настоящее. Герои пытаются вырваться из цепи симулякров окружающего мира, поэтому их тянет в горы, только там они ощущают подлинность своего существования. Но горы опасны: разбуженная человеком горная Тайная Сила манит, завораживает, сначала приносит удачу, дает надежду, а потом навсегда оставляет человека погибать среди этой каменной красоты.

С другой стороны, этот мир Урала чрезвычайно хрупок. Мотивы смерти в горах связаны с тем, что именно человек, нарушив экологический баланс, гармонию с природой, сделал эти горы опасными.

Уральский субстрат, таким образом, является смысло- и структурообразующей основой романа О. Славниковой. И опыт этой писательницы не единичен: мифология, связанная с Уралом, вдохновляет сегодня и других современных авторов: С. Алексеева («Сокровища Валькирии. Правда и вымысел»), Д. Скирюка («Парк Пермского периода»).

Литература:

1. Александров Я. Искусство инкрустации // Культура, 2006, № 14 (<http://www.club366.ru/books/html/88391.shtml>)
2. Бажов П. Малахитовая шкатулка, АСТ, 2007
3. Бажовская энциклопедия. Екатеринбург «Сократ», 2007
4. Иванов А. Угорский архетип в демонологии сказов Бажова // www.arkada-ivanov.ru/ru/my_articles/UGORSKIJJARKHETIPVDE
5. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 1973.
6. Немзер А. Славникова «2017» // www.ruthenia.ru/nemzer/slavnikova2017.html
7. Славникова О. 2017, М. «Вагриус», 2006
8. Флоренский П. А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М., 1993
9. Чанцев А. Фабрика антиутопий // НЛО, 2007 № 86 (<http://magazines.russ.ru/nlo/2007/86/>)
10. Юнг К. Душа и миф. М., 2005

Interpretation of war tragedy in literature (as “the Birthmark” the story of Mikhail Sholokhov)

Rakhmatova Xonzodabegim O`tkir qizi, the pupil
“Umid” boarding school, Jizakh region, Jizakh city

The subject of war has become update topic in the literature of all nations as well in Russian literature. Writers tried to show the truth about the terrible time to readers with great skill. Because when readers have imagination about war, they realize dignity of a quiet peaceful current life; feel a deepening sense of thanksgiving. Looking back on the mirror of history by high artistic value, they comprehend that our ancestors gained present peaceful days with many difficulties, are informed about the black days of past. Indeed,

our President Islam Karimov said: “No future without historical memory”.

In the literature of XX century 20 years, Soviet Union’s victory over Civil war is conveyed widely. The victory of Soviet Union against the Civil war was shown great pride in the creative works. In fact, this war was a human tragedy. The First World War, the revolution and especially the Civil War were a test for all the people of Russia. It is keenly aware of the consequences of political events of the Cossacks. Freedom-loving

nature of the people could not come to terms with the fact that well-established for centuries, the adjusted life is falling apart. But the worst was not even that. Split occurred among people spread on opposite sides of the former neighbors, friends and family members. Hey killed each other for a plot of land and a slice of bread

Russian the writer Mikhail Sholokhov was able to recreate in small works unique flavor and originality of the way of life of local people. He paid particular attention to the ideals and moral convictions, initially based on kindness and humanism, but crossed the fratricidal war, paid much attention to the horrors of civil war, image analysis and its impact on the fate of people. Artwork "Birthmark", written in 1924 and marked the beginning of the cycle of "Don stories" was the first in his work, which was to show the truth about the war terrible.

Many are confused naturalism and non-traditional image of the civil war, but that is what has allowed the writer to convey the true extent of the tragedy. It is guided by these principles when writing a story "Birthmark" Sholokhov.

Plot of the story is quite simple and is built in a chronological order with small deviations in the past. The main character — Nicholas Mishka, a young squadron commander of the Red Army. Nikolka's eighteen guy experienced the Cossacks, who respected him for his courage and bravery. Despite his young age, he has already led a squadron of six months and during that time managed to break the two gangs. This was the great merit of his father, a prominent Cossack, "perished" another German war. It was he who instilled in his son the courage, endurance, love of horses: in five or six years, taught his son to stay in the saddle. And his father went Nikolka (and this will be based on further analysis of the works of Sholokhov) birthmark on the left foot, the size of a pigeon's egg.

On a comparison of two strong characters builds the story "Birthmark" Sholokhov. An analysis of the internal state of an elderly Cossack, 7 years old have not seen his father's house — the next part of the work. He was a German prisoner, he served with Wrangel, visited Constantinople, and now has returned to his native land at the head of the gang. Three days went by gang squad Nikolka, then located at the miller, as reported last Red Army. And now it is rushing to the young brave Cossack Ataman. His anger is still covered by a beardless face and desire to achieve the goal — even the bullet did not stop him — caused bitterness among chieftain. Besides the binoculars on his chest clearly talking about the rank of the soldier. He flew to his chieftain, and by a wave of bombs young body went limp. Experience triumphed over youth removed. After that, with a stocking pulled the old Cossack boots with chrome legs, and under it (incredibly truthful and emotionally strongly depicts the episode Sholokhov) — mole. Analysis of the story reaches a particularly acute precisely in this scene, which became the culmination of all narrative.

At the same time realized a lot chieftain had seen his son, suffering and pain filled his soul: "Nikolushka!.. Krovynushku

mine!" ... Bloody struggle unfolded scattered on different sides of native people, making them bitter enemies. His father was unable to forgive himself for killing his son — gritted his teeth "steel Mauser" and fired. So tragically finished the story "The Birthmark" Sholokhov.

Description and analysis of the characters' behavior shows how the war was repugnant to their nature, especially Nikolka. With fifteen years he had to fight, and at eighteen he looked already tired of human life: a net of wrinkles around the eyes, hunched back. His dream is to get an education and have not come true. The only bright spot left for Nikolka memories of a quiet peaceful life, when she was still alive mother and father was not listed in the missing. These nostalgic paintings make it clear how disgusted he was by itself the thought of having to go into battle again. Since the very beginning of the story "The Birthmark" Sholokhov (a summary of the thoughts of the hero looks eloquently) makes it clear to the reader that the war — is something unnatural, alien to human nature. Her dream is to return to civilian life as the first plow and an old chieftain, everyone is trying to stifle not let him hop nostalgia.

Unusual conversational speech and expression attracts the product "mole". Sholokhov — the problems associated with this story directly — strengthens the feeling of tragedy through the conversion to the bright folk images. Spoken word helps to better understand the emotional state of the protagonist. Then, on the eve of the deadly battle, the wolf in front of people comes out of the log, listening and slowly back away. By tradition, the wolf symbolized the people hungry, embittered, usually solitary animals, causing pity rather than fear. It thus appears in the story of the old chieftain.

Another one predator enters into the story "Birthmark" Sholokhov. Analysis of the last scene with the vulture that same evening of the murder, flies from the head chieftain and dissolves in the sky suggests a tired, tormented soul Cossack, leaves the body and the ascending skyward.

"Mole" — the entire contents of the story cannot leave anyone indifferent — makes really think that in the difficult conditions of devastation and implacable enmity people embittered, forget about humanism and compassion. The author does not mention this, and other stories, right or wrong, because in a situation like this simply cannot be. The Civil War was a human tragedy, which should never be forgotten — it wants to describe the reader's attention Sholokhov. Birthmark (analysis of the story leads to this conclusion) becomes a symbol of unbreakable blood relationship: from Nikolka it is the same as his father. Therefore, in opposition to the characters (father raised a worthy son), there are no winners, it was originally contrary to human nature.

To sum up, Civil War became a disaster as a result of which were completely destroyed by the moral norms and destroyed existing communications between people. This culmination of the story "Birthmark" Sholokhov. Analysis of the actions and feelings of the characters is a confirmation of the idea. The first piece sets the tone for the entire cycle,

and before the eyes of the reader one after another terrible pictures come alive, telling about the immeasurable human misery. And I want to invoke to all inhabitants of the earth:

“People, come to your senses! If a brother kills his brother and father — son if everything was drowned in a sea of blood, something to live on?”

Основные тенденции развития литературы 1970–1980-х г. Жанр деревенской прозы в творчестве Шукшина

Шахбулатов Раджаб Саитсанович, студент
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

В статье затрагивается понятие «деревенская проза» в русской литературе. Основное содержание в данной работе составляет анализ роли деревенской прозы: создатели и герои в творчестве Шукшина.

Ключевые слова: жанр деревенской прозы в творчестве Шукшина, Шукшин в способности чистого человеческого сердца к добру видел самое дорогое богатство, крестьянская проза 1970–1980-х годов.

Россия на протяжении нескольких веков была в основе своей крестьянской страной. Еще в 1897 г. городское население составляло всего-навсего 12,7 % от общего числа российских граждан. Тогда думать и говорить о народе всегда означало думать и говорить о крестьянстве. Какие бы нравственные, эстетические, философские, а позднее и экологические проблемы ни поднимались русскими художниками, они чаще всего соотносились с сельской жизнью. Село в публичном сознании постоянно было хранительницей государственных духовных ценностей. Фаворитные черты российского человека, его мужество, великодушие, старание, снисхождение связывались с видом крестьянина-работника. В литературе XIX в. высшим критерием оценки была народность. XX век поменял обстановку решительно. После двух глобальных войн и одной гражданской, после коллективизации и попыток выстроить коммунизм обезлюдела, обеднела российское село. Целые села зияют пустыми окнами и зарастают бурьяном. По прогнозам, сделанным в конце 1970-х годов, сельское население должно было к концу века составить лишь 10 % от населения страны. Время внесло собственные коррективы: русские беженцы из бывших республик распавшегося Союза, фермерское движение замедляют этот процесс. Тем не менее, приходится признать, что в кратчайший исторический срок, на протяжении смены всего двух-трех поколений, в России изменился образ жизни целого народа, а, следовательно, и образ мыслей, система жизненных ценностей, престижных социальных и профессиональных ориентации и т. п. При этом невозможно никак не учесть событий, в каких проходили все эти процессы. Начиная с 1917 г. крестьянство испытывало мощное влияние, имевшее целью, как выражались в 1960-е годы, перевоплотить деревню в «кормоцех державы». От этой идеи не отказались, похоже, и поныне. С правами личности, проживающей в деревне, никогда особенно не церемонились. Те крестьяне, что после революции получили земельный надел и честно на нем работали,

в 1929 г. были объявлены кулаками — «самыми страшными непримиримыми врагами советской власти» и уничтожены как класс. Затем на селе последовал страшный голод 1932–1933 гг. Потом Отечественная война, снова унесшая миллионы жизней. После этого фактическое возвращение крепостного права — депаспортизация [1]. Отобрав паспорта, власти пробовали сдерживать в селе хлынувших оттуда крестьян. Затем научно-техническая революция, как скоро волевыми решениями у крестьян были отняты плодородные земли, ушедшие под фабричные постройки либо затопленные на дне бесчисленных водохранилищ. От сердца вырвались слова Дарьи, героини книги В. Распутина «Прощание с Матёрой»: «Нонче свет пополам переломился». Естественно появляется вопрос: почему столько бед обрушилось на русское крестьянство? По своей природе, по образу идей крестьянин — собственник. Помните, Кондрат Майданников из «Поднятой целины» М. Шолохова ночь не спал перед тем, как отвести своих быков на колхозный двор — «с кровью рвал Кондрат пуповину, соединяющую его с собственностью». А кто может быть опаснее для тоталитарного режима, чем собственник, человек самостоятельный, независимый, кого уж никак не заставишь выполнять нелепые, противоречивые распоряжения партийного начальства?

Герой рассказа А. Платонова «Впрок» имел собственное мнение по поводу коллективизации. Этого было достаточно, чтобы писатель получил на свое произведение от первой персоны государства выразительную рецензию в одном слове — «сволочь». С тех пор и почти на четверть века из деревенской прозы исчез человек. Трактористы, животноводы, кузнецы и прочие сельские умельцы попадались, а вот человека во всей сложности его внутреннего мира, с его сомнениями и раздумьями, живого человека не было. И не случайно именно здесь буйно произросли бесконфликтные сорняки — «Кавалер Золотой Звезды» и «Свет над землей» С. Бабаевского, «Жатва» Г. Николаевой и тому подобная литература. Правда

о деревне проникла в литературу в 1950-е годы в очерковых книгах В. Овечкина, Е. Дороша, Г. Троепольского, повестях и рассказах В. Тендрякова. К 1970 г. уже было создано немало талантливых произведений о деревне, и один из самых ярких мастеров, В.И. Белов, получил право заявить: «Деревенская тема общенациональна» [2].

Крестьянская проза 1970–1980-х годов — это что-то большее, нежели книги на сельскую тему, каких и ранее, и позднее было в русской литературе предостаточно.

Итак, тема нашей работы «Тенденции развития литературы 1970–1980-х годов. Жанр деревенской прозы». Актуальность данной темы несомненна, так как, во-первых, основные тенденции развития литературы 1970–1980-х годов, недостаточно исследованы и требуют дальнейшего специального изучения. Ведь изменение — это неизбежный спутник в истории литературы. Время второй половины 1970-х — начала 1980-х гг. — эпоха особого творческого подъема в русской поэзии, взлета интереса к ней широкого круга читателей. В этот период в литературу вступило новое поколение поэтов. Особое место в этом ряду занимает Василий Макарович Шукшин. Яркий и самобытный представитель «деревенской прозы» младшего поколения писатель и кинорежиссер. Его своеобразное творчество привлекало и будет привлекать сотни тысяч читателей не только в нашей стране, но и зарубежом. Ведь редко можно встретить такого мастера народного слова, такого искреннего почитателя родной земли, каким был этот выдающийся писатель. Василий Макарович Шукшин родился в 1929 году, в селе Сростки Алтайского края. И через всю жизнь будущего писателя красной нитью пролегла красота и суровость тех мест.

Как никто другой Шукшин умел ценить землю, труд человека на этой земле, понимал и чувствовал суровую прозу деревенской жизни, именно благодаря своей малой родине. Уже с самого начала творческого пути он обнаружил новые пути в изображении человека. Его герои оказались непривычными и по своему социальному положению, и по жизненной зрелости, и по нравственному опыту. Став уже молодым человеком, Шукшин отправляется в центр России.

В 1958 году он дебютирует в кино («Два Федора»), а также и в литературе («Рассказ в телеге»). В 1963 году Шукшин выпускает свой первый сборник — «Сельские жители». А в 1964 году его фильм «Живет такой парень» получил главную премию на фестивале в Венеции. К Шукшину приходит всемирная известность. Но он не останавливается на достигнутом.

Шли годы напряженной и тяжелой работы. Например, в 1965 году выходит его роман «Любавины» и в то же время на экранах страны появляется фильм «Живет такой парень». Только по одному этому примеру можно судить с какой самоотдачей и интенсивностью работал автор.

Картина разрушенной, сожженной, послевоенной земли заставила Василия Шукшина взяться за перо. Трудно было найти другую такую причину, которая заставит человека,

что-то знающего, поделиться своим знанием с другими людьми.

На творчестве Василия Шукшина повлияли самобытность и колорит деревенской жизни. В народности искусства этого писателя заключены объяснения феноменальности его дарования, его естественности, высокой простоты и артистизма. В творчестве Шукшина, в его личности, биографии выразились характер народа, духовное состояние, условие его бытия в эпоху 40–70-х годов — послевоенного тридцатилетия. Материал для своих произведений писатель брал везде, там, где живут люди. Мы задаемся вопросом: какой это материал, какие герои? Это тот материал, и те герои, которые редко раньше попадали в сферу искусства. И понадобилось, чтобы явился из глубин народных крупный талант, чтобы с любовью и уважением рассказал о своих земляках простую, строгую правду. А правда эта стала фактом искусства, вызвала любовь и уважение к самому автору.

Шукшинский герой оказался не только незнакомым, а отчасти непонятым. Любители прозы требовали «красивого героя», требовали, чтобы писатель выдумывал, чтобы не дай бог не растревожить собственную душу. Герой не выдуман, именно поэтому возникали полярность мнений, резкость оценок. Если герой представляет собой реального человека, он не может быть только нравственным или только безнравственным. Ну а если герой выдуман в угоду кому-то, вот здесь полная безнравственность. Не отсюда ли, от непонимания творческой позиции Шукшина, идут творческие ошибки восприятия его героев. Ведь в его героях поражают непосредственность действия, логическая непредсказуемость поступка: то неожиданно подвиг совершит, то вдруг сбежит из лагеря за три месяца до окончания срока. Шукшин всегда говорил, что ему интереснее всего исследовать характер человека-недогматика, человека, не посаженного на науку поведения. Такой человек импульсивен, поддается порывам, а следовательно, крайне естественен. Но у него всегда разумная душа. Герои писателя действительно импульсивны и крайне естественны. И поступают так они в силу внутренних нравственных понятий, может ими самими еще неосознанных. У них обостренная реакция на унижение человека человеком. Эта реакция приобретает самые различные формы. Это все ведет иногда к самым неожиданным результатам. Обожгла боль от измены жены Сергею Безменову, и он отрубил себе два пальца («Беспалый»). Оскорбил очкарика в магазине хам продавец, и он впервые в жизни напился и попал в вытрезвитель. В таких ситуациях герои Шукшина могут даже покончить с собой («Сураз», «Жена мужа в Париж провожала»). Нет, не выдерживают они оскорблений, унижений, обиды. Обидели Сашку Ермолаева («Обида»), «несгибаемая» тетя-продавец нахамила. Ну и что? Бывает [3].

Но герой Шукшина не будет терпеть, а будет доказывать, объяснять, прорываться сквозь стенку равнодушия. И... схватится за молоток. Или уйдет из больницы, как это сделал Ванька Тепляшин, как это сделал Шукшин

(«Кляуза»). Очень естественная реакция человека совестливого и доброго... Нет, Шукшин не идеализирует своих странных, непутевых героев.

Идеализация вообще противоречит искусству писателя. Но в каждом из них он находит то, что близко ему самому. И вот, уже не разобрать, кто там вызывает к человечности — писатель Шукшин или Ванька Тепляшин. Шукшинский герой, сталкиваясь с «узколобым гориллой», может в отчаянии сам схватиться за молоток, чтобы доказать неправому свою правоту, и сам Шукшин может сказать: «Тут надо сразу бить табуреткой по голове — единственный способ сказать хаму, что он сделал нехорошо» («Боря»). Это чисто «шукшинская» коллизия, когда правда, совесть, честь не могут доказать, что они — это они. А хаму так легко, так просто укорить совестливого человека.

Драматическими становятся иногда столкновения героев Шукшина. Некоторые считали писателя комическим, шутейным, но с годами все отчетливее обнаруживалась односторонность этого утверждения, как, впрочем, и другого — о благодушной бесконфликтности произведений Василия Макаровича. Сюжетные ситуации рассказов Шукшина перепетийны. В ходе их развития комедийные положения могут драматизироваться, а в драматических обнаруживается нечто комическое. При укрупненном изображении необычных, исключительных обстоятельств, ситуация предполагает их возможный взрыв, катастрофу, которые, разразившись, ломают привычный ход жизни героев. Чаще всего поступки героев определяют сильнейшее стремление к счастью, к утверждению справедливости («Осенью»). Писал ли Шукшин жестоких и мрачных собственников Любавиных, вольнолюбивого мятежника Степана Разина, стариков и старух, рассказывал ли О Разломе сеней, о неизбежном уходе человека и прощании его со всеми земными, ставил ли фильмы о, Иване Расторгуеве, Пашке Когольникове братьях Громовых, Егоре Прокудине, он изображал своих героев на фоне конкретных и обобщенных образов — реки, дороги, бесконечного пространства пашни, родного дома, безвестных могил. Шукшин понимает этот центральный образ всеобъемлющим содержанием, решая кардинальную проблему: что есть человек? В чем суть его бытия на Земле? Исследование русского национального характера, складывавшегося на протяжении столетий и изменений в нем, связанных с бурными переменами XX века, составляет сильную сторону творчества Шукшина.

Земное притяжение и тяга к земле — сильное чувство земледельца, появившееся вместе с человеком, образное представление о величии и мощи земли, источнике жизни, хранителе времени и ушедших с ним поколений в искусстве. Земля — поэтически многозначительный образ в искусстве Шукшина: дом родной, пашня, степь, Родина, мать — сыра земля... Народно-образные ассоциации и восприятия создают цельную систему понятий национальных, исторических и философских: о бесконечности жизни и уходящей в прошлое цели поколений, о Родине, о духовных связях [4].

Центр тяготения всего содержания творчества Шукшина — это конечно, образ земли: основных коллизий, художественных концепций, нравственно-эстетических идеалов и поэтики. Обогащение и обновление, даже усложнение исконных понятий о земле, доме в творчестве Шукшина вполне закономерно. Своеобразная проза Шукшина это: его мировосприятие, жизненный опыт, обостренное чувство родины, художническая проникновенность, рожденные в новую эпоху жизни народа. Первой попыткой осмысления В. Шукшиным судеб русского крестьянства на исторических изломах, стал роман «Любавины». В нем речь шла о начале 20-х годов нашего столетия. Но главным героем, главным воплощением, сосредоточием русского национального характера для Шукшина являлся Степан Разин. Именно ему, его восстанию, посвящен второй и последний роман Шукшина «Я пришел дать вам волю». Когда впервые заинтересовался Шукшин личностью Разина, сказать трудно. Но уже в сборнике «Сельские жители» начинается разговор о нем.

Был момент, когда писатель понял, что Степан Разин какими-то гранями своего характера абсолютно современен, что он — сосредоточие национальных особенностей русского народа.

Современный человек остро чувствует, как «сократилась дистанция между современностью и историей». Писатели, обращаясь к событиям прошлого, изучают их с позиции людей XX столетия, ищут и находят те нравственные и духовные ценности, которые необходимы в наше время. Проходит несколько лет после окончания работы над романом «Любавины», и Шукшин на новом художественном уровне пытается исследовать процессы, происходящие в русском крестьянстве. Поставить фильм о Степане Разине было его мечтой. К ней он возвращался постоянно. Если принять во внимание природу шукшинского дарования, вдохновлявшегося и питавшегося живой жизнью, учесть, что он сам собирался играть роль Степана Разина, то от фильма можно было бы ожидать нового глубокого проникновения в русский национальный характер. Одна из лучших книг Шукшина так и называется — «Характеры» — и само это название говорит о пристрастии писателя к тому, что складывалось в определенных исторических условиях. В рассказах, написанных в последнее время, часто звучит страстный, искренний голос автора, обращенный к читателю. Шукшин пишет о самом главном, наиболее, показывая свою художническую позицию. Он словно знает, что его герои не все могут высказать, а сказать обязательно надо. Все больше появляется «внезапных», «навыдуманных» рассказов от самого себя Василия Макаровича Шукшина. Такое открытое движение к «неслыханной простоте», своеобразной обнаженности — в традициях русской литературы. Тут собственно уже не искусство, выход за его пределы, когда душа кричит о своей боли. Теперь рассказы — сплошное авторское слово. Интервью — откровение сердца. И везде вопросы. Самые главные о смысле жизни. Искусство должно

учить добру. Шукшин в способности чистого человеческого сердца к добру видел самое дорогое богатство.

«Если мы чем-нибудь сильны и по-настоящему умны, так это в добром поступке», — говорил он. С этим жил, в это верил Василий Макарович Шукшин.

Деревенская проза В. Шукшина сыграла огромную роль в развитии русской литературы и языка русской прозы. Язык прозы В. Шукшина оказал мощное влияние на продолжение традиций русской народной культуры, как на расширение разговорного пласта живой устной речи. В то же время, В. Шукшин создал поэтический стиль нового поколения, вобравший в себя достижения своих предшественников. Шукшин является великим мастером народного слова, мы посчитали необходимым придать особое внимание лексическому уровню, а именно диалектизмам и просторечиям, которыми так богаты рассказы В. Шукшина. Диалектные слова, широко распространенные в народе, органично вписываются в язык прозы В. Шукшина и делают речь его персонажей очень своеобразной, красочной и живой и придают им колоритность. Они не кажутся избыточными, а естественно выполняют свою стилистическую функцию. Смотря на деревенскую прозу В. Шукшина из нынешнего времени, мы можем смело утверждать, что она является ярким и правдивым отражением жизни русского крестьянства в XX веке, и всех судьбоносных

событий, повлиявших на его судьбу: Октябрьскую революцию и гражданскую войну; военный коммунизм и НЭП; процесс коллективизации и последовавший за ним, голод; колхозное строительство и индустриализацию; Великую Отечественную войну и послевоенные лишения; всевозможные эксперименты в сельском хозяйстве, приведшие к его рецессии. Рассказы Шукшина — это вереница жизненных эпизодов, сценок, «без красотостей» и лирических отступлений. Герои Шукшина — деревенские жители, незнатные, не выбившиеся в люди, но каждый со своей изюминкой. Они не хотят раствориться в быту без остатка, не могут жить не высовываясь. Душа ждет праздника, а разум взыскует «высшей» правды. Кто-то изобретает на досуге вечный двигатель («Упорный»); кто-то приобретает микроскоп и мечтает придумать средства против микробов («Микроскоп»). Они могут быть трогательно наивными, как в рассказе «Чудик», невероятными выдумщиками («Мил пардон, мадам!»), или агрессивными спорщиками («Срезал»). И все это грани русского национального характера. Искусство должно учить добру. Шукшин в способности чистого человеческого сердца к добру видел самое дорогое богатство. «Если мы чем-нибудь сильны и по-настоящему умны, так это в добром поступке», — говорил он. С этим жил, в это верил Василий Макарович Шукшин.

Литература:

1. Ковский В. Между прошлым и будущим. Заметки о деревенской теме в современном литературном процессе. — Дружба народов. 2009. № 6. С. 173.
2. Залыгин С. Рассказ и рассказчик (О творчестве В. Белова) // Залыгин С. Литературные заботы (Очерки). М., 2009. С. 84.
3. Сигов В. Ещё не пели третьи петухи: Русская идея В. Шукшина. — Литературная газета. 2009. № 29. С. 41.
4. Чалмаев В. «Воздушная воздвиглась арка...». — Вопросы литературы. 1985. № 6. С. 93.

«Похожим быть хочется только на Чехова...»

Ширяева Светлана Николаевна, аспирант
Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

В данной статье будут рассмотрены схожие приемы построения художественного текста А. П. Чехова и С. Д. Довлатова. «... Однако похожим быть хочется только на Чехова» [4, с. 870] — из «Соло на ундервуде». Похожим чем? Исследователи, в частности:

- 1) Анастасьев Н. отмечает особенность С. Довлатова, заимствованную у классика: быть не только судьей своих персонажей, а беспристрастным свидетелем, так называемая эстетика авторской отстраненности.
- 2) Генис А. пишет: «Понять Довлатова мне помог Чехов» [3, с. 71].

3) Арьев А. подмечает, что «метод поисков художественной правды у Довлатова специфически чеховский» [1, с. 17].

4) Зверев А. продолжает, что у Довлатова «был вкус человека, вышколенного Чеховым» [6, с. 195] «.

5) Васильева В. Н. замечает: «Он взглянул чеховским взглядом на эпоху, и главное, что он почувствовал — боль и страдание» [2, с. 99].

Сближает этих писателей отношение к литературе и простота стиля. Для текстов С. Довлатова характерны простые предложения, с минимальным количеством оборотов, максимально приближены к устной речи. Его фразы

запоминаются простотой, лаконичностью и смысловой наполненностью.

Например: — Как вас подстричь? — Молча [4, с. 844].

На синтаксическом уровне в текстах С. Довлатова отсутствуют придаточные предложения и деление сложного на простые составляющие. Распространенным пунктуационным знаком является тире.

Например: «Его окружали веселые, умные, добродушные физики. Меня — сумасшедшие, грязные, претенциозные лирики. Его знакомые изредка пили коньяк с шампанским. Мои — систематически употребляли розовый портвейн. Его приятели декламировали в компании — Гумилева и Бродского. Мои читали исключительно собственные произведения» [4, с. 696].

Следующим связующим звеном между писателями является близость жанров. Как правило, это рассказ, записные книжки, «сценки» или развернутые анекдоты. Эти жанры предполагают небольшой рассказ, в котором основное повествование занимает диалог небольшого количества действующих лиц, время и место действия ограничено, исключается описание пейзажа, интерьера, главные персонажи представлены сразу.

Для писателей характерно смешение родов литературы. В статье В. Б. Катаева находим: «Чехов, по существу, всю жизнь, без перерывов, писал драмы и комедии — с более или менее развернутыми ремарками... Все драматические структуры были опробованы в рассказах и повестях Чехова и затем окристаллизовались в его пьесах» [7, с. 67].

Сергей Довлатов не писал пьес, но за счет коротких абзацев, фрагментарности повествования и диалогов, его произведения можно считать театральными зарисовками.

Особый прием писателей (Мастеров коротких рассказов): стремительное начало и конец повествования. Нет зачинов, продолжительных вступлений, описаний и авторских комментариев.

У Чехова в рассказе «Хирургия»: «Земская больница. За отсутствием доктора, уехавшего жениться, больных принимает фельдшер Курятин, толстый человек лет сорока, в поношенной чунчовой жакетке и в истрепанных триковых брюках. На лице выражение чувства долга и приятности» [8, с. 28].

У Довлатова в сборнике «Чемодан»: «Эта история произошла восемнадцать лет тому назад. Я был в ту пору студентом Ленинградского университета» [4, с. 646].

«Я должен начать с откровенного признания. Ботинки эти я практически украл...» [4, с. 656].

«Я и сейчас одет неважно. А раньше одевался еще хуже. В Союзе я был одет настолько плохо, что меня корили за это» [4, с. 667].

«Эта глава — рассказ о принце и нищем. В марте сорок первого года родился Андрюша Черкасов. В сентябре этого же года родился я» [4, с. 691].

Представленные эпизоды подтверждают, что завязка произведения воплощает авторскую идею, показывая жизнь в самом естественном проявлении. Несмотря на то, что многие книги Довлатова предваряет «Предисловие», как например, в рассмотренном выше сборнике «Чемодан», предисловие выступает как самостоятельный эпизод, отличающийся по стилю и сюжету от основного текста.

Подобная сжатость касается и финалов рассказов. Сопоставим: у Чехова в «Хирургии»: «Дьячок берет со стола свою просфуру и, придерживая щеку рукой, уходит восвояси...». [8, с. 32].

У Довлатова читаем: «Впрочем, мы отвлеклись. У Андрея Черкасова тоже все хорошо. Зимой он станет доктором физических наук. Или физико-математических... Какая разница?» [4, с. 701].

Как видим, сходство проявляется и в расстановке знаков препинаний. Излюбленным знаком писателей является многоточие, как некий момент размышлений, отход от авторских умозаключений, выражений идей. С наступлением окончания произведения, оно не заканчивается. Финал не означает прекращение существования, он открыт. Герои живут дальше, адаптируясь под условия жизни.

Для создания образа персонажа Довлатов отводит значительное место деталям, как некому штриху в повествовании, а описание пейзажа, пространственные портретные зарисовки занимают второстепенное место.

В рассматриваемом сборнике «Чемодан» читаем: «У Рымаря идиотская харя плюс оранжевый свитер». «На женщинах были светлые плащи, элегантные туфли и яркие косынки» [4, с. 650].

«Через неделю меня полюбила стройная девушка в импортных туфлях» [4, с. 646].

«Так я и уехал, бросив в пустой квартире груды финских креповых носков. «Лишь три пары сунул в чемодан. Они напомнили мне криминальную юность, первую любовь и старых друзей» [4, с. 655].

«С ноябрьских праздников в Ленинграде установились морозы. Собираясь в редакцию, я натянул уродливую лыжную шапку, забытую кем-то из гостей» [4, с. 713].

При помощи деталей автор показывает сложные взаимоотношения между людьми, или свои отношения с обществом, обстановкой, царящей вокруг. В сборнике «Чемодан» в рассказах «Куртка Фернана Леже» и «Поплиновая рубашка» наиболее полно описаны отношения Довлатова и его жены Лены. Это подводит к теме Чехова: «раскачивание маятника супружеской жизни от идиллии к драме»: «Вроде бы, что тут особенного. Для Толстого это мелко. Достоевский не стал бы писать о такой чепухе. А Чехов сделал на этом мировое имя» [5, с. 137].

Читаем в упомянутых ранее рассказах С. Довлатова: «Помню, я читал насчет взаимной тяги антиподов. По-моему, есть в этой теории что-то сомнительное. Или, как минимум, спорное. Например, Даша с Андреем были похожи. Оба рослые, красивые,

доброжелательные и практичные. Оба больше всего ценили спокойствие и порядок. Оба жили со вкусом и без проблем. Да и мы с Леной были похожи. Оба — хронические неудачники. Оба — в разладе с действительностью. Даже на Западе умудряемся жить вопреки существующим правилам...» [4, с. 695].

«За плечами у нас двадцать лет брака. Двадцать лет взаимной обособленности и равнодушия к жизни. При этом у меня есть стимул, цель, иллюзия, надежда. А у нее? У нее только есть дочь и равнодушные. Я не помню, чтобы Лена возражала или спорила. Вряд ли она хоть раз произнесла уверенное, звонкое- «да» или тяжеловесное, суровое- «нет». Ее жизнь проходила как будто на экране телевизора. Менялись кадры, лица, голоса, добро и зло спешили в одной упряжке. А моя любимая, поглядывая в сторону экрана, занималась более важными делами...» [4, с. 706].

С течением времени менялась жизнь, окружение. Их семейная жизнь продолжалась, родилась дочь Катя. По описанию Довлатова — их взаимоотношения понятны друг другу без слов, без патетичных фраз и признаний в любви.

«Однажды Лена поехала на службу. Я задержался дома. Стал, как всегда, разыскивать необходимые бумаги... Я рылся в шкафах... Я раскрыл последнюю страницу. И вдруг у меня перехватило дыхание. Даже не знаю, чему я так удивился. Но почувствовал, как у меня багровеют щеки... Это была моя фотография... Минуты три я просидел не двигаясь... Хотя, если разобраться, что произошло? Да ничего особенного. Жена поместила в альбом фотография мужа. Это нормально. Но я почему-то испытывал болезненное волнение. Мне было трудно сосредоточиться, чтобы уяснить его причины... У меня не хватало сил обдумать происходящее. Я не знал, что любовь может достигать такой силы и остроты» [4, с. 709–711].

Литература:

1. Арьев А. Ю. Наша маленькая жизнь // Довлатов С. Д. Собр. соч. в 3-х томах. Т. 1. — СПб., 1995. — С. 17.
2. Васильева В. Н. Чеховские традиции в рассказах Сергея Довлатова // Современная русская литература: проблемы изучения и преподавания: Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции 2–4 марта 2005, г. Пермь. В 2 частях. Ч. 2. — Пермь: ПГПУ, 2005. — С. 99.
3. Генис А. Довлатов и окрестности. — М., 1999. — С. 71.
4. Довлатов С. Избранное: Повести, рассказы. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. — (Избранное). С. 870.
5. Довлатов С. Д. Как издаваться на Западе? // Сухих И. Н. Сергей Довлатов: время, место, судьба. — СПб., 1996. — С. 137.
6. Зверев А. Записки случайного постояльца // О Довлатове. Статьи, рецензии, воспоминания. — Тверь, 2001. — С. 195.
7. Катаев В. Б. Сложность простоты. Рассказы и пьесы Чехова. — М., 1999. — С. 67.
8. Чехов А. Толстый и тонкий: рассказы, повести/ Антон Чехов. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. — 320 с.

Открывается еще одно уникальное качество Довлатова: жить не как все. Это проявлялось и во внешнем облике, манере поведения, личных отношениях с родными, детьми, друзьями. Эта «манера не красоваться» поражает, а спокойное отношение на выпады других людей заставляет задуматься.

«Черкасова грустно вздохнула: — Мне казалось, что ты поумнел...» [4, с. 698].

« — Говорят, ты стал писателем? Я растерялся. Я не был готов к такой постановке вопроса... Все мои друзья изнывали под бременем гениальности. Все они называли себя гениями. А вот назвать себя писателем оказалось труднее. Я сказал: — Пишу кое-что для забавы...» [4, с. 697].

Эта неспособность понять и услышать друг друга отсылает к Чехову. Писатель это объясняет тем, что проблема кроется не в героях (положительных или отрицательных), а в самой жизни. Чем ближе герои друг другу, тем отстраненнее они могут быть.

Индивидуальный «довлатовский» прием — это отделение реплики от говорящего, выражающийся через фразы: «я сказал», «я услышал», тем самым, показывая, разрыв между высказанными словами и взаимоотношениями персонажей.

А унаследован Довлатовым «чеховский» прием — дословное повторение фразы в различных частях текста. Для Чехова характерны сюжетные повторы, бытовые зарисовки, построение синтаксиса. Например, в рассказе «Дочь Альбиона»: описывая англичанку-гувернантку, Чехов подмечает одну ее черту: «Англичанка, энергически быстро двигала бровями... задвигала бровями и заморгала глазами... Посмотри, как бровями двигает!» [8, с. 18–19].

С поэтикой А. П. Чехова С. Довлатова связывает: общее отношение к художественному мастерству, особенности прозы (лаконичной и в то же время объемной по содержанию), мастерское владение словом.

5. ОБЩЕЕ И ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

К вопросу о неологизмах

Власова Карина Абрамовна, кандидат филологических наук, доцент;
Вьюшкина Дарья Андреевна, студент
Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского

В статье рассматриваются новые слова в современном английском языке, выявленные в Оксфордском словаре в 2015–2016 годах. Рассматриваются значения новых слов и способы их словообразования.

Ключевые слова: неологизмы, новые слова, английский язык, Оксфордский словарь

New Words in the English Language

Vlasova Karina Abramovna, Candidate of Science (Philology), associate professor;
Vyushkina Daria Andreevna, student
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Arzamas Branch)

The article deals with new words in the English language revealed in the English language in Oxford Dictionary in 2015–2016. The meaning and formation of new words are also considered in the article.

Keywords: neologism, new words, the English language, Oxford Dictionary

В любом языке мира ежедневно появляются новые слова, описывающие те или иные явления современной действительности. Некоторые слова не уживаются в языке и исчезают через некоторое время, а какие-то укореняются и остаются в языке надолго. Зачастую происходит так, что в одном языке слово возникло и уже описывает какую-либо ситуацию, а в другом языке есть лишь явление, а название для него ещё не придумали. Такие слова имеют место быть в современном мире и носят название неологизмы. В языкознании неологизм — «новое слово или выражение, а также новое значение старого слова» [1, 406]. Сравни: неологизмами называют новые слова и выражения, свежесть и необычность которых ясно ощущается носителями определенного языка [2]. Возникновение неологизмов связано с обозначением нового предмета или явления, поэтому неологизм может появляться в языке, например, как заимствование из иностранного языка и даже из авторских сочинений.

По статистике, в развитых языках каждый год появляются десятки тысяч неологизмов, а конкретно в английском языке, как утверждает Р. Берчфилд, работавший над составлением четырехтомного приложения к Оксфордскому словарю английского языка, каждый год появляется в среднем 800 неологизмов, что свидетельствует о так называемом «неологизмном взрыве» «neology blow up» [2]. Постепенно неологизмы осваиваются носителями языка и становятся общеупотребительными; в этом случае они перестают быть неологизмами.

Причиной появления неологизмов является в основном общественный и научно-технический прогресс: появление новых социально-экономических реалий, открытия в области науки и техники, достижения в сфере культуры, социальные и политические изменения. Главным признаком неологизма является абсолютная новизна слова для большинства носителей языка. Слово находится в состоянии неологизма очень непродолжительное время. Как только слово начинает активно употребляться, оно теряет признак новизны, то есть постепенно входит в лексическую систему языка в качестве общеупотребительного [2].

По своей структуре и способу образования неологизмы представлены несколькими вариантами. Наиболее характерными способами образования неологизмов являются словообразование (словосложение, аффиксация, конверсия, сокращения), изменение значений слов и заимствования из других языков. Словосложение как тип словообразования представляет собой слияние двух или более основ для образования нового слова [3].

Для английских сложных слов наиболее частотными являются образования, состоящие из двух основ:

- *apply-in* «требование равных возможностей при найме на работу»;
- *sit-in* «сидячая забастовка»;
- *stay-in* «пикетирование» [3].

Позже стали появляться слова с аналогичным компонентом *-in*, которые носят уже соревновательный или состязательный характер:

- *swim-in* «соревнование по плаванию»;
- *lobby-in* «конференция по политическим вопросам»;
- *read-in* «состязание чтецов»;
- *buy-in* «выгодная сделка (покрытие расходов за счет продавца на бирже)»;
- *trade-in* «скидка при покупке товара с условием сдачи такого же товара, бывшего в употреблении»;
- *break-in* «вторжение в личную жизнь граждан (нарушение тайны переписки, подслушивание телефонных разговоров и т. д.)» [3].

Аналогичная модель используется для образования имен существительных от глаголов с послеслогами.

Часто одно и то же наречие присоединяется к разным глаголам, и значение каждого нового слова уникально [3]. Как правило, такие слова пришли в язык через прессу, например:

- *take-over* «захват власти»;
- *switch-over* «переход (на другую тему)»;
- *push-over* «легкопреодолимое препятствие»;
- *drop-out* «молодой человек, бросивший учебу»;
- *walk-out* «забастовка»;
- *lay-out* «человек, потерявший работу»;
- *sign-on* «регистрация»;
- *make-up* «примирение»;
- *break-up* «распад» [3].

Что касается аффиксации (образование новых слов с помощью суффиксов и префиксов), то во многих случаях аффиксы развивают новые значения, ранее им несвойственные, например:

- *craftsmanship* «искусство воздействия на массы»;
- *showmanship* «умение показать товар лицом, пустить пыль в глаза»;
- *bogdom* «жизненный тупик»;
- *officialdom* «официальные круги»;
- *fictionalize* «выдумывать»;
- *institutionalize* «узаконить»;
- *schooler* «школьник»;
- *marcher* «демонстрант» [3].

Неологизмы, образованные при помощи префикса *non-* широко используются в политике и продолжают эволюционировать.

- *non-access to nuclear weapons* «недопущение к ядерному оружию»;
- *non-belligerent country* «страна, не участвовавшая в войне»;
- *non-partizan* «не принадлежащий ни к одной партии».

Неологизмы, образованные конверсией, широко распространены в газетной лексике, их наличие — одна из отличительных черт самого газетного стиля. Чаще всего это глаголы, образованные от существительных, и существительные, образованные от глаголов, например: *to print* (глагол) — *a print* (существительное). В существительном *print* развилось значение тираж, т. е. все количество напечатанных экземпляров [3].

Сокращение — еще один тип словообразования, также являющийся источником неологизмов. Например, *YOLO* — сокращение от «you only live once» («ты живёшь только раз») [4].

Большая часть неологизмов и образована путем сложения, аффиксации, конверсии и сокращения, однако с появлением в жизни общества социальных сетей появилось огромное количество новых лексических единиц, неподвластных логичным способам словообразования. Это говорит о том, что вряд ли в других языках можно найти краткое дословное описание конкретной ситуации, если еще не возникло обозначающее эту ситуацию слово. К таким неологизмам относятся следующие слова:

- *Gloatgram* «Хвастограм» — пост в *Instagram*, показывающий, как хорошо и красиво живёт автор.
- *Like shock* «лайк-шок» — чувство, которое возникает у человека, чей пост в соцсетях собрал гораздо больше «лайков», чем он ожидал.
- *Antisocial Networking* «использовать антисоциальные сети» — добавлять новых друзей, но никогда с ними не общаться.
- *Facebook minute* «фейсбук-минута» — неопределенный период времени, проведенный в Facebook с того момента, когда человек зашел в него, чтобы просто проверить, нет ли новых сообщений.
- *Ghost post* «пост-призрак» — комментарий к статусу или фотографии, который был тут же удален автором из-за орфографической ошибки, неудачного подбора слов или глупости.
- *Facebook necrologist* «фейсбук-плакальщик» — пользователь соцсетей, который, когда умирает кто-то из знаменитостей, никогда не упускает возможности написать пост вроде: «покойся с миром, N» [4].

Стоит отметить, что в 2013 году Оксфордский словарь признал словом года *selfie* «разновидность автопортрета, заключающаяся в запечатлении самого себя на фотокамеру, иногда при помощи зеркала или монопода» [4].

Так же стоит обратить внимание на неологизмы, зачастую встречающиеся при прочтении англоязычных сайтов и журналов, просмотре телевизионных передач и просто блуждающие на просторах интернета:

- *Binge-watch* «дословно «запойный просмотр»» — просмотр большого количества эпизодов сериала в один присест.
- *Bro hug* «братское объятие» — гетеросексуальная форма выражения чувств между двумя мужчинами.
- *E-cig* — электронная сигарета.
- *Fandom* — группа фанатов какого-либо актёра, музыканта, фильма, сериала или игры.
- *Fast follower* — компания, которая быстро повторяет инновации конкурентов.
- *Humblebrag* «хвастожалоба» — якобы скромное и самоуничижительное заявление, фактической целью которого является привлечение внимания к себе.

- *Seagull management* «чайка-менеджмент» — стиль управления, при котором менеджер, внезапно налетев на объект, поднимает много шума, всюду гадит, а затем так же внезапно улетает, оставив после себя полный беспорядок.
- *Phone-yawn* «телефонный зевок» — феномен, наблюдающийся, когда один человек достает телефон и смотрит на экран, в результате чего окружающие люди делают то же самое.
- *Coffee face* «кофейное лицо» — страшное лицо человека, который с утра еще не успел выпить кофе.
- *Textretary* «штурман-секретарь» — человек, набирающий СМС за того, кто ведет машину.
- *Name ambush* «именная засада» — неловкая ситуация, когда вы сталкиваетесь со вроде бы знакомым человеком, но не успеваете вспомнить, как его зовут.
- *Domestic blindness* «домашняя слепота» — дее-способность найти какую-либо вещь (часто в собственной квартире) до тех пор, пока кто-нибудь не придет на помощь, несмотря на то, что предмет лежит на самом виду.
- *Dreamathon* «снорафон» — состояние, в котором человек снова и снова выключает будильник,

успевая до следующего его сигнала увидеть новый сон [4].

Многие неологизмы пришли в язык из литературы и кино, например *bucket list* «список вещей, которые вы никогда не делали, но хотели бы успеть сделать при жизни». Это словосочетание стало популярным в английском языке после выхода в прокат фильма *The Bucket List* (2007). В названии фильма обыгрывается идиома *kick the bucket* «умереть», дословно «сыграть в ящик».

Для обретения «законного» статуса в языке слово должно пройти стадии социализации (закрепления в обществе) и лексикализации (закрепления в языке). При этом процесс лексикализации предусматривает как наличие навыков использования неологизма, так и выявление условий и противопоказаний для его употребления в различных контекстах. Пройдя все стадии анализа и утверждения, лексическая единица определённого структурного типа регистрируется в словаре неологизмов.

Наш мир постоянно меняется, все новые явления находят отражение в языке. Неизвестно, сколько требуется времени, чтобы слово вошло в язык. Иногда проходят годы и даже десятилетия, прежде чем какое-то явление станет неотъемлемой частью общественной жизни.

Литература:

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70000 слов / Под ред. Н. Ю. Шведовой. — М.: Рус. яз., 1990. — 921 с.
2. Электронный ресурс. URL: <http://www.study.ru/support/lib/neologisms> (дата обращения: 22.09.2016).
3. Электронный ресурс. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-obrazovaniya-neologizmov> (дата обращения: 22.09.2016).
4. Электронный ресурс. URL: <https://www.adme.ru/svoboda-kultura/40-sovershenno-novyh-slov-558555/> (дата обращения: 22.09.2016).

Материалы к словарю языковой личности уроженца Кирилловского района Вологодской области: проект

Ганичева Светлана Алексеевна, аспирант
Вологодский государственный университет

Феномен диалектной языковой личности активно изучается в современной лингвистике: создаются словари диалектной языковой личности [2; 7], формируются корпусы текстов, на основе которых исследуется лексикон личности, жанрово-тематическое разнообразие порождаемых ею текстов (диалектный подкорпус Национального корпуса русского языка, корпус на основе саратовских говоров и др.), описываются когнитивные особенности личности и специфика её речевого поведения [1], создаются речевые портреты носителей говоров (см., например: [4; 5; 6]) и др.

Как правило, при этом в центре внимания исследователей находится «типичный» носитель говора — человек,

проживший всю жизнь в той или иной местности и не получивший профессионального образования. Однако представляется, что весьма интересным может быть также изучение языковых личностей людей — уроженцев той или иной местности, которые провели в ней детские годы, а затем прожили большую часть жизни в городской среде. Исходные, базовые черты языковой личности в данном случае сложились в среде носителей говора, однако подверглись влиянию профессиональной и городской культуры, литературного языка, просторечия и др. Изучение таких языковых личностей даёт возможность установить, каковы были последствия этого влияния, а также какие

черты диалектной языковой личности оказались наиболее сохранными.

Фактическую базу для исследования в этом направлении могут дать, в частности, «Материалы к словарю языковой личности уроженца Кирилловского района Вологодской области», проект которых будет представлен в настоящей работе. В центре внимания «Материалов...» находится языковая личность Николая Павловича Шаброва, уроженца д. Борбушино Кирилловского р-на Вологодской обл. Детские годы Николай Павлович провёл в родной деревне, а в 17 лет уехал учиться в лётное училище г. Сасово Рязанской области, которое окончил в 1957 г. После этого он был зачислен в 71 лётный отряд, базирующийся в г. Вологде, в котором проработал до 1985 г. После выхода на пенсию Николай Павлович каждое лето проводит в родной деревне, охотно общается с приезжающими туда участниками диалектологических экспедиций.

Н. П. Шабров является не только носителем местного говора, но и креативной языковой личностью: владеет навыками интересного рассказа, обладает богатым словарным запасом, хорошим языковым чутьём и языковой рефлексией. Им был создан архив рукописных материалов, которые могут быть использованы для изучения особенностей языковой личности уроженца Вологодской области. Представляемый в статье проект предполагает введение этих материалов в научный оборот путём их размещения в сети Интернет на сайте Вологодского государственного университета.

«Материалы...» состоят из трёх содержательных частей. Первая включает написанные Н. П. Шабровым 62 текста разного объёма, которые могут быть объединены в следующие основные тематические группы: тексты о деревне, в том числе воспоминания о детстве (30 текстов); тексты о профессиональной деятельности, в том числе об учёбе в лётном училище и в авиационном институте (25 текстов); тексты о семье (7 текстов). Каждый из текстов имеет авторское заглавие («Деревни Борбушинского сельского совета», «Как ловили палаголовцев», «Доброй охоты», «О дороге в Ферапонтово» и др.). Тексты воспроизводятся без изменения речевых особенностей оригинала, но с небольшими орфографическими и пунктуационными правками. Кроме того, в разделе приводятся сканированные копии рукописей, дающие возможность для исследования особенностей графического представления материалов автором.

Вторая часть представляет собой словарь диалектной лексики, встретившейся в записях Н. П. Шаброва, а также зафиксированной в беседах с информантом. Основным источником материала для словаря послужили данные подготовленных Н. П. Шабровым ответов на вопросник «Лексического атласа русских народных говоров» (ЛАРНГ) по ряду разделов — «Природа», «Человек» (подраздел «Анатомические названия»), «Трудовая деятельность» (подразделы «Полеводство», «Огородничество», «Плотницкое дело»), «Материальная культура»

(подразделы «Крестьянское жилище. Хозяйственные постройки. Строительство», «Домашняя утварь»). Эти материалы дополнены лексемами, встретившимися в текстах, созданных Н. П. Шабровым, а также записанными в ходе бесед с информантом. Все в разделе содержится 284 диалектных слова, которые распределены по тематическим группам следующим образом: «Природа» — 64 лексемы (*бесснёжье* «отсутствие снега зимой», *олеши́на* «одно дерево ольхи», *вью́ша* «чайка» и др.), «Человек» — 18 лексем (*мякю́шка* «кончик пальца, его мягкая часть», *переты́ка* «несдержанный, любящий поспорить человек» и др.), «Трудовая деятельность» — 106 лексем (*во́лоть* «ботва картофеля», *вы́кря́туть* «расчистить пашню (из-под леса)», *дровя́нка* «двуручная пила для распиливания дров» и др.), «Материальная культура» — 106 лексем (*подсто́лье* «нижняя часть стола», *ле́тник* «летнее жильё без печи», *ошю́рки* «жареные бараньи кишки» и др.). Многие лексемы были зафиксированы ранее в говорах Кирилловского района и включены в «Словарь вологодских говоров», однако ряд слов позволяет дополнить имеющиеся данные о кирилловской лексике: *ли́ствяник* «лиственный лес», *подла́вок* «место в доме под лавкой», *железя́нка* «небольшая железная печь для обогрева и приготовления пищи» и др.

Третью часть составляют сопроводительные материалы. Во-первых, это информация о Кирилловском районе Вологодской области и д. Борбушино, а также об особенностях говоров этой территории. Во-вторых, это краткая информация о биографии Н. П. Шаброва. В-третьих, это фотогалерея, в которой представлены фотографии д. Борбушино, а также снимки из семейного архива Н. П. Шаброва.

Предварительный анализ «Материалов...» позволяет сделать ряд наблюдений.

Во-первых, в речевом поведении Н. П. Шаброва наблюдается ряд черт, характерных для диалектной языковой личности. На вербально-семантическом уровне к ним относится использование диалектной лексики, находящейся, однако, преимущественно в пассивном словарном запасе (об этом свидетельствует тот факт, что большая часть диалектных лексем зафиксирована в ответах на вопросник ЛАРНГ, то есть актуализировалась в связи со специальным коммуникативным заданием). Обращают на себя внимание также диалектные фразеологизмы *в ушат рыбу ловить* «заниматься пустяками, пустым делом»; *стоять как на воробах* «всею бояться»; *редкий к частому займовать не придёт* «о том, что редкая посадка моркови даёт урожай лучше, чем частая». Следует отметить, что фонетические и грамматические черты говоров Кирилловского района Вологодской области в речи Н. П. Шаброва практически не представлены, о чём свидетельствует наш опыт общения с информантом (системно проявляется только неполное оканье, наличие архаичных форм глаголов *есть* и *класть* — *ести* и *класти*, союза *дак*, постпозитивных согласуемых частиц *-от*, *-то*, *-ка*).

На линвокогнитивном уровне к чертам, характерным для диалектной языковой личности относится особая значимость концепта «труд», который составляют представления о профессиональной деятельности и о различных работах в деревне (огородничество, работа в поле, работа по дому и т. д.). Кроме того, это такие черты, как прагматичность и конкретность знаний о мире, проявляющиеся, например, в иллюстрации к ответу на вопрос ЛСЛ 621 «Северо-восточный ветер» программы ЛАРНГ: *Самый плохой ветер для города Мурманска. Погода при этом ветре меняется ежечасно. От дождя, снегопада до тумана. И у нас море делает такую погоду.*

На прагматическом уровне это, прежде всего, экспрессивность, выражаемая в основном не на лексико-словообразовательном уровне, а на уровне построения высказывания и текста, что характерно для мужской речи: *Теперь все яблоньки выросли, дают урожай, но они дикие и не очень вкусные. Молодильные яблоки из сказок! Нынче решили сделать джем из них. А что выйдет из этого? Это опять сахар и глюкоза в крови? А так сосед собирает их и отвозит на полигон, где приходят кабаны, и бьёт их на мясо!*

Во-вторых, в речевом поведении отражается значительное влияние профессионального дискурса, что также характерно для мужской речи [3]. Об этом влиянии говорит большое количество текстов на профессиональные темы и появление профессиональных мотивов в текстах на другие темы. Кроме того, интересны в этом отношении материалы некоторых ответов на разделы ЛАРНГ, в частности, раздел «Метеорология», в котором эксплицируются преимущественно профессиональные знания, несмотря на то что вопросник ориентирован на диалектную лексику: *Опасности особой не представляет. Как правило, в тылу циклона*

из нее выпадают ливневые осадки в виде дождя, а если на высоте до 4 км, то в виде сильного снегопада. Называют «вторичный холодный фронт» (иллюстрация к ответу на вопрос Л 559 «Большая дождевая туча»).

В-третьих, может быть выявлен и ряд индивидуальных особенностей речевого поведения. Самой яркой из них является активное использование в речи прецедентных текстов. Как правило, это отрывки из классических стихотворений или отрывки из песен [цитаты даются в том варианте, в котором приведены в рукописи Н. П. Шаброва — С. Г.]: *Слёзы ли, пот у ней над ресницей, право, сказать мудрено. В жбан этот, заткнутый грязной тряпичею канут они всё равно!* (Н. А. Некрасов); *Матушка, возьмёт ведро, молча принесёт воды!* (Н. Рубцов); *В Ватикане прошёл мелкий дождик. Римский папа пошёл по грибы ...* (В. С. Высоцкий); *На реке навигация, на реке ледоход...* (из песни); *Судьба, судьба, судьби-нушка, Будь ласкова со мной! Была суровой зимушка ...* (из песни). Кроме того, нередко Н. П. Шабров вспоминает фрагменты фольклорных произведений: *Милка! Серенький глазок! Пройдем по улочке разок! Твои русые куделечки развеет ветерок!..* [частушка]. К числу индивидуальных особенностей речевого поведения также можно отнести частое употребление предложений с восклицательной интонацией, графически передаваемой на письме восклицательным знаком (*Бочка протекает, дно в пазу слабинку имеет!*).

Таким образом, предварительные наблюдения показывают, что данные материалы могут быть интересны с точки зрения изучения отражённых в них особенностей языковой личности, а также выявления наиболее устойчивых черт диалектной языковой личности, сохраняющихся у уроженцев деревни, живущих в городской среде.

Литература:

1. Иванцова Е. В. Феномен диалектной языковой личности: дис. ... д-ра филолог. наук. — Томск, 2002.
2. Лютикова В. Д. Словарь диалектной личности. — Тюмень, 2000.
3. Мизюрина Т. В. Гендерные особенности мужской и женской устной речи // Математика. Компьютер. Образование. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mce.su/rus/archive/abstracts/mce19/sect128330/doc150471>. — Дата обращения: 3.09.2016.
4. Народная речь Вологодского края: говоры Кирилловского района Вологодской области / С. А. Ганичева, Ю. Н. Драчёва, Е. Н. Ильина, Н. Г. Михова. — Вологда, 2014.
5. Народная речь Вологодского края: материалы по русской диалектологии / науч. ред. Е. Н. Ильина. — Вологда, 2012.
6. Народная речь Вологодского края: между прошлым и будущим / Е. П. Андреева, С. А. Громыко, Ю. Н. Драчёва и др. — Вологда, 2015.
7. Тимофеев В. П. Диалектный словарь личности. — Шадринск, 1971.

Метафоризация как средство терминообразования в английском подъязыке производства и размещения рекламы¹

Елецкая Ольга Владимировна, выпускник;

Бугаенко Нина Петровна, кандидат педагогических наук, профессор
Новороссийский филиал Пятигорского государственного университета

Раздубев Алексей Валерьевич, кандидат филологических наук, доцент
Пятигорский государственный университет

Мироненко Елена Валерьевна, кандидат педагогических наук, доцент
Новороссийский филиал Пятигорского государственного университета

Терминоведам хорошо известно, что особенности структуры и семантики терминосоединений, а также способы терминологической номинации и механизмы терминологической деривации довольно значительно варьируются у терминологий различных наук. В этой связи, перечисленные выше особенности принято относить к *индивидуальным* характеристикам терминосистем [1; 6; 8; 15; 18; 20]. Л. В. Ивина также вполне обоснованно включает в данный перечень возраст терминологии, полагая ее весьма значимой особенностью и подчеркивая, что для *молодых терминологий* характерна образность терминологической лексики, а одним из продуктивных когнитивных механизмов терминообразования является **метафоризация** [13, с. 46–65].

В широком смысле, метафора является ключом к пониманию многих механизмов вербального и невербального мышления, а также процессов отражения феноменов действительности в наивном и научном сознании [4; 23–26]. В свете сказанного можно утверждать, что роль метафоры в создании специализированной лексики достаточно велика [см. в этой связи: 11]. По мнению С. В. Гринева-Гриневица, метафоричные термины позволяют указать на одно из основных, профилируемых свойств вербализуемого научного понятия, не прибегая при этом к развернутой терминологической дефиниции [10, с. 208]. Таким образом, во внутренней форме метафоричного термина вербализуется не только важный дифференциальный понятийный признак, но и ассоциативная связь с другими элементами системного научного или обыденного знания [см. подробнее об этом: 3; 5; 17].

Англоязычной терминологии сферы производства и размещения рекламы как одной из достаточно молодых терминологий также свойственна метафоризация. Следовательно, одним из важных способов терминообразования в сфере рекламы является **метафорическое переосмысление**. Именно эта проблематика будет предметом рассмотрения в настоящей статье.

Метафоризация как способ образования терминов основана на сходстве материальных репрезентаций предметов, при этом метафорическую нагрузку, естественно, может нести название общеупотребительного понятия, перенесенное на специальное понятие на основании общности признаков элементов наивной и научной картин мира. Несмотря на то, что при метафоризации порождается новый термин, в данном процессе все же используются уже готовые лексические единицы естественных языков. В целом, при посредстве семантических способов терминообразования, в число которых входит и метафоризация, возникает сравнительно небольшое число терминов, при этом для формирующихся и молодых терминологий доля таких терминов значительно выше [см. подробнее об этом: 4; 9; 17].

Анализ выборки англоязычных лексических единиц терминологии рекламной сферы показывает, что путем метафорического переосмысления образовано **35** терминологических единиц, что составляет **12%** от общего числа рассматриваемых в нашей работе терминов.

«Процессы метафорических ... переносов идут по линии замены дифференциальных сем нового значения на основе одной общей семы. При этом соотносимая сема может входить в ядро значения и иметь ранг дифференциальной семы, либо находиться в ранге потенциальной семы» [19, с. 69; 2; 21; 22; 24]. Исходя из приведенных соображений, можно говорить о двух основных видах метафорического переноса:

- 1) на основе общности визуальных признаков;
- 2) на основе общности ассоциативных признаков.

Выделенные нами виды метафорического переноса, в свою очередь, можно классифицировать по следующим признакам:

1) Сходство по форме, по виду:

gatefold ~ двойные, или тройные страницы, в основном в журналах, которые разгибаются в большой рекламный лист, т. е. страницы напоминают открывающиеся или закрывающиеся ворота;

¹ Публикация выполнена в рамках проекта «Когниолингвистическое и лексикографическое моделирование фрагментов прикладной и фундаментальной научной картины мира (русский и английский языки)» по Государственному заданию Министерства образования и науки РФ на 2014–2016 гг. (ФГБОУ ВО «ПГУ», проект № 3078, науч. рук. — докт. филол. наук, проф. О. А. Алимурадов).

collarette ~ а) *общелитер.* кружевной/меховой воротничок; б) *рекл.* рекламный «воротничок»; колеретка, бандеролька (на горлышке бутылки);

porta panel ~ (небольшой) передвижной щит наружной рекламы, в общелитературном языке это ворота.

2) Сходство по качествам, присущим животным:

bulldog edition ~ издание печатной публикации, которое готово раньше, чем другие издания. Обычно, это — раннее издание газеты большой циркуляции. Переосмысление происходит за счет первого компонента, так как в общелитературном языке слово *bulldog* имеет следующие значения:

1. бульдог;
2. упорный, цепкий человек;
3. надзиратель (в Оксфордском и Кембриджском университетах);
4. крупнокалиберный револьвер;
5. *bulldog pipe* ~ курительная трубка;
6. *bulldog fly* ~ овод;
7. *bulldog ant* ~ муравей;
8. головка сахара.

Несомненно, при метафорическом переносе учитываются такие прототипические качества собаки, как цепкость и упорство. Приведем еще некоторые пример метафоризированных терминов сферы производства и размещения рекламы:

copy cat ~ *жарг.* подражатель, имитатор «попугай»;

piggyback ~ 1. связка (два рекламных ролика одного и того же рекламодателя, следующие друг за другом и предлагающие разные товары); 2. контрейлер.

3) Сходство по качеству с предметами, использующимися в других сферах жизни:

vehicle ~ *рекл.* средство, орудие, носитель (рекламы); *общелитер.* (авто) транспортное средство;

spectacular ~ *рекл.* крупный рекламный щит (обычно электрифицированный); *общелитер.* впечатляющий театральный спектакль, яркое театральное представление;

boгах ~ халтура, «мусор» (о дешевом бросовом товаре, о плохо написанной или напечатанной рекламе); в химической терминологии *богах* ~ это бора — вещество, выпадающее в осадок при некоторых химических реакциях (в данном случае можно говорить о *транстерминологии*, основанной на метафорическом переносе).

4) Сходство по принципу действия:

teaser ~ «дразнилка», «затравка», дразнящее рекламное объявление (не сообщающее всей необходимой информации, но содержащее указание на то, что отсутствующие сведения будут даны в последующих публикациях или на последующих щитах);

jingle ~ 1. рекламный куплет, музыкальный рекламный ролик; музыкальный логотип; 2. *pl* позывные (радиостанции);

drop ~ 1. понижение, снижение; падение, спад; 2. «заброска», распространение (рекламных) материалов по принципу «в каждую дверь»;

bleed ~ помещение изображения или объявления на крае страницы, чтобы расширить нормальное поле печатной страницы;

plug ~ рекламная вставка, «затычка», заполняющий (рекламный) материал;

метафоризация термина **wobbler** ~ «раскачивающаяся» реклама, основана на действии общелитературного глагола *to wobble* (качаться из стороны в сторону). *Воблерами* называют рекламные стенды, которые закрепляются таким образом, чтобы при ветреной погоде могли раскачиваться.

В основе переосмысления термина **peeling** ~ удаление предохранительного покрытия — лежит значение глагола *to peel* (очищать, снимать корку, шелуху), поскольку процесс удаления рекламного покрытия похож на процесс снятия шелухи.

5) Новые значения могут развиваться у слова вследствие его **употребления в необычной для него функции** — в новом функциональном стиле, в новой социальной ситуации. Слово приобретает ранее неизвестный оттенок значения, который затем оформляется в новый лексико-семантический вариант этого слова. Происходят изменения как в семантической структуре всей лексемы, так и в отдельном лексико-семантическом варианте. Иными словами, лексические единицы проявляют прагматическую мобильность, мигрируя из общеупотребительной лексики в определенный функциональный стиль (в социолект и жаргон определенной социoproфессиональной группы) и, наоборот: из одного социолекта (жаргона) в другой [12]. Например, термин **poster** — постер (рекламный плакат, афиша) из полиграфической терминологии вошел в рекламу, а затем в разговорную речь в связи с массовым использованием плакатной рекламы. Термин **account**, образованный путем метафорического переосмысления, в рекламной сфере употребляется в значении клиента рекламного агентства, в то время как в экономической терминологии **account** — это счет. Таким образом, произошел перенос значения по функциям, так как клиент рекламного агентства и является тем человеком, который оплачивает счет за предоставленные ему рекламные услуги. Английский термин **defensive warfare** (дословно «оборонительная война») означает вид маркетинговой стратегии, характерный для компаний-лидеров своих секторов рынка. По аналогии с военной стратегией, в ходе маркетинговых войн промышленные лидеры предпринимают стратегию обороны для защиты своей доли рынка от конкурентов. В данном случае также мы можем наблюдать перенос значения по функции.

Таким образом, из вышесказанного можно сделать вывод о том, что продуктивность метафоризации как одного из способов терминообразования подтверждается и на материале англоязычной терминологии сферы производства и размещения рекламы. Использование метафоры

при образовании рекламных терминов подтверждает ту тенденцию рекламы, которая, по-видимому, составляет главную ее специфику и которая наиболее ярко проявляется в её современном состоянии — тенденцию к манипулированию человеческим сознанием. Основная функция рекламного текста сейчас — это именно убеждение потенциального покупателя (не на рациональном, а на эмоциональном уровне) и привлечение его внимания (образная метафора). Метафора, как известно, служит одним из мощных средств речевого воздействия на реципиента [7;

14; 16], она является не просто средством создания образности, но и, обладая значительным прагматическим потенциалом, представляет собой способ познания, структурирования и объяснения мира. Прагматический потенциал метафоры заключается в ее способности воздействовать на адресата, подсказывать и настраивать на определенный тип решения и поведения (что имеет первостепенное значение в рекламной отрасли). Именно поэтому метафоризация широко используется при образовании терминов сферы производства и размещения рекламы.

Литература:

1. Акаева Х. А., Алимуратов О. А. О некоторых системных критериях разграничения фундаментальных и прикладных терминологий // Российский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5. № 2. С. 200–211.
2. Алимуратов О. А., Лату М. Н. Метафоричность термина как переводческая проблема // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2006. № 4. С. 24–27.
3. Алимуратов О. А., Лату М. Н. Особенности терминологической номинации: когнитивно-семантический подход (на материале китайской и английской терминологии боевых искусств) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2008. № 1–2. С. 6–13.
4. Алимуратов О. А., Милетова Е. В. Метафорические модели, вербализующиеся с участием имен прилагательных и реализуемые в современном англоязычном искусствоведческом дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 4 (37). С. 51–60.
5. Алимуратов О. А., Чурсин О. В. Когнитивная музыкальная метафора и ее место в современном англоязычном публицистическом тексте // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. 2010. № 1. С. 380–386.
6. Борисова М. К. Тематическая классификация лексических единиц, входящих в терминосистему международной безопасности в русском, английском и французском языках // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2015. № 2. С. 153–161.
7. Будаев Э. В. «Могут ли метафоры убивать?»: прагматический аспект политической метафоризации // Политическая лингвистика. Вып. 20. Екатеринбург, 2006. С. 67–74.
8. Горбунова Н. Н. Современная англоязычная терминосистема сферы менеджмента: структурно-семантическая и когнитивно-фреймовая характеристика: Дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2014. 247 с.
9. Горбунова Н. Н., Алимуратов О. А. Метафорические модели терминологии в английской терминосистеме сферы менеджмента: гендерный аспект // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 3 (44). С. 90–98.
10. Гринев-Гриневич С. В. Терминоведение: учеб. пособие. — М.: Академия, 2008. — 304 с.
11. Дудецкая С. Г. Метафоризация как способ терминообразования: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2007. 24 с.
12. Заботкина В. И. Новая лексика современного английского языка. М.: Высшая школа, 1990. 124 с.
13. Ивина Л. В. Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминосистем (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования). — М.: Академический Проект. — 2003. — 302 с.
14. Каратышова М. А., Алимуратов О. А. Красота в языке: гендерный и прагмалингвистический анализ комплиментарного речевого поведения: монография. Пятигорск, 2010. 140 с.
15. Лату М. Н., Алимуратов О. А. К вопросу об универсальных и индивидуальных характеристиках терминосистем (на материале англоязычной военно-исторической терминологии) // Язык. Текст. Дискурс. 2008. № 6. С. 250–255.
16. Москвин В. П. Русская метафора: Очерк семиотической теории. Изд. 4, испр. и доп. М.: URSS. 2012. 200 с.
17. Раздубов А. В. Современный английский подязык нанотехнологий: структурно-семантическая, когнитивно-фреймовая и лексикографическая модели: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Пятигорск, 2013. 242 с.
18. Раздубов А. В., Хакиева З. У. Основные индивидуальные (вариативные) характеристики англоязычных систем строительной и нанотехнологической терминологии // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. 2012. № 7. С. 191–206.
19. Розен Е. В. Новые слова и устойчивые словосочетания. М.: Просвещение, 1991. 187 с.
20. Хакиева З. У. Основные индивидуальные (вариативные) характеристики системы англоязычной строительной терминологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2010. № 2. С. 181–188.
21. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография. Екатеринбург, 2003. 248 с.

22. Алимуратов О. А., Лату М. Н. Метафоричность термина как переводческая проблема // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2006. № 4. С. 24–27.
23. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001. 238 с.
24. Barcelona A. Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective. Berlin, N. Y.: Mouton de Gruyter, 2000. 357 p.
25. Davidson D. What Metaphors Mean // The Philosophy of Language / A. P. Martinich (ed.). 2nd ed. N. Y.: Oxford Univ. Press, 1990. P. 430–441.
26. Guttenplan S. Objects of Metaphor. Oxford, N. Y.: Clarendon Press, 2005. 306 p.
27. Kittay E. F. Metaphor: Its Cognitive Force and Linguistic Structure. Oxford: Clarendon Press, 1989. 358 p.

Проблема референтной сферы в медиации. Требования к речи медиатора²

Моногарова Алина Геннадьевна, аспирант
Пятигорский государственный университет

В статье рассматриваются требования, предъявляемые к организации речи медиатора в процессе устной медиации. Авторами были выявлены и описаны основные речевые стратегии реагирования специалиста-посредника на типичные ситуации в процессе, инициаторами которых являются участники спора. В статье также уделяется внимание проблеме референтной сферы дискурса медиации и её влиянию на выбор речевых тактик для достижения целей процесса.

Ключевые слова: дискурс медиации, речь медиатора, медиация, коммуникативные стратегии, посредничество

Растущая популярность медиации как способа досудебного урегулирования споров определяет необходимость изучения языковых средств, позволяющих реализовать стратегии участников, направленные на достижение определенных целей. Специфика параметров дискурса медиации (количество участников и распределение ролей, сочетание монологической, диалогической и групповой форм общения, наличие нескольких (часто противоположных) глобальных коммуникативных целей у различных участников общения) обуславливает направленность стратегий, используемых сторонами в процессе медиации [3, с. 1093]. Кроме того, к факторам, определяющим структуру и содержание прагматического сценария коммуникации в медиации, относятся такие отличительные черты процедуры, как ориентированность на перспективу, направленность на эмоциональную сторону конфликта и личные отношения между его участниками, конфиденциальность и возможность разработки компромиссного решения, которое удовлетворяло бы обе стороны и охватывало все проблемы, касающиеся дальнейших отношений сторон конфликта.

Целью данной статьи является рассмотрение особенностей реализации стратегического плана медиатора через вербальную коммуникацию. Таким образом, объектом исследования являются используемые медиатором речевые стратегии как средства языкового воплощения прагматического сценария в реальной коммуникации. Исходя из того, что понятие речевой стратегии

предполагает осознание ситуации в целом, определение направления развития, планирование и реализацию процесса речевой коммуникации в зависимости от целей, конкретных условий общения и личностей коммуникантов [1, с. 108], считаем, что классификацию стратегий в медиации необходимо строить, отталкиваясь от трех основных критериев: характер спора, подлежащего разрешению; используемый медиатором подход в решении конфликта; цели, преследуемые конфликтующими сторонами.

В зависимости от целей участников дискурсивные стратегии в медиации можно разделить в соответствии с видами медиации (win-win mediation — обе стороны получают, что хотят; win-lose mediation — по итогам медиации интересы одной стороны удовлетворены в большей степени, чем другой) на две большие группы: *кооперативные стратегии*, реализующиеся с помощью различных тактик, целью которых является установление сотрудничества внутри коммуникативной ситуации с ориентацией на равный выигрыш для обеих сторон, и *конфронтационные стратегии*, реализующиеся через тактики, направленные на «победу» над противником посредством установления ситуации подавления, подчинения, введения в заблуждение и т. д. Остальные стратегии, используемые в медиации для обеспечения эффективных переговоров и недопущения эскалации конфликта мы относим к *вспомогательным*, так как они способствуют поддержанию коммуникации, структурно-функциональной

² Работа подготовлена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ (проект № 2511, 2014–2016 гг.)

организации диалогового взаимодействия с опорой на специфику адресанта, адресата, коммуникативного контекста. Учитывая специфический набор коммуникантов в дискурсе медиации, наиболее приемлемым нам представляется разделение стратегий по принципу *субъектности*. Часто медиатор и стороны имеют различные (даже противоположные) установки, что определяет возможность демаркации используемых в медиации стратегий на основе субъектной оппозиции «медиатор-стороны конфликта». Так, например, медиатору в начале процесса следует придерживаться диктальной стратегии (предоставление сведений), включающей различные тактики: информирование, комментирование, разъяснение и иллюстрирование, а уже в развитии процесса коммуникант может использовать другие стратегии, которые приведут стороны к примирению. Стороны же, как было отмечено выше, не всегда нацелены на примирение, поэтому используют конфронтационные и манипулятивные приемы.

Таким образом, несмотря на то, что речевое поведение в медиации — это (в большинстве случаев) заранее составленный план со стратегическими ориентировками, актуализирующимися через определенный набор стратегий, прагматическая структура различных дискурсивных моделей весьма неоднородна, так как выбор коммуникативного поведения зависит от целого комплекса факторов, таких как количество участников, форма общения, ориентация на соперничество или кооперацию, тип конфликта. Именно поэтому особый интерес представляют стратегии и тактики основных коммуникантов в медиации, а также речевые средства, позволяющие сторонам и медиатору достигнуть конкретных целей общения, которые у сторон могут не просто отличаться, а даже противоречить друг другу.

Задачи медиатора как специалиста, призванного обеспечить проведение переговоров, обуславливают направленность используемых им дискурсивных стратегий. Медиатор, являясь нейтральной стороной, поддерживает переговоры независимо от ситуации, содействует деэскалации конфликта, не допускает углубления противоречий между сторонами, обсуждает с участниками детали возможного компромисса. Речевое поведение медиатора должно быть направлено на реализацию следующих основополагающих стратегий: *стратегия смягчения*, *стратегия контроля над темой*, *стратегия совместного поиска альтернативы*.

Как было упомянуто выше, для воплощения той или иной стратегии все участники дискурса медиации используют речевые тактики — набор конкретных речевых ходов, введение которых в дискурс имеет динамический характер, что позволяет оперативно реагировать на речевое поведение партнера [2, с. 105]. Необходимо отметить, что большая часть выявленных нами стратегий? используемых медиатором в процессе личных и совместных сессий, реализуется через тактику введения в переговоры различных *вопросов*, цель которых не всегда состоит

в получении более подробной информации от участников. Вопросы в преобразующей медиации — главный инструмент медиатора в выяснении обстоятельств дела, в определении типа конфликта, эмоционального отношения сторон к спору, а также эффективное оружие в построении и актуализации кооперативных и вспомогательных медиативных стратегий, направленных на совместную работу над компромиссным решением и избегание любого рода эскалаций конфликта, в том числе тактических (со стороны участников). Так, например, вспомогательная *стратегия контроля над темой* часто реализуется через тактику введения уточняющих вопросов (англоязычные практикующие медиаторы называют её *clarifying questions*) и имеет целью моделирование ситуации, в которой участники открыто говорят о своих чувствах, эксплицируя другой стороне информацию о своих обидах/неудовлетворенности и т. д. Например, следующие вопросы помогают медиатору выйти на разговор об эмоциях и чувствах, который может помочь сторонам понять позиции друг друга: «*Какое ваше мнение по поводу озвученного Party X?*»; «*Что вы думаете по поводу того, что произошло?*»; «*Что вы имеете в виду под «неуважением»?*»; «*Почему, как вы думаете, Party X так поступил?*»; «*Что, как вы считаете, Party X, думает о ситуации?*» и т. д.

Анализ речевых фрагментов процессов *медиации* показал, что уточняющие вопросы позволяют медиатору не только контролировать тему обсуждения, но и эффективно реализовывать *стратегию смягчения* через расширение чувственной стороны проблемы, когда медиатор, интересуясь чувствами той или иной стороны, трансформирует конфликт интересов в ситуацию недопонимания, которую можно решить, объяснив конфликтующим настоящие причины их недовольства друг другом. Корректно введенные вопросы медиатора позволяют актуализировать одну из важнейших кооперативных стратегий в медиации — *стратегию совместного поиска альтернативного решения* (collaborative dispute resolution).

Несмотря на то, что преобразующий подход ориентирован не на такую далекую перспективу, которую ставит перед собой *терапевтическая медиация* (процесс, целью которого является исключительно примирение сторон: по его итогам не составляется соглашение), преобразование конфликта также предполагает сглаживание противоречий и дальнейшее достижение компромисса. Факт того, что работа в рамках преобразующей медиации предполагает не просто решение определенной проблемы, а помощь медиатора в выстраивании партнерских отношений между сторонами, позволяет утверждать, что выстраивание стратегий через личные вопросы, апеллирующие к чувствам сторон и их желаниям, — эффективная тактика, позволяющая настроить стороны на кооперацию в разработке финального решения.

Стратегическая организация речи медиатора — это сложный коммуникативный сценарий, и введение в обсуждение вопросов — лишь одна из тактик, которая

в сочетании с другими речевыми приемами позволяет достичь глобальную цель дискурса. Так, например, другая речевая тактика, позволяющая медиатору актуализовать кооперативную *стратегию совместного поиска альтернативного решения*, реализуется через условные предложения, содержащие нереальное условие. Использование медиатором вопросительной грамматической конструкции, содержащей нереальное условие, особенно частотно во время проведения отдельных сессий, так как позволяет специалисту презентовать сторонам целый комплекс возможных ситуаций развития событий и выяснить, какое решение было бы принято ими в случае, если бы представленные им уступки были реальными («*Что бы вы делали на месте Party X?*», «*Если бы Party X выплатил долг, вы бы согласились быть его арендодателем?*», «*Если бы сегодня Party X извинился/согласился на уступку X и т. д., вы бы согласились на условия Y?*» и т. д.). *Тактика конструирования благоприятной перспективной ситуации* с помощью таких условных предложений позволяет медиатору во время отдельных сессий со сторонами подготовить проект компромисса, который фактически составляют сами стороны в процессе ответов на вопросы, сформулированные через грамматически «нереальное» условие.

Медиация хорошо подходит для урегулирования семейных конфликтов потому, что основной задачей в ходе разрешения подобных конфликтов является помощь семьям в преодолении грядущих перемен и сохранении нормальных отношений с детьми. Этот подход также применим к межкультурным конфликтам и спорам между людьми разных поколений. Так, например, при решении семейных конфликтов тактика обобщения часто является инструментом создания в сознании конфликтующих «образа соратников», что способствует осознанию общих целей и, как следствие, их эффективному достижению. Приведем англоязычный пример из практики семейной медиации. Из записей медиатора Дж. Хейнса: «Аллан и Маурин — родители тринадцатилетней Мэри, которые расстались несколько лет назад. За это время они прошли через девять судебных процессов, устанавливая размер

алиментов и количество времени, которое каждый может проводить с ребенком. Однако, не достигнув соглашения, решили попробовать медиацию, прежде чем идти в суд в десятый раз» [4, с. 78]: медиатор прибегает к обобщению, сделанному в виде «наблюдения» медиатора о поведении сторон. Однако он определенно ставит целью изменение в сознании бывших супругов образа друг друга: из открыто враждебного он должен стать нейтральным и способствовать переходу от «войны» к «кооперации». Достигается этот эффект через тактику объединения. Вместо персонального обращения к Аллану и Маурин медиатор объединяет стороны местоимениями «you», «we» и «both». Причем сначала медиатор порицает родителей, указывая на их постоянные отсылки к прошлому (She **did not like me** because I **was married** ... His mother **acted** just like «she's mine».) и нежелание сконцентрироваться на будущем («Whenever I ask **you both** a question about the future you reply to me about the past and you're very well versed in all the injuries and hurts of the past»). Однако уже в следующем предложении он меняет тактику и использует объединяющее «you» в значении «соратники, имеющие общую цель», давая понять, что вместе они могут решить проблему (... **you don't** enjoy your unhappiness and that **you both** want to go forward).

Дискурсивные стратегии динамичны по своей природе, и в ходе общения они постоянно корректируются. Основным требованием к организации речи медиатора является корреляция используемых речевых средств с принципами и целями медиации. Так, медиатор должен оставаться нейтральным, а также поддерживать переговоры, помогая сторонам разработать компромисс, при том не обозначая своего мнения о справедливости притязаний участников и обоснованности их позиций. Необходимо, чтобы стратегии, применяемые медиатором в изменяющемся контексте, были направлены на создание атмосферы сотрудничества. Для достижения глобальной цели дискурса медиации — примирения сторон — возможно взаимодействие различных стратегий, обусловленное индивидуальными целями участников, а также экстралингвистическими факторами.

Литература:

1. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — М.: URSS / УРСС; ЛКИ, 2008. — 288 с.
2. Храменко Д. С. Ирония в английском деловом дискурсе (функционально-синергетический подход): дис. ... канд. филол. наук. — М., 2010.
3. Chernyshenko A. G., Alimuradov O. A. Linguistic parameters of the mediation discourse. Middle East Journal of Scientific Research. 2013. Т. 15. № 8. P. 1092–1096.
4. Haynes, J. M., Haynes, G. L. Mediating Divorce: Casebook of Strategies for Successful Family Negotiation / J. M. Haynes, G. L. Haynes — San Francisco: Jossey-Bass, 1989.

Исследование образа как способ получения сведений о языковом сознании индивида (на примере исследования образа университета)

Свиркович Олеся Владимировна, старший преподаватель
Костанайский филиал Челябинского государственного университета (г. Костанай, Республика Казахстан)

В современном мире система высшего образования претерпевает существенные изменения, ставшие следствием функционирования вуза в условиях рыночной экономики, усилением конкуренции в сфере высшего образования, а также с проблемами повышения уровня профессиональной подготовки кадров. Важнейшими становятся цели повышения качества образования и подготовки специалистов, обладающих востребованными в условиях рыночной экономики компетенциями.

В своей работе мы задаемся целью сформировать более точное представление о процессе исследования образа как одного из самых достоверных средств получения сведений о языковом сознании. Описание образа университета в языковом сознании жителя северного региона Казахстана, на наш взгляд, позволит получить достаточно интересные сведения о функционировании современной высшей школы, выработать рекомендации по формированию имиджа высшего учебного заведения с учетом национального подхода.

Имидж (англ. image, от лат. imago — образ, вид) — целенаправленно формируемый образ (какого-либо лица, явления, предмета), призванный оказать эмоционально-психологическое воздействие на кого-либо в целях популяризации, рекламы и т. п. [БЭС].

Имидж зависит от того, какие ценности пропагандируются в обществе в определенный период времени. В условиях быстро меняющегося и развивающегося общества, роста его потребностей важным показателем в пользу формирования благоприятного имиджа образовательного учреждения служит степень соответствия его миссии, целей и задач требованиям социума. Так, сегодня особую ценность представляет образование, декларируемое как часть общенациональной культуры, способствующее формированию целостной социальной личности, готовой жить и работать в демократическом полиэкономическом обществе [10, с. 58].

Традиционно термин «сознание» рассматривается в современных областях философии, социологии и психологии как понятие, обозначающее человеческую способность идеального воспроизведения действительности в мышлении. Являясь высшей формой психического отражения, свойственной общественно развитому человеку и связанной с речью, сознание соотносится с идеальной стороной целеполагающей деятельности [1].

Изучение языкового сознания стало закономерным результатом появления в XX в. психолингвистики, позволившей трактовать языковые явления с позиций специфики индивидуального знания, формируемого в соответствии с психофизиологическими возможностями индивида, но под контролем системы норм и оценок, вырабатываемых в социуме [4, с.40].

Возникнув на стыке различных, хотя и сближающихся областей термин «языковое сознание» до сих пор не обладает достаточной однозначностью. Т. В. Ушакова, характеризуя данную ситуацию, отмечает: «Ставши в известной мере модным, данный термин в то же время остается недостаточно определенным. Ощущается потребность более ясно понять, в чем его суть, что оно высвечивает в сознании исследователя, какие возможности открывает в исследовательском поле, какие акценты ставит в поле исследовательских проблем» [9].

Формулируя определение языкового сознания можно столкнуться с определенными трудностями: во-первых, значение, вкладываемое в данное сочетание, не всегда совпадает в концепциях разных исследователей (в отдельных случаях термин отождествляется с близким ему «языковым мышлением»), во-вторых, наблюдается одновременное функционирование синонимических понятий «сознание», «речевое мышление», «лингвистическое мышление», «лингвистическая компетенция», «лингвистическая компетентность». На неоднозначность терминологического сочетания «языковое сознание» указывает [2].

Другая точка зрения заключается в том, что языковое сознание, являясь одной из составных частей коммуникативного сознания, обеспечивает механизмы языковой (речевой) деятельности: порождение речи, восприятие речи и хранение языка в сознании. Языковое сознание целесообразно соотносить с когнитивным и коммуникативным сознанием. Когнитивное сознание объединяет всю мыслительную деятельность человека, а коммуникативное, в свою очередь представляет собой совокупность коммуникативных знаний и коммуникативных механизмов, которые обеспечивают весь комплекс коммуникативной деятельности человека [7].

Существует и положение, согласно которому языковое сознание следует отождествлять с речевым сознанием. Так, Ушакова Т. В. рассматривает языковое сознание как более широкое явление, чем лексикон, поскольку в речи может быть обозначен любой феномен, не имеющий специальной однословной или идиоматичной номинации [9]. Овчинникова И. Г., закрепляя за языковым сознанием вербализуемые лексическими средствами национального языка результаты ментальной деятельности, расширяет трактовку, ссылаясь на концепцию языковой личности Ю. Н. Караулова: языковое сознание охватывает семантикон в его отношении к лексикону [5].

Мы в своем исследовании будем опираться на характеристику, принятую в российской психолингвистике и сформулированную Е. Ф. Тарасовым, понимая под языковым сознанием совокупность образов сознания, внешнеявляемых

при помощи языковых средств — слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей [8, с. 36].

Источником «овнешнителей» образа университета в языковом сознании жителя северного региона Казахстана способны стать, наш взгляд тексты, созданные и функционирующие в поликультурной языковой среде, в частности тексты средств массовой информации, рекламы, официальные документы. Кроме того, закономерно использование данных ассоциативного эксперимента, опроса, интервью и анкетирования.

Проанализировав тексты рекламных объявлений высших учебных заведений, распространяемые в пределах Костанайской области Республики Казахстан, мы выявили ряд специфических языковых средств, среди которых следует отметить наличие форм превосходной степени сравнения прилагательных и наречий: «*хорошее материально-техническое оснащение позволяет решать самые сложные задачи при подготовке специалистов*», «*выбор правильного места учебы является одним из самых важных решений в вашей жизни*»; «*в крупнейших (старейших, лучших) вузах...*» и пр., побудительных синтаксических конструкций и обращений: «*Выбор определяет успех!*», «*Достойное образование — фундамент достойной жизни!*», «*Дорогие друзья!*», «*Уважаемые абитуриенты!*», использование местоимений и глаголов 2 лица: «*Выбираешь специальность? КПК проводит «День открытых дверей»*», «*Выбирая Костанайский государственный университет имени А. Байтурсынова, Вы делаете ставку на лидера*», лексики официально-делового стиля. Выявленный набор ключевых слов позволил сформировать представление о том, в каком виде хранится информация о высшем учебном заведении в памяти жителя поликультурного города.

Экспериментальным подтверждением сформулированной гипотезы могут стать данные, полученные в результате анкетирования абитуриентов. Являясь социальной группой, напрямую заинтересованной в предоставлении образовательных услуг, абитуриенты, также как студенты и преподаватели, играют важную роль в формировании имиджа высшего учебного заведения.

Анкетирование абитуриентов вузов Костанайской области показал, что «идеальным» в языковом сознании будущих студентов является вуз, *дающий высокий уровень знаний, имеющий квалифицированные кадры преподавателей, содействующий трудоустройству выпускников, требующий приемлемые цены за обучение, ведущий обучение по востребованным специальностям*. Известным участникам опроса вузам недостает таких качеств, как *трудоустройство выпускников, достаточность квалифицированных кадров, приемлемые цены за обучение, обучение по востребованным специальностям, наличие общежития и бюджетных мест*. Оттолкнули бы участников опроса такие характеристики,

как *предоставление низкого уровня компетенции, требование высокой платы за обучение, обучение по ограниченному перечню специальностей*. Образ современного студента в языковом сознании абитуриентов поликультурного города формируется на основе таких положительных качеств, как *ответственность, энергичность, эрудиция, креативность, честность*. Среди осуждаемых характеристик частотными оказались такие, как *лень, отсутствие тяги к знаниям, безответственность, зависимость от Интернета, наличие вредных привычек*.

Результаты анкетирования продемонстрировали ценностные составляющие, а также позволили сформировать более точную картину специфики восприятия образа вуза в казахстанской национальной среде [11, с. 61–64].

Дополнить эмпирическое исследование образа вуза способны сведения, полученные в результате использования одной из разновидностей ассоциативного эксперимента — метода незаконченных предложений. Являясь разновидностью направленного ассоциативного эксперимента, указанный метод относится к вербальным проективным тестам и способствует выявлению особенностей восприятия реальной действительности посредством изучения языкового сознания [3, с. 83]. Как было отмечено выше, включаясь в мировую образовательную систему, вуз ставит перед собой достаточно высокие цели. В связи с этим изменяются требования и к преподавателю высшей школы. В условиях глобализации он должен соответствовать качествам? существенным для педагога в любой точке мира.

В процессе анализа образа современного преподавателя в языковом сознании абитуриента поликультурного города нам удалось прийти к выводу, что он (образ) базируется на качественных характеристиках, связанных, с одной стороны, с профессиональной деятельностью, с другой — с индивидуальными (личными) особенностями.

В сознании носителей русского языка, проживающих в Костанайской области, деятельность преподавателя подвергается оценке, что подтверждается обилием определений, выраженных оценочными прилагательными.

Использование метода незаконченных предложений позволило дополнить традиционный образ преподавателя позитивными характеристиками, важными для будущих студентов и наших отражение в их языковом сознании, что позволяет говорить о сохранении высокого социального статуса субъектов высшего образования [6, с. 218].

Итак, более точное представление о процессе исследования образа как одного из самых достоверных средств получения сведений о языковом сознании способны дать лингвистический анализ текстов, функционирующих на территории интересующего региона, а также данные, полученные в результате использования методов анкетирования и ассоциативного эксперимента. Анализ образа университета в языковом сознании жителей Северного Казахстана способен скорректировать картину восприятия образа вуза

в казахстанской национальной среде, а также может быть использован при составлении рекомендаций по формированию имиджа вуза в условиях глобализации с учетом

национальных интересов, нацеленных на защиту традиций духовности и просветительства от утилитарного и потребительского подходов.

Литература:

1. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. — URL: http://www.dict.t-mm.ru/enc_sl/i/imi.html
2. Горелов, И. Н., Седов, К. Ф. Основы психолингвистики / И. Н. Горелов, К. Ф. Седов — М.: Лабиринт, 2001. — 304с.
3. Евсева, О. В. Ассоциативный эксперимент как исследовательская процедура в психолингвистике [Электронный ресурс]. — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/assotsiativnyy-eksperiment-kak-issledovatel'skaya-protsedura-v-psiholingvistike>
4. Залевская, А. А Введение в психолингвистику / А. А. Залевская. — М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1999. — 349 с.
5. Овчинникова, И. Г. Что скрывается за термином «языковое сознание»? [Электронный ресурс] — URL: <http://philologicalstudies.org/dokumenty/2008/vol1/1/8.pdf>.
6. Свиркович, О. В. Образ современного преподавателя: попытка анализа с применением метода незаконченных предложений // Русский язык в странах СНГ: проблемы и перспективы: мат. II Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. К. С. Шалгимбекова. — Костанай: Костанайский филиал ФГБОУ ВПО «ЧелГУ», 2014.
7. Стернин, И. А. Коммуникативное и когнитивное сознание. — Москва-Воронеж, 2002.
8. Тарасов, Е. Ф. Языковое сознание // Вопросы психолингвистики. — 2004. — № 2. — С.34–47.
9. Ушакова Т. В. Языковое сознание и принципы его исследования [Электронный ресурс]. — URL: http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/1-2.html.
10. Хильченко, О. В Образ современного студента в языковом сознании жителей поликультурного города // Русский язык в странах СНГ: проблемы и перспективы: мат. Междунар. науч.-практ. конф./ отв. ред. К. С. Шалгимбекова. — Костанай: Костанайский филиал ФГБОУ ВПО «ЧелГУ», 2012. — 254 с.
11. Хильченко О. В. Специфика образа университета в языковом сознании абитуриентов поликультурного вуза // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Выпуск 74. — 2013. — № 2. — С. 61–64.

Структура словарных статей, отражающих социальные и политические реалии в словаре Macquarie Encyclopedic Dictionary

Усманова Зарина Фиратовна, магистр, старший преподаватель;
Мукажанова Гульнар Жилкайдаровна, магистр, старший преподаватель
Кокшетауский государственный университет имени Ш. Уалиханова (Казахстан)

Реалии — это предметы или явления материальной культуры, этнонациональные особенности, обычаи, обыряды, а также исторические факты или процессы, обычно не имеющие лексических эквивалентов в других языках. Стоит отметить, что сами реалии можно классифицировать следующим образом: абсолютные (или) полные реалии, частичные реалии, структурные реалии, реалии, не имеющие языкового эквивалента, но имеющие понятийный эквивалент, а также слова с коннотациями, имеющие эквиваленты.

Существуют также различные способы передачи реалий (описательный перевод, транскрипция, транслитерация, калькирование, новообразование, аналоговый перевод, синонимический перевод) [1].

В данной статье мы рассмотрим, как отражаются политические и социальные реалии на примере австралийского варианта английского языка на основе материала

отобранного из словаря Macquarie Encyclopedic Dictionary (MED) [2], а также структуру словарных статей, относящихся к данным аспектам.

Исследуемый словарь содержит более 58 000 словарных статей, современные термины, австралийские регионализмы, словарные статьи о людях и местах, значимых как в Австралии, так и в мире.

Отобранные словарные статьи можно разделить на следующие тематические группы:

№	Тематическая группа	Кол-во статей	%
1	Организации	46	30,6
2	Имена собственные	28	18,6
3	География	17	11,3
4	Названия национальных сообществ	15	10

№	Тематическая группа	Кол-во статей	%
5	Политические термины	15	10
6	Аббревиатуры	12	8
7	Искусство	10	6,6
8	Другое	7	4,6
	Total	150	100

Как видно из таблицы, мы выделили восемь тематических групп на основе отобранного материала. Первая группа «Организации» включает в себя 46 статей, что составляет 30,6%. Вторая группа «Имена собственные» насчитывает 28 словарных статей из всех отобранных, или 26%. Третья группа включает в себя словарные статьи, относящиеся к аспекту «География». Эту группу составляют 17 словарных статей, 18,6%. Следующие группы «Политические термины» и «Названия национальных сообществ» представлены одинаковым количеством словарных статей, а именно 15, что составляет 10%. Далее следует группа «Аббревиатуры», ее составляют 12 словарных статей или 8%. Группа «Искусство» включает в себя 10 словарных статей или 6,6%. В группу «Другое» мы отнесли 7 словарных статей, которые не поддавались определению в упомянутые группы.

Далее рассмотрим примеры для каждой группы в отдельности. Так, в первую группу можно отнести следующие словарные статьи:

Brambles Industries /bræmbəls/ *n.* an Australian materials handling and transport company, founded in 1875; incorporated in 1954; public status since 1954; present names since 1958.

Рассмотрим для начала структуру самой словарной статьи. Заголовочное слово выделено жирным шрифтом. После него приведена транскрипция. В данном словаре, как мы можем заметить, для транскрипции слов авторы словаря придерживаются международного фонетического алфавита, что, по нашему мнению, облегчает работу со словарем. Для сравнения в словаре Хирша транскрипция приводится с помощью тех же самых букв английского алфавита, либо их сочетаний [3]. Далее в статье приводится краткая грамматическая информация, а затем следует само определение или значение слова. В данном случае из информации, приведенной в данной словарной статье, можно понять, что заголовочное слово является названием определенной австралийской транспортной компании. Приводятся данные о том, когда была основана фирма, когда произошло объединение, в каком году она получила общественный статус и настоящее употребляемое название.

Также примером может выступить следующая словарная статья:

Burns, Philip and Company /bɜnz'fɪlp/ *n.* an Australian company with major interests in food ingredients and shipping operations, formerly operating also as a wholesale and retail merchant, importer, shipping and general travel agent, steel, glass and liquor merchant, etc.; incorporated in 1883, public status since 1896.

Здесь мы наблюдаем ту же самую структуру. Что касается информации, приведенной после заголовочного слова, то здесь говорится о том, чем каким видом деятельности занимается данная компания, а также даты объединения и получения статуса общественной.

Ту же тенденцию можно наблюдать в следующих словарных статьях данной группы:

Cadbury Schweppes Australia /kædbri «ʃweps/ *n.* an Australian public company incorporated in 1971; manufacturing chocolates, confectionary, soft drinks and other foodstuffs.

Fairfax Media /ˌfæfæks/ «miðiə/ *n.* a major Australian media company, publishing Australia's oldest extant newspaper, the *Sydney Morning Herald*, and, since 1985, the *Melbourne Age*; founded (as **John Fairfax & Sons**) in 1856; formed as public company (**John Fairfax**) in 1956; the John Fairfax company was replaced by **John Fairfax Holdings** without the involvement of the Fairfax in 1992; became Fairfax Media Ltd in 2007.

Fair Work Australia *n.* a federal industrial relations tribunal established in 2009 as part of new workplace relations system, with main functions of the fixing minimum conditions, including minimum wages, facilitating the making of enterprise agreements, and resolving work-place disputes through conciliation, mediation or arbitration; replaced both the Australian Fair Pay Commission and the Australian Industrial Relations Commission.

Вторую группу представляют следующие словарные статьи:

Fisk /fɪsk/ *n.* **Sir Ernest Thomas**, 1886–1965, Australian pioneer of radio communication, born in England; established the first voice contact with England in 1924.

Ernest Fisk became resident engineer in Australia for the English Marconi company in 1911. When Amalgamated Wireless (Australasia) was formed in 1913 he was general manager, then managing director in 1916 and chairman in 1932. The company established radio links with England, made wireless equipment and owned radio stations. Fisk was knighted in 1937 for his promotion of the wireless. From 1944 to 1952 he was back in England running the Electrical and Musical Industries (EMI) group, which owned the His Masters Voice (HMV) label.

Bana /bænə/ *n.* **Eric** (born Eric Banadinovich), born 1968, Australian film and television actor.

Eric Bana was born in Melbourne and began working as a stand up comedian in 1991. Appearances on the television shows *Full Frontal* (1993–96) his own *Eric Bana Show Live* (1997) and drama series *Something in the Air* (2000) followed. His portrayal of killer Mark Read in the feature film *Chopper* (2000) won him the AFIA Award for best Actor, and marked the start of his international career. Subsequent films include *Black Hawk Down* (US, 2001), *Troy* (US, 2004) and *Munich* (US, 2005).

Эта группа, как уже было отмечено, представлена именами собственными. В данных словарных статьях также

приводится транскрипция, грамматическая информация. В тексте словарной статьи мы можем найти данные о дате и месте рождения, а также род деятельности человека, которому посвящена данная статья. Однако стоит отметить, что к подобным статьям приводится дополнительная информация, более развернутая. Можно назвать это культурологической заметкой. Данная информация приводится авторами отдельно, сразу после словарной статьи, выделяется текст серым цветом.

Следующая группа относится к аспекту «География». Например:

Adelaide /'ædəleɪd/ *n.* 1. the capital city of the SA, on the Torrens River, on the eastern side of Gulf St Vincent. Pop. 1002 127 (2001). 2. a river in the NT flowing from the mountains south of Darwin into Clarence Strait, north-east of Darwin. 180 km. [named after Queen *Adelaide*, wife of William IV] In 1836, Surveyor General Colonel William Light chose the site for **Adelaide** in the centre of an area of fertile plains, traditionally inhabited by the Kaurna people. Light's plan was based on a simple grid pattern with squares and gardens, surrounded by parkland. Although disputing the choice, Governor John Hindmarsh moved to the site with settlers from Holdfast Bay (present-day Glenelg) in 1837. Wealth from agriculture, especially wheat, and rich mineral deposits in the surrounding region contributed to the town's growth in the 19th century. The University of Adelaide was founded in 1847. Incorporated as Australia's first municipal government in 1840, Adelaide was proclaimed a city in 1919. From the 1950s it became a major manufacturing centre and saw rapid suburban expansion. Adelaide's biennial international arts festival, first held in 1960, is one of the Australia's major cultural events. See also **Port Adelaide**.

Как видно из примера, в статье под заголовочным словом **Adelaide**, мы можем найти несколько значений, все они пронумерованы. В конце словарной статьи приводится перекрестная ссылка, где указывается, что пользователь словаря может обратиться к статье с заголовочным словом **Port Adelaide** для дополнительной информации.

Группу, которая включает в себя названия национальных сообществ, представлена следующими примерами:

Amangu /əmɑŋu/ *n.* 1. an Australian Aboriginal people of a coastal area of WA around Geraldton and South to Jurien Bay. 2. the language of this people-*adj.* 3. of or relating to this people or their language.

Diyari/diəri/*n.* 1. an Australian Aboriginal people of the Cooper Greek district, east of Lake Eyre, SA. 2. the language of this people. — *adj.* 3. of or relating to this people or their language. Also, **Dieri**.

When white explorers and missionaries first began to enter the area around Lake Eyre in the 1860s, **Diyari** seems to have

been already a lingua franca. Lutheran missionaries Johann Georg Reuther and Carl Strehlow, based at Killalpaninna, east of Lake Eyre, studied the language and encouraged the local people to read and write it. In 1895 they completed the *Testamenta Marra*, the first ever translation of the New Testament into an Australian language. Reuther was also a keen ethnographer, and he wrote extensively about Diyari language and culture. He also assembled a large collection of the distinctive local artefacts known as toas, most of which are now in the SA Museum. Killalpaninna, a mission run by German Lutherans, was closed in World War I, and most of the people then moved to pastoral properties or to Marree or Port Augusta.

В статьях также приводятся несколько значений, есть перекрестные ссылки и культурологические заметки.

Группу «Аббревиатуры» составляют словарные статьи, где в качестве заголовочного слово выступает сокращенное название организации, партии, сообщества и т.д. Здесь аббревиатура расшифровывается и приводится информация об организации, либо о каком-то явлении. Также присутствуют культурологические заметки. Например:

CSIRO /ˌsɪəsaɪə/ оу, «saiərou/ *n.* Commonwealth Scientific and industrial Research Organisation; an Australian statutory body established in 1949 carrying out research on behalf of the Commonwealth; the largest scientific-research organisation in Australia.

The **CSIRO** succeeded the **Council for Scientific and Industrial Research (CSRI)**, established in 1926. It is funded mainly by direct grant from the federal government. Although active in wide field of scientific research, its main responsibility has been to support Australian primary and secondary industry, rather than engage in pure research.

Словарные статьи, относящиеся к аспекту «Искусство» имеют подобную структуру. Приводится транскрипция, грамматическая информация, затем следует дефиниция. Иногда также можно встретить несколько значений слова. Например:

bark painting /'bɑ:kpeɪntɪŋ/ *n.* 1. the art of painting on bark, extensively practiced by Australian Aboriginal people. 2. a painting on bark.

Можно сделать вывод, что словарные статьи, содержащие в себе социальные и политические реалии, имеют общую структуру. Во многих словарных статьях, помимо дефиниций, приводится дополнительная информация — культурологические заметки. Встречаются перекрестные ссылки, которые указывают на словарную статью, согласно алфавитному порядку, где также можно найти информацию по интересующему вопросу.

Литература:

1. Федоров А. В. Основы общей теории перевода. — М.: Высшая школа, 1983.
2. Maquire Encyclopedic Dictionary — 2013.

3. Hirsh, E. D., Jr. Joseph F. Kett, James Trefil., The Dictionary of Cultural literacy (What every American needs to know.) — Boston, 1991.

Прагматическое описание языка как основа обучения профессиональному общению иностранных студентов-медиков

Фильцова Марина Сергеевна, старший преподаватель
Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

В статье излагаются принципы составления пособия по обучению профессиональному общению иностранных студентов-медиков. Пособие основано на интенциональном описании жанров учебно-профессиональной сферы.

Ключевые слова: профессиональное общение, коммуникативная компетенция, прагматическое описание языка

Согласно положениям современной методики, учебный процесс оптимален в том случае, когда моделирует реальную познавательную и речевую деятельность учащихся, а эффективность и результативность обучения, в свою очередь, являются производными благоприятных условий и мотивированности учебного процесса. Это весьма актуально для специфического контингента иностранных студентов-медиков, т. е. для людей, входящих при решении своих профессиональных задач в прямой и обязательный контакт с другими людьми. Для этой категории студентов умение общаться правильно становится обязательным условием успешности профессионального действия. Однако, как ни парадоксально, мотивация изучения русского языка в целях профессионального и делового общения недостаточно высока. Это явление всё чаще наблюдается на практике и связано, на наш взгляд, с дефицитом учебных материалов, соответствующих прагматическим целям учащихся. Утверждение кажется парадоксальным, поскольку теория коммуникативной направленности обучения русскому языку как иностранному имеет более чем тридцатилетнюю историю (Е. И. Мотина, Д. И. Изаренков, М. Н. Вятютнев, С. И. Кокорина, А. Р. Арутюнов и др.). Краеугольным камнем названной теории является тезис о том, что цели обучения представляют собой трансформацию так называемого «социального заказа» применительно к системе обучения, т. е. определяются через достижение определённого уровня коммуникативной компетенции в каждом виде речевой деятельности. Этот уровень характеризуется определённым набором коммуникативных задач, которые учащиеся должны уметь решать средствами иностранного языка в рамках определённых сфер, тем, ситуаций общения с определённой степенью лингвистической и экстралингвистической корректности. Отсюда вытекает требование моделировать учебные ситуации и отбирать языковые средства в соответствии с речевыми намерениями говорящих. Однако несмотря на то, что, казалось бы, с таким подходом уже никто не спорит, на практике это оказывается

трудновыполнимым, в первую очередь потому, что коммуникации «вообще», как известно, не бывает, поэтому участие в коммуникативно-речевом акте предполагает заинтересованность и осведомлённость в содержании общения, т. е. так называемую предметную компетенцию. Последняя понимается как владение некоторой предметной областью, в рамках которой формируются мотивы, цели и содержание коммуникативно-речевого акта. Между тем преподаватели-филологи недостаточно хорошо ориентируются в профессиональных потребностях студентов и потому не всегда могут предложить студентам актуальные для тех задачи общения, выстроить иерархию этих задач. Возникает противоречие: выдвигаемый и повсеместно провозглашаемый принцип коммуникативности не соответствует предкоммуникативной направленности основных средств обучения. Учащимся предлагается *сейчас* заучивать слова и правила, заниматься однообразными подготовительными упражнениями, чтобы *потом*, через какое-то время, воспользоваться этими «техническими» умениями в реальной коммуникации. При этом цели занятия с удивительным постоянством формулируются в терминах системы языка и речевой деятельности либо не формулируются совсем. Между тем задача общения должна быть актуальна с точки зрения учащегося, а не методиста [1; 2]. Только точное знание того, что они будут уметь делать на языке в конце каждого занятия и в конце курса, может быть для учащихся важнейшим мотивом обучения. У студента есть устойчивый стимул к учебной работе, если каждое занятие открывается постановкой реальных задач общения и завершается умениями решать эти задачи средствами РКИ [9]. В противном случае если перед студентом встает реальная задача общения, не обеспеченная заученным образцом, то он переходит на родной язык или не говорит вовсе. То есть ни языковая, ни речевая направленность обучения (и это подтверждается практикой) не приводят даже способных студентов к использованию приобретённых умений вне учебного процесса.

Ситуация усугубляется также и тем, что перемены в жизни общества, выдвинувшие на передний план сообщения экономической целесообразности, привели к сокращению сроков обучения русскому языку иностранных студентов с одновременным повышением требовательности к его результативности. И поскольку, как мы уже отмечали, мотивы и стимулы изучения языка задаются извне как «социальный заказ» общества, результаты учебной деятельности имеют ценность только по отношению к интересам «заказчика» (в нашем случае медицинского вуза и самого студента), а критерием оценки работы преподавателя является соответствие итоговых характеристик «продукта» деятельности заданным извне параметрам. Это побуждает и обязывает преподавателя-русиста выстраивать свою деятельность в тесном и многостороннем взаимодействии со специальными кафедрами, постоянно наблюдая за потребностями заказчика — вуза и самого студента — и гибко следуя их запросам и ожиданиям. Координация с общим процессом обучения в медицинском вузе необходима с точки зрения не только отбора специальных текстов, но и определения места и времени их включения в реальный учебный процесс с учётом принципа языкового опережения. Такого рода координация необходима как при составлении учебно-календарных планов и рабочих программ по русскому языку, так и при создании учебных пособий, дополняющих основной курс и построенных с учётом актуального для студентов данной специальности учебного материала и тех видов речевой деятельности, в которые включается студент на занятиях по профильным дисциплинам. Нельзя сказать, чтобы таких пособий не было вовсе. Однако они настолько разрозненны, настолько не связаны концептуально, настолько не обеспечивают преемственности в обучении, что преподаватель вынужден постоянно перерабатывать предкоммуникативный урок учебника в коммуникативное аудиторное занятие, подключать собственные материалы, восполняя тем самым недостаток коммуникативно важных компонентов в учебнике. Такая ситуация не может считаться удовлетворительной.

Высказанные соображения положены в основу профессионально-ориентированного курса [10], представляющего собой не набор теоретических положений и не свод моделей, а выстроенную в рамках урока последовательность заданий, при отборе которых авторы старались соединить ситуации общения, речевые действия, используемые в этих ситуациях, и языковые средства, которые требуются для их выражения. Следует особо подчеркнуть, что предлагаемые задания не преследуют цели получения умозрительных знаний, а призваны стать орудием реального общения (необходимость акцентирования данного тезиса вызвана публикациями недавнего времени, в которых язык как система, обеспечивающая формирование мысли, противопоставляется языку как средству, обеспечивающему потребности коммуникации в определённых ситуациях [11, с. 481]). В рассматриваемых материалах цели обучения формулируются в виде коммуникативного минимума — списка

типовых задач учебно-профессионального общения, составленного на основе анализа учебных планов вузовских специальностей «Пропедевтика внутренних болезней», «Нормальная физиология», «Микробиология», «Терапевтическая стоматология», а также вопросов и заданий, текстов тестов, учебников и лабораторных работ по названным дисциплинам. Как показали наблюдения, к числу общих коммуникативных задач, которые необходимо решить иностранным студентам в узкопрофессиональной сфере, относятся, например, следующие: «запросить и сообщить основную и дополнительную информацию», «дать определение...», «охарактеризовать...», «привести пример...», «сделать сообщение о ходе и результатах эксперимента, лабораторной работы», «уметь сформулировать тезис», «уметь сделать краткое сообщение по теме текста», «уметь доказать...», «обосновать...», «опровергнуть...», «аргументировать...», «дать оценку...», «возразить...» и др.).

Каждый урок упомянутого курса состоит из решения определённых (этих и только этих) задач общения из коммуникативного минимума (они обозначены в рубриках, открывающих урок: «Вы будете знать» — материал, составляющий языковую компетенцию студента, и «Вы научитесь» — актуальные задачи общения, речевая и коммуникативная компетенция). Это даёт возможность каждому преподавателю, работающему с учебным курсом, ясно представлять себе и донести до сведения студентов, что именно они будут уметь делать на языке в конце курса (именно *уметь* на языке, а не *знать* о нём). По мнению авторов данного пособия, в этом случае, принимая учебную задачу «для себя», студент может сам управлять своей учебной деятельностью, а это тесно связано с мотивацией учения.

Помимо изложенной таким образом мотивировки коммуникативной задачи в каждом уроке даётся ориентировка в её решении (презентация и семантизация учебного материала, демонстрационные тексты). Далее следуют коммуникативные задания с опорами и ориентирами (коммуникативная практика в решении задачи занятия), анализ и обобщение фактов языка и речи (по необходимости), функционально-смысловые таблицы, лексико-грамматический комментарий, тестовые задания и наконец коммуникативные задания на трансфер — без опор, ориентиров и подсказок (задачи общения ставятся в новых формулировках, но решаются по усвоенной на занятии тактике). Учебная деятельность преподавателя в итоге оценивается по коммуникативному критерию: студент и преподаватель работали успешно, если первый научился, а второй научил строго фиксированным умениям общения.

В пособиях, таким образом, выделяются следующие теоретически обоснованные минимумы:

- минимум коммуникативных действий и адекватных конструкций, которые позволяют говорящему или пишущему реализовать коммуникативную интенцию в избранной коммуникативной ситуации;

- лексический минимум, установленный по тематическому принципу с учётом частотности слов и словосочетаний, а также предполагающий знание обязательных лексических минимумов предыдущих ступеней обучения;
- минимум текстов-образцов, служащих реализации определённых коммуникативных действий в разных видах речевой деятельности. Отметим при этом, что, отбирая тексты по специальности для практической работы, авторы руководствовались следующими критериями: информативная ценность, тематическое единство, определённая повторяемость языковых единиц различных функциональных классов. При этом текстовый материал не дублирует курсы специальных дисциплин во всём их объёме; выделены лишь наиболее актуальные для данного курса тексты, на материале которых могут быть усвоены характерные языковые явления и специальная лексика. Отбор текстов осуществлялся с помощью специалистов, что дало возможность выбрать из всего объёма курса материал, наиболее профессионально значимый, узловой в общей структуре данной специальной дисциплины, хотя главная роль в отборе, обработке и презентации текстов осталась, безусловно, за русистами.

Результаты апробации данного учебного пособия показали, что оно даёт возможность сделать учебный процесс строго мотивированным и прагматически соотносённым — как с точки зрения студента, который ощущает реальную пользу занятий по русскому языку в учебно-профессиональной деятельности на специальных кафедрах, так и с точки зрения преподавателя, который целенаправленно формирует коммуникативную компетенцию учащегося с учётом этапа обучения и специальности студента. В качестве примера приведём содержание одного из уроков названного курса (*все задания урока приводятся в сокращении*).

Тема «Описание эксперимента, хода выполнения лабораторной работы (на материале микробиологии)».

Вы будете знать:

1. Значение и особенности управления глаголов, наиболее часто использующихся при описании эксперимента.
2. Особенности употребления вида и времени глаголов при описании хода эксперимента или законченного опыта.

Вы научитесь:

1. Понимать инструкции к лабораторным работам по специальным предметам.
2. Объяснять последовательность выполнения лабораторной работы.
3. Комментировать свои практические действия.

Задание 1. а) Слушайте слова и словосочетания. Читайте их правильно. Незнакомые слова переведите.

Приборы, инструменты и материалы в микробиологической лаборатории.

1. Приборы:	микроскоп, ...
2. Инструменты:	бактериальная петля, ...
3. Лабораторная посуда:	колба, ...
4. Препараты:	этиловый спирт, ...

Описание опыта (эксперимента).

Глаголы, наиболее часто используемые при описании опыта:

1. Положение и перемещение тела в стране: помещать / поместить *что? куда?*
вводить / ввести *что? куда?*
наносить / нанести *что? на что? (...)*
2. Действие с предметом: набирать / набрать *что? откуда? чем?*
прижимать / прижать *что? к чему?*
прожигать / прожечь *что? в чём? (...)*
3. Измерительные действия: измерять / измерить *что? чем?*
взвешивать / взвесить *что? на чём? (...)*

б) Скажите, какие приборы, инструменты или материалы нужны, чтобы:

1. брать исследуемый материал из пробирки?
_____ (...)

Задание 2. а) Прочитайте задания к лабораторным работам. Обратите внимание на использование видов глагола.

Опыт 1. Взятие материала для микроскопического исследования.

Для приготовления препарата **берут** материал из пробирки, колбы или чашки Петри бактериологической петлей или стерильной пипеткой. Для этого **держат**... (...)

Обратите внимание: Если речь идёт об обычных, повторяющихся действиях, используются глаголы несовершенного вида («берут...»).

б) Расскажите, что нужно сделать, чтобы взять материал для микроскопического исследования? (...)

Обратите внимание: В инструкциях, где говорится о том, что нужно сделать, используются глаголы совершенного вида («нужно взять...»)

Глаголы для справок: Опыт 1: Взять ... (...)

в) Представьте, что опыты, описанные в задании «а», уже закончены. Расскажите, как вы их провели, что вы сделали.

Обратите внимание: Если описывается законченный опыт, используются глаголы совершенного вида («взяли...»).

Задание 3. а) Представьте, что по ходу опыта вы рассказываете собеседнику о своих действиях, объясняете их. Расскажите о своих действиях по модели.

Модель: (брать — взять материал из пробирки):
Возьмём материал из пробирки.

1. (готовить — приготовить 3 реактива)
_____ (...)

б) Скажите о том, что действия, о которых только шла речь, вы уже выполнили.

Задание 4. Используя модель и данные ниже ситуации, скажите, что вы сейчас сделаете то, о чём вас просят, а также что вы уже сделали это и хотите знать, что делать дальше.

Модель: — Закройте пробирку пробкой. — Хорошо, сейчас закрою. — Я уже закрыл. Что делать дальше? (...)

Задание 5. а) Прочитайте задания к лабораторным работам.

Литература:

1. Арутюнов А. Р. Конструирование и экспертиза учебника. М.: Русский язык, 1987. 126 с.
2. Арутюнов А. Р. Теория и практика создания учебника русского языка для иностранцев. М.: Русский язык, 1990. 168 с.
3. Арутюнова Н. Д. Стратегия и тактика речевого поведения // Прагматические аспекты изучения предложения и текста. Киев: Наукова думка, 1983. С. 37–56.
4. Вятютнев М. Н. Теория учебника русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1984. 144 с.
5. Изаренков Д. И. Базисные составляющие коммуникативной компетенции и их формирование на продвинутом этапе обучения студентов-нефилологов // Русский язык за рубежом. 1990. № 4. С. 54–60.
6. Кокорина С. И. Об отражении в высказывании речевых интенций говорящего и некоторых задачах прикладного описания языка // Русский язык за рубежом. 1990. № 4. С. 67–75.
7. Коренева А. В. Профессионально ориентированное обучение речевой деятельности студентов-нефилологов на основе междисциплинарной интеграции: автореферат диссертации... кандидата педагогических наук. М., 2009. 41 с.
8. Мотина Е. И. Язык и специальность: лингвометодические основы обучения русскому языку студентов-нефилологов. М.: Русский язык, 1988. 176 с.
9. Пассов Е. И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. М.: Русский язык, 1989. 276 с.
10. Фильцова М. С., Пономаренко Е. А. Практический курс русского языка. Часть 3. Клиника [Электронный ресурс]: для иностранных студентов медицинских университетов с русским языком обучения. — Саратов: Вузовское образование, 2016. — ISSN 2227–8397. — Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/39730>.
11. Ховалкина А. А. Грамматика в курсе русского языка для иноязычных граждан в высшем специальном учебном заведении / А. А. Ховалкина // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология и социальные коммуникации». Т. 24 (63). № 2. Симферополь, 2011. Часть 3. С. 480–486.

Одну каплю исследуемого материала нанесите петлей на поверхность питательного агара в чашку Петри. (...)

б) Расскажите, что нужно сделать.

в) Расскажите, как обычно проводят эти опыты.

г) Представьте, что вы проводите эти опыты.

Комментируйте свои действия.

Таким образом, прагматическое описание языка в учебных целях тесно связано с «лингвистической стороной организации коммуникативных единиц» [5, с. 56], а также «раскрывает коммуникативные намерения говорящего, формируя (...) способность использовать высказывания в определённых речевых актах, соотнося их с интенциями и условиями (ситуациями) общения» [Там же]. Данная проблематика является предметом наших дальнейших размышлений.

Взаимодействие семантических категорий времени и причины (на материале обстоятельственных фразеологизмов русского языка)

Чепуренко Анна Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент
Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Челябинск)

В статье описываются различные проявления взаимодействия семантических категорий времени и причины обстоятельственных фразеологизмов, что является одним из доказательств системности русского языка.

Ключевые слова: семантическая категория, обстоятельственные фразеологизмы, время, причина, язык как система

Язык представляет собой систему систем. Системность языка и каждой его составляющей заключается не только в наличии определенной структуры, в которой

каждый элемент занимает свое, четко определенное место, но и в существовании устойчивых, закономерных взаимосвязей между элементами. Одним из проявлений этих

взаимосвязей на семантическом уровне является взаимодействие различных типов семантики, или семантических категорий.

Обстоятельственные фразеологизмы русского языка, обозначая различные обстоятельства протекания действия или проявления признака, делятся на семь семантических категорий: времени, места, цели, условия, причины, следствия, уступки. Все названные категории, с одной стороны, взаимодействуют с категорией качества, что закономерно, так как значения качества и обстоятельства образуют единый категориальный тип семантики — качественно-обстоятельственный [4]. С другой стороны, семантические категории обстоятельственных фразеологизмов естественным образом взаимосвязаны и взаимодействуют между собой. Рассмотрим взаимодействие семантических категорий времени и причины обстоятельственных фразеологизмов русского языка.

Время является универсальной философской категорией и выступает как основное обстоятельство совершения действия, проявления признаков, состояний и т. д. Л. П. Юдова считает фразеосемантическое поле темпоральности «всеобъемлющим», так как «все признаки или имеют протяженность во времени, или носят вневременной характер» [5, с. 45]. Поэтому категория времени так или иначе связана со всеми семантическими категориями обстоятельственных фразеологизмов.

Взаимодействие категорий времени и причины имеет несколько проявлений в сфере фразеологии.

Семантические категории не просто граничат друг с другом, а пересекаются, образуя своего рода «наслоения». В областях «наслоения» располагаются единицы, которые могут быть отнесены сразу к нескольким категориям. Во фразеологическом составе языка таких единиц большинство, так как сложность семантической структуры, то есть совмещение в значении нескольких семантических элементов, есть отличительная особенность фразеологического значения. Обуславливается эта сложность тем, что фразеологизм складывается из компонентов, каждый из которых привносит что-то свое в целостную семантику сверхсловного образования. «Пересечения, наслоения — свидетельство мобильности языка, свидетельство связанности смыслов» [5, с. 98].

Таким образом, первым проявлением взаимодействия рассматриваемых семантических категорий является существование фразеологических единиц, в семантической структуре которых объединяются элементы временного и причинного значения. В разных условиях употребления семантика таких единиц проявляется по-разному. Например, Т. Е. Помыкалова пишет о фразеологизме *от рождения*: «Когда указанная единица сочетается с глаголами, проявляется чисто временное значение. При определении же ею имен прилагательных в семантическую структуру входит элемент значения причины» [2, с. 66]. Такими же особенностями характеризуются фразеологизмы *от природы*, *от роду*: В человеке *от природы*

заложено сознание справедливости расплаты за убийство (Ю. Нагибин); Он — испанец с Гибралтара с неречно смуглой *от природы* кожей и белоснежными зубами, как у породистой лошади, — таких я ни у кого не видела (Сати Спивакова).

Абсолютное большинство фразеологизмов семантической категории причины образовано по модели предположно-именного сочетания слов, и именно предлог в сочетании с определенной падежной формой формирует причинное значение фразеологического целого. Так, значение указания на причину имеют предлоги *за* (*за истечением срока*, *за давностью лет*), *от* (*от рождения*, *от природы*, *от роду*), *по* (*по молодости лет*, *по пьяному делу*), *под* (*под запал*, *под настроение*, *под сердитую руку*), *с* (*с горя*, *с пьяных глаз*, *с устатку*). Источником же временного значения выступает существительное в сочетании с прилагательным или без него. Например, в качестве причины действия фразеологизмами может быть названо настроение человека (*под горячую руку*, *под сердитую руку*, *под веселую руку*) или его состояние (*по пьяной лавочке*, *с пьяных глаз*, *с устатку*), то есть признаки непостоянные, «привязанные» к определенному времени, что обуславливает наличие причинной и временной семантики в таких единицах.

По нашим наблюдениям, сема причины ярче проявляется при употреблении подобных фразеологизмов с глаголами прошедшего времени: Я недоверчивый, неистовый, строптивый! Какие клеветы произносил *с сердцов*! Для оправдания мне не достанет слов (А. С. Грибоедов); Веру усадили за стол-верстак, подсунили хлеб с вареной колбасой, налили горячего чаю, и Владимир Кириллович долго объяснял ей, как строится перспектива... Она даже заснула *с устатку*... (Дина Рубина); *Под запал* он сочинил развеселую сцену — хоть сейчас вставляй в кинокомедию... (И. Стрелкова) Возможно, это объясняется отношением между категорией времени, с одной стороны, и категориями причины и следствия, с другой: «Причина всегда предшествует во времени следствию. Сначала железо нагревается, а затем начинает расширяться. Окно раскаляется не до удара камня, а после него и т. д. Основываясь на этом очевидном свойстве причинности, человек всегда ищет причину интересующего его явления только среди тех явлений, которые предшествовали ему, и не обращает внимания на все, что случилось позднее» [3, с. 689].

Для фразеологизмов *под горячую руку*, *под веселую руку*, *под сердитую руку* значение имеет не только грамматическое время сказуемого, с которым они сочетаются в тексте, но и характер выражаемого глагольного действия. Если названными единицами характеризуется однократное действие, имевшее место в прошлом, то на первый план выдвигается сема причины. Временной элемент в данном случае либо незначителен, либо отсутствует вовсе: В тридцатом году *под горячую руку* Степана Андреяновича едва не раскулачили (Ф. Абрамов); Что-то у нее случилось с немцами, которые одно время оккупировали село,

кажется, *под горячую руку* зарубила топором ефрейтора (Н. Грибачев). В сочетаниях же со сказуемыми, обозначающими повторяющиеся или потенциально возможные действия и состояния, ярче проявляется временное значение анализируемых фразеологизмов: Господин Голядкин *под веселую руку* («когда бывал весел») любил иногда рассказать что-нибудь интересное (Ф. М. Достоевский); — Вы не сердитесь на меня, Михаил Павлович, — *под горячую руку* («когда раздражен») я бываю резок (А. Степанов).

Во фразеологизмах *по пьяному делу*, *по пьяной лавочке*, *по пьянке* предлог *по* в сочетании с именем в форме дательного падежа из 14 значений, отмечаемых словарями, реализует значение «вследствие чего-нибудь» [1, с. 516]. Однако, помимо причинной семы, семантическая структура названных единиц содержит сему временную: «в состоянии опьянения» = «потому что пьян (-а, -ы)» и «когда пьян (-а, -ы)». В разных контекстах та или другая сема выходит на первый план: Казаки беззлобно засмеялись, но Давыдов, проворно снимая хомут, отшутился: — Нет, зуба лишился давно, *по пьяному делу!*.. (М. Шолохов); — А как ваши партизаны к возвращениям относятся? Не притесняют? — *По пьяной лавочке* иногда куражатся, морду набить новоят (К. Седых).

Вторым проявлением рассматриваемого взаимодействия является существование причинных единиц, включающих в качестве компонентов слова с временным значением. Такими единицами обозначается, что причиной действия является само течение времени — «потому что прошло время» (*за истечением срока давности, за давностью лет, за давностью срока*) или осуществление этого действия в прошлом (*в память былого, по старой памяти, по старой привычке, по традиции*): К шляпе приделав султан, *В память былого*, от скуки, Учит старик Иоганн Деток военной науке (В. Ходасевич); *За давностью лет* Вы простите мне их, тем более, что они не обязательны и сделаны не чернилами (А. П. Чехов); Теперь ружье оставалось у Тараса только *по старой памяти* да на всякий случай, если бы забежал волк (Д. Н. Мамин-Сибиряк).

Фразеологизм *по молодости* <лет> также содержит временной компонент и на первой ступени фразеологизации имеет значение времени: Много было у нее женихов; но *по молодости лет* она [Н. П. Ушакова] не спешила замуж (П. Бартенев); Думаешь, мне все так уж нравится в нашем Мире? Но ведь молчу. А когда-то *по молодости* тоже хотелось высказаться... (В. Кунин) Во втором значении, на более высокой ступени фразеологизации, единица выражает значение причины, что подчеркивается контекстом: *По молодости лет* ей [Софи] не полагалось принимать участие в беседе замужних дам, и девушка, забившись

в уголок дивана, вышивала кошелек (Г. Серебрякова); Отец тем и отличался от дочери, что она *по молодости лет* еще не научилась тайно пастись на дармовом лужку — не умела скрывать безмятежного вида, радости бездумного бытия, вальяжности и даже сытости (В. Липатов). Фразеологизм *по молодости* <лет> и ему подобные фразеологические единицы (*с возрастом, с годами, с летами, с течением времени, со временем*), в разных значениях принадлежащие к разным семантическим категориям, мы рассматриваем как третье проявление взаимодействия категорий времени и причины.

С другой стороны, в русском языке существуют и активно функционируют в речи синонимичные фразеологизмы *по любому (каждому, всякому) поводу* и *по поводу и без повода*, у которых первым значением выступает значение причины «из-за любой мелочи, беспричинно», а производным — значение времени «часто, постоянно, всегда». Первичность причинного значения объясняется наличием в составе этих единиц компонента *повод*, который в свободном употреблении означает «обстоятельство, способное быть основанием для чего-нибудь» [1, с. 519]. Для названных фразеологизмов в причинном значении характерна невысокая степень фразеологизации: Дарья оказалась права: люди в Истошном были высоки ростом, дружны и степенны, знали себе цену за пределами деревни, а дома забывали все и веселились *по каждому поводу*, а иногда и без повода (З. Е. Прокопьева); Цветы и коробки конфет исправно доставлялись сюда *по всякому поводу* — в дни рождений и годовщины свадеб и смертей, в государственных и религиозных праздники, отмеченные в календаре красным числом (Д. Маркиш); Бабушка с Шуркой часто скандалили, ссоры вспыхивали *по любому поводу и без повода* (З. Синявская). Источником временного значения на более высокой ступени фразеологизации выступает в первой единице компонент-местоимение *любой, каждый, всякий*, а во второй — синтаксическая модель сочинительного сочетания словоформ с антонимичными значениями *по поводу и без повода*: Всю дорогу дружинники *по всякому поводу* избивали их и пороли нагайками (К. Седых); Своей нудностью я, наверное, мог поспорить с Марком Порцием Катонем Старшим — римским политиком и писателем, *по любому поводу* заявлявшим о необходимости разрушить Карфаген (А. Коткин); В самом деле, современный политик западного типа просто обязан мелькать на телеэкране, раздавая интервью и выступая с речами *по поводу и без повода* (И. Пыхалов).

Таким образом, обстоятельственные фразеологизмы семантических категорий времени и причины являются одним из доказательств системности фразеологического состава русского языка.

Литература:

1. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — 3-е изд., стереотип. — М.: АЗЪ, 1996. — 928 с.

2. Помыкалова Т. Е. Семантическая структура фразеологизмов генитивной модели группы времени / Т. Е. Помыкалова // Фразеологическое значение в языке и речи: межвуз. сб. науч. тр. — Челябинск: ЧГПИ, 1988. — С. 60–68.
3. Философия: энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. — М.: Гардарики, 2004. — 1072 с.
4. Чепасова А. М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов: учеб. пособие / А. М. Чепасова. — Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2006. — 144 с.
5. Юздова Л. П. Категория качественности в русском языке. Анализ качественно-обстоятельственных фразеологизмов / Л. П. Юздова. — Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2007. — 417 с.

Стратегии преподавания иностранного языка в условиях реализации ФГОС

Черняева Марина Владимировна, учитель английского языка
ГБОУ СОШ № 98 г. Санкт-Петербурга

Формирование навыков самостоятельной работы является трудным и не всегда успешным процессом. Обучение иностранным языкам в начальной школе не обеспечивает достаточную готовность учащихся к коммуникативной деятельности, и является слабым местом языкового образования. Эта готовность формируется развитием основных компонентов универсальных учебных действий (далее УУД) и учебной деятельности по овладению иностранным языком. ФГОС актуализировали необходимость формирования и развития УУД на уроках английского языка.

В широком значении термин «универсальные учебные действия» означает способность к саморазвитию и самосовершенствованию путем сознательного и активного присвоения нового социального опыта. В более узком (собственно психологическом) значении этот термин можно определить как совокупность действий учащегося, обеспечивающих социальную компетентность, способность к самостоятельному усвоению новых знаний и умений, включая организацию этого процесса, культурную идентичность и толерантность. Качество усвоения знаний определяется многообразием и характером видов универсальных действий.

Функции УУД состоят, во-первых, в обеспечении возможностей учащегося самостоятельно осуществлять деятельность учения, ставить учебные цели, искать и использовать необходимые средства и способы достижения, контролировать и оценивать процесс и результаты деятельности, во-вторых, в создании условий для развития личности и ее самореализации в системе непрерывного образования, формирования «компетентности к обновлению компетентностей», толерантных установок личности, обеспечивающих ее жизнь в поликультурном обществе, высокой социальной и профессиональной мобильности, в-третьих, в обеспечении успешного усвоения знаний, умений и навыков, формировании картины мира, компетентностей в любой предметной области познания.

Среди основных видов УУД выделены *четыре блока*: личностный, регулятивный, познавательный, коммуникативный.

Критериями оценки сформированности УУД у учащихся выступают: соответствие возрастнo-психологическим нормативным требованиям; соответствие свойств УУД заранее заданным требованиям.

Способность учащегося самостоятельно успешно осваивать предметную область «Иностранный язык», включает особую организацию этого процесса. Умение учиться, обеспечивается тем, что универсальные учебные действия как обобщённые действия открывают ему «возможность широкой ориентации, как в различных предметных областях, так и в строении самой учебной деятельности, включающей осознание её целевой направленности, ценностно-смысловых и операциональных характеристик».

Формирование умения учиться, или способности к самостоятельной продуктивной иноязычной деятельности, означает освоение школьниками всех компонентов учебной деятельности, включая: мотивы (игровые, познавательные и учебные мотивы); учебную цель; учебную задачу; учебные действия и операции (ориентировка, преобразование материала, контроль и оценка).

Таким образом, формирование универсальных учебных действий связано с формированием основных компонентов учебной деятельности младших школьников при овладении иноязычной речевой деятельностью.

Для того, чтобы строить процесс обучения учащихся на основе универсальных учебных действий представляется целесообразным дать характеристику универсальным учебным действиям с учётом специфики предмета «Иностранный язык»:

1. Личностные действия:

1. действия в личностном самоопределении (связанные с формированием Я-концепции);

2. установление связи между результатом учебной деятельности и тем, что побуждает эту деятельность, ради чего она осуществляется. Ученику нужно помочь задуматься над вопросом, «какое значение и какой смысл имеет для меня осваиваемая деятельность на уроке ИЯ и учение?» и стимулировать поиски ответа на этот вопрос.

3. личностный моральный выбор — оценка того, что ученик слышит, читает на иностранном языке и того, что говорит и пишет сам (осваиваемое содержание), исходя из нравственных ценностей — социальных и личностных.

II. Регулятивные действия:

1. целеполагание на основе соотнесения того, что уже известно, и того, что ещё неизвестно и предстоит освоить. Маленький ученик хочет понимать, что он будет делать и в классе, и дома и зачем он будет это делать. Только так развиваются такие необходимые для успешной учебной деятельности субъектные свойства ученика.

2. определение последовательности промежуточных целей овладения речевой деятельностью на чужом языке с учетом конечного результата — способности использовать ИЯ как новое средство общения; умение действовать по предложенному плану и самостоятельно планировать свою учебную и иноязычно-речевую деятельность. Такие действия формируются через выполнение заданий на составление различного рода плана (ключевые слова, утверждения, вопросы и пр.) как при работе над текстом по аудированию, так и чтению, а также составление плана как последовательности речевых действий при подготовке устного монологического и диалогического высказывания.

3. вероятностное прогнозирование при восприятии текстов, предвосхищение результатов своей деятельности по овладению ИЯ и уровня своих умений. Действия прогнозирования формируются через выполнение заданий: «Посмотри на заголовок рассказа и скажи, о чём будет идти речь», «Прочитай последний параграф истории и догадайся, что произошло с главным героем». Действия прогнозирования уровня своих умений аудирования, говорения, чтения и письма формируются с помощью технологии «Европейский Языковой Портфель», позволяющей ученику самостоятельно и, исходя из общеевропейских требований, определить, насколько он овладел тем или иным речевым умением.

4. сличение результатов своих речевых действий и деятельности в целом с заданным образцом-эталоном с целью выявления отклонений от образца, то есть умение контролировать процесс и результаты своей деятельности в сотрудничестве с педагогом и сверстниками; адекватное восприятие и понимание оценки педагога и сверстников. Эти действия формируются с помощью выполнения различных контрольных заданий, в том числе и тестового характера.

5. внесение необходимых корректив в свои действия речепорождения и речевосприятия в случае расхождения заданного эталона-образца и его результата, реального речевого действия, то есть умение видеть ошибку и исправлять её как с помощью (первый год обучения), так и без помощи взрослого (педагога, родителей).

6. осознание учеником того, как хорошо он научился говорить, понимать иноязычную речь на слух, читать и писать на ИЯ, на каком уровне он находится и чем ещё предстоит овладеть и чему научиться, чтобы пользоваться ИЯ

как настоящие английские мальчики и девочки. При формировании действий оценки/самооценки необходимо использование вышеупомянутой технологии «ЕЯП».

7. умение сосредоточиться на выполнении речевых действий, умение проявить волевое усилие и настойчивость для достижения целей, для преодоления неудач или когда что-то не получается с первого раза при устном и письменном общении на ИЯ, преодолевать импульсивность и произвольность. Действия саморегуляции формируются через выполнение заданий, когда нужно действовать в соответствии с заданной целью, когда нужно действовать самостоятельно, следуя образцу и заданному правилу, когда даётся установка на поиск способов решения коммуникативных и познавательных задач, когда дети учатся взаимодействовать со сверстниками и педагогом.

III. Познавательные универсальные действия:

1. самостоятельное выделение и формулирование познавательной задачи. Например, ознакомление с языковыми средствами иноязычного общения организуется нами таким образом, что дети сами формулируют познавательные задачи: «А какие сигналы используют англичане (немцы, французы и др.), чтобы показать, где один предмет, а где много? Как различить, где рассказ и где вопрос в английском языке (французском, немецком и др.)».

2. поиск и выделение необходимой информации на иностранном языке, при выполнении проектной деятельности, связанной с освоением нового языка и поиска информации с помощью компьютера;

3. осознание и самостоятельное построение устного и письменного речевого высказывания на ИЯ;

4. выбор языковых средств в зависимости от конкретных ситуаций иноязычного общения;

5. рефлексия деятельности по овладению ИЯ, контролем и оценкой процесса и результатов иноязычной речевой деятельности;

6. смысловое чтение, понимание цели чтения и выбор вида чтения в зависимости от коммуникативной задачи; с извлечением необходимой информации из прослушанных текстов различных жанров; с определением основной и второстепенной информации; с формулированием проблемы и главной идеи текста.

Работа с аутентичным устным и письменным текстом открывает возможности для формирования логических действий анализа, сравнения, установления причинно-следственных связей.

Знаково-символические действия, составляющие особую группу общеучебных универсальных действий, включают действия моделирования:

1. преобразование из чувственной формы в модель (пространственно-графическую или знаково-символическую), в которой выделяются существенные характеристики объекта усвоения (например, когда структура речевого образца I am Woody, воспринимаемого детьми устно, преобразуется в наглядную модель);

2. преобразование с целью выявления законов или правил языка (например, пространственно-графическая модель речевого образца — утверждение преобразуется в модель речевого образца — общий вопрос);

3. использование наглядных моделей (таблицы, схемы) для решения учебных задач (речевых, познавательных) и задач общения;

4. считывание информации из принятой в УМК символики, несущей различную смысловую нагрузку и обеспечивающее лучшее понимание задания/задачи и лучшую ориентировку в них: символы для обозначения вида развиваемого речевого умения (слушаем, читаем, говорим, пишем), формы работы (индивидуально, в парах, в группе).

Ознакомление с языковыми средствами иноязычного общения и усвоение правил построения предложений, а при овладении техникой чтения усвоение транскрипции и графической формы букв обеспечивает развитие знаково-символических действий — замещения (например, звука буквой), моделирования (например, структуры предложения путем составления схемы-модели) и преобразования модели (из утвердительной формы в отрицательную).

В учебниках по английскому языку широко используется графическая символика, схемы для освоения грамматической структуры речевых образцов, проведения различного вида анализа слов (выделения гласных и согласных, различных типов слога и т. д.).

Согласно концепции универсальных учебных действий, овладение моделированием в период начального образования является основным показателем развития знаково-символических универсальных учебных действий.

Логические универсальные действия при овладении младшими школьниками ИЯ могут быть связаны: с анализом объектов усвоения (языковых и речевых) разного уровня, с синтезом, то есть составлением целого из частей — самостоятельным достраиванием предложения или текста с восполнением недостающих компонентов (слов, словосочетаний, предложений); с выбором оснований и критериев для сравнения и классификации объектов; с самостоятельным выведением правил построения иноязычной речи; с установлением причинно-следственных связей; с доказательством своей точки зрения; с выдвижением гипотез и их обоснованием.

Постановка и решение проблемы предполагает действия по формулированию проблемы творческого и поискового характера и ее самостоятельному решению.

Для формирования такого рода действий необходимо использовать проектную деятельность.

IV. Коммуникативные действия:

1. умение точно выражать свои мысли: владение монологической и диалогической формами иноязычной речи в соответствии с грамматическими и лексическими нормами иностранного языка.

2. планирование учебного сотрудничества со сверстниками и учителем сверстниками на уроке;

3. постановка вопросов разного рода и в процессе освоения языковых средств общения и деятельности иноязычного общения, постановка вопросов в условиях инициативного сотрудничества в поиске и сборе информации для выполнения проектной работы;

4. управление поведением партнёра по иноязычному общению (взаимоконтроль, коррекция и оценка его речевых действий).

Осмыслить учебные действия помогает ученику групповая работа над проектом, когда дети распределяют роли и обязанности и планируют совместную деятельность. Любая работа (не только проектная) в группе даёт ученикам эмоциональную поддержку, особенно робким и неуверенным в себе детям. Совместная деятельность развивает коммуникативные универсальные действия, если создаётся благоприятная для иноязычного общения атмосфера, атмосфера поддержки и заинтересованности.

На начальном этапе обучения важно научить ученика самостоятельно ставить познавательные задачи: научить выделять основное в тексте; осознанно и произвольно строить свои высказывания с опорой на картинки на схемы;

Дети на данном этапе уже учатся отвечать на вопросы учителя письменно или устно и при самоконтроле и взаимоконтроле могут оценивать процесс и результаты своей деятельности и друг друга.

Анализировать учащиеся можно научить при прохождении грамматического материала. Синтезировать — при монологической и диалогической речи или при выполнении упражнений в учебнике: вставить недостающие слова, вставить недостающие буквы, завершить предложение, заполнить таблицу, догадаться о правиле образования степеней сравнения прилагательных и т. д.

Преподавание английского языка в нашей школе осуществляется по учебно-методическому комплексу авторов: Баранова К. М., Дули Д., Копылова В. В., Мильруд Р. П., Эванс В. УМК «Starlight». Приоритет отдан в ходе анализа его особенностей, важных для формирования УУД.

Это совместный проект российского издательства «Просвещение» и британского издательства «Express Publishing», в котором нашли отражение современные тенденции российской и зарубежных методик обучения иностранному языку, он отвечает требованиям Федерального государственного образовательного стандарта общего образования и соответствует общеевропейским компетенциям владения иностранным языком (Common European Framework of Reference).

Видеокурс на DVD, содержит наглядные примеры заданий, способствует формированию познавательных УУД: упражнения иллюстрируют эффективные типы заданий, направленные на формирование каждого из умений и всех типов, познавательных УУД. Активное использование знаково-символьной системы является самой сильной стороной этого УМК.

Особая группа УУД, которая состоит из знаково-символических действий, состоит из действий моделирования:

1. объект изучения преобразовывается из чувственной формы в модель (пространственно-графическую или знаково-символическую), в которой выделяются существенные характеристики объекта усвоения (например, когда структура I am Frosty, воспринимаемая устно, преобразуется в наглядную модель);

2. модель речевого образца преобразуется с целью выявления законов или правил языка (пространственно-графическая модель речевого образца — утверждение преобразуется в модель речевого образца — общий вопрос);

3. наглядные модели (таблицы, схемы) используются для решения учебных задач (речевых, познавательных) и задач общения;

4. декодируется информация из принятой в УМК символики, обеспечивающая лучшее понимание задания/задачи: символы для обозначения вида развиваемого речевого умения (слушаем, читаем, говорим, пишем), формы работы (индивидуально, в парах, в группе).

К достоинствам данного комплекта можно отнести привлекательность рабочей тетради и аудиоприложения к ней для учащихся.

Для диагностики и формирования познавательных универсальных учебных действий целесообразно использовать следующие виды заданий: «найди отличия» (можно задать их количество); «на что похоже?»; поиск лишнего;

«лабиринты»; упорядочивание; «цепочки»; хитроумные решения; составление схем-опор; работа с разного вида таблицами; составление и распознавание диаграмм; работа со словарями.

В целом УМК Баранова К. М., Дули Д., Копылова В. В., Мильруд Р. П., Эванс В. «Starlight» способствует всестороннему формированию познавательных УУД и отвечает требованиям ФГОС по данному пункту.

Формирование УУД достигается путем сознательного, активного присвоения учащимися социального опыта. При этом знания, умения и навыки (ЗУН) рассматриваются как производные от соответствующих видов целенаправленных действий, т. е. они формируются, применяются и сохраняются в тесной связи с активными действиями самих учащихся. Качество усвоения знаний определяется многообразием и характером видов универсальных действий.

Проектируя процесс обучения учащихся на основе универсальных учебных действий учителю необходимо проанализировать УМК и готовя рабочую программу тщательно расписать многообразие учебного процесса на предмет формирования групп познавательных УУД. Все это позволит осознать структуру организации образовательного процесса в целом и разделять каждый вид деятельности при изучении английского языка с принципиально новой структурой работы, основой которой служат универсальные учебные действия.

Литература:

1. Абакумова И. В. Обучение и смысл: смыслообразование в учебном процессе (психолого-дидактический подход). Ростов-на-Дону.: Изд-во Рост. ун-та, 2003.
2. Асмолов А. Г. Психология личности. Культурно-историческое понимание развития человека М.: Смысл, 2007.
3. Асмолов А. Г., Бурменская Г. В. и др. Культурно-историческая системно-деятельностная парадигма проектирования стандартов школьного образования.
4. Асмолов А. Г., Бурменская Г. В., Володарская И. А. и др. Как проектировать универсальные учебные действия в начальной школе: от действия к мысли: пособие для учителя; под ред. А. Г. Асмолова. М.: Просвещение, 2008.
5. Выготский Л. С. Мышление и речь Собр. соч. В 6 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1982.
6. УМК Баранова К. М., Дули Д., Копылова В. В., Мильруд Р. П., Эванс В. «Starlight».
7. www.standart.edu.ru
8. www.prosv.ru
9. www.titul.ru

Фразеологизмы в научных текстах на английском языке

Юнусова Марина Олеговна, магистрант

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург)

В настоящее время прослеживается бурный рост и развитие промышленности и новых технологий, что приводит к необходимости быстрого распространения добытого научного знания в связи с его быстрым устареванием. Данный факт является основной причиной растущего спроса на перевод научной и технической литературы. Для качественного и грамотного перевода научного

стиля необходимо знать характерные для него стилиевые особенности.

Одной из стилиевых черт научного стиля на лексическом уровне является фразеологическая единица, которой и посвящена данная статья, цель которой — определить какую роль фразеологическая единица играет в научном стиле. Данная работа является анализом встречаемости

фразеологических единиц в научных текстах и является достаточно актуальной в связи с вышеуказанными обстоятельствами.

Кроме того, существует достаточно много исследований по фразеологизмам, например, работы А. И. Смирницкого, В. В. Виноградова, А. В. Кунина, Л. С. Бархударова, Т. А. Казаковой, Н. Н. Амосовой и мн. др., но исследований, посвященных фразеологическим единицам именно в научных и технических текстах значительно меньше, что еще раз подтверждает необходимость изучения использования фразеологизмов в определенных стилях.

Источником материала для исследования стал журнал «The Structural Design of Tall and Special Buildings», общим объемом порядка 23 500 печатных знаков.

Использование фразеологизмов (фразеологических единиц), как правило, является очередным вызовом для переводчика, так как перевод данной лексической группы не поддается стандартным правилам перевода. Причина этого заключается в специфичности данного класса лексики, так как фразеологизмами являются устойчивые в языке словосочетания или даже целые предложения, которые обладают, как правило, либо полным, либо частичным переносным значением [1, с. 127] и выполняют функцию отдельной лексемы.

Наиболее полное и точное определение фразеологической единицы дал А. В. Кунин: «Фразеологизмы являются сочетаниями слов, т. е. раздельно оформленные образования с полностью или частично переосмысленными компонентами, фразеологическими значениями. Для фразеологических единиц характерна не вообще устойчивость, а устойчивость на фразеологическом уровне, закономерные зависимости словесных компонентов и структурно-семантическая немоделированность. Фразеологические единицы образованы по грамматическим моделям переменных сочетаний и предложений» [2, с. 25].

Существует множество различных классификаций фразеологизмов в зависимости от разных аспектов: средства, источники, стилистическая окраска, — сформулированных разными лингвистами (Ш. Балли, В. В. Виноградов, А. И. Смирницкий, Л. Бархударов). На их основе была сделана единая классификация фразеологизмов для научных текстов:

- 1) фразеологизмы I порядка — фразеологизмы и идиомы, значение которых не выводимо из их компонентов, но воспринимается как единое целое, их метафоричность со временем была утеряна;
- 2) фразеологизмы II порядка — термины-словосочетания;
- 3) фразеологизмы III порядка — фразеологические сказуемые и фразовые глаголы;
- 4) фразеологизмы IV порядка — клише и вводные конструкции.

Основой любого научного текста являются термины — (от лат. *terminus* — предел, граница) — слово или словосочетание, являющееся названием некоторого понятия какой-нибудь области науки, техники, искусства и т. п.

Термины служат специализирующими, ограничительными обозначениями характерными для этой сферы предметов, явлений, их свойств и отношений. В отличие от слов общей лексики, которые зачастую многозначны и несут эмоциональную окраску, термины в пределах сферы применения однозначны и лишены экспрессии» [3, с. 532].

Термины по своему морфологическому строению делятся на простые, состоящие из одного слова, сложные, состоящие из двух и более слов, и терминов-словосочетаний, соответственно являющихся словосочетаниями [4, с. 8], так же, как и фразеологизмы.

В определениях фразеологизмов и терминов-словосочетаний, несмотря на явные различия (отсутствие эмоциональной окраски, применимость терминов только в определенной сфере деятельности и общеупотребительность фразеологической единицы), есть и некоторые общие моменты: во-первых, они обладают устойчивой структурой, то есть, являются устойчивыми словосочетаниями, при замене любого компонента которых меняется и все значение. Как говорит Р. Ф. Пронина, «в смысловом отношении термины-словосочетания являются цельными лексическими единицами» [4, с. 9], как и фразеологизмы, составляющие отдельную лексему. Это может обозначать, что в некоторых случаях термины-словосочетания могут совпадать с фразеологизмами, встречающимися в тексте: *earthfault* — замыкание на землю, *brake landing* — посадка с торможением.

Источником материала для данного исследования послужили статья «Successful performance of a base-isolated hospital building during the 17 January 1994. Northridge earthquake» («Успешное строительство здания больницы с изолированным фундаментом 17 января 1994 года. Землетрясение в Норфридже») Мехмеда Селебита (выпуск 5, июнь, 1996) и отрывки из статьи «Wind effect on Milad tower using computational fluid dynamics» («Действие ветра на Бординг Милад при использовании гидродинамического моделирования») Махмуда Яхьяи, Амира Саеди Дарыйяна, Масуда Зиэени Сейеда Масуда Миртаери (выпуск 20, март, 2011) из журнала «The Structural Design of Tall and Special Buildings».

Исследуемый материал был проанализирован на основе данной классификации: в них были найдены все фразеологизмы, рассортированы в соответствии с порядками и их количество было выражено в количественном и процентном соотношениях.

В результате проделанной работы были сделаны следующие выводы.

Во-первых, фразеологизмы в научных текстах присутствуют также, как и в художественных, но, тем не менее, фразеологизмы в разных стилях значительно отличаются друг от друга в связи с тем, что данные стили выполняют разные функции, ставят перед собой разные задачи и достигают разных целей.

Во-вторых, не существует единой классификации такого понятия, как фразеологизм, так же как не существует и единого определения. В связи с этим была разработана

классификация непосредственно для текстов научного стиля, которая и была применена к исследуемому материалу.

В-третьих, фразеологизмы как устойчивые выражения, идиомы, значение которых не выводимо из значений его компонентов (в данной работе фразеологизмы I порядка), характерные для художественного стиля, в научных текстах являются скорее исключением из правил, так как обр-азность фразеологических единиц не соответствует стилю данных текстов. Научный текст характеризуется логичностью, точностью, структурированностью и однозначностью, поэтому фразеологизмы в качестве образных средств не допустимы в статьях такого рода. Например, *The Achilles heel of X-ray laser turned out to lie in how tightly the beam can be focused*. Но в исследуемом материале таких фразеологизмов выявлено не было.

В-четвертых, основную массу фразеологизмов в научных статьях составляют термины — словосочетания: 184 (4,76%), которые являются основой любой научной статьи, в связи с тем, что терминология едина во всех научных кругах и, значит, термины являются как бы универсальным языком ученых. Данный факт еще раз подтверждает, что язык научного текста не допускает двусмысленности или любой неточности, как любой эксперимент требует точных и полных инструкций. Также необходимо отметить, что в данную категорию фразеологизмов не входили термины, состоящие лишь из одного слова.

В-пятых, фразеологизмы II порядка, то есть фразеологические сказуемые и фразовые глаголы, наоборот, редко встречаются в текстах научного стиля — 4 (0,56%), что связано с еще одной его особенностью, а именно, с употреблением более книжной лексики, нежели разговорных, более простых вариантов, так как фразовые глаголы более характерны для устной, разговорной речи, а фразеологическим сказуемым предпочитают более книжные синонимы. Например, *zero period acceleration (ZPA)* — один из терминов, относящихся к физической терминологии — период с нулевым ускорением, имеющий также общепринятую аббревиатуру и определение. Также не несет никакого эмоционального компонента, стилистически нейтрален. Или *fundamental period* — термин, обладающий несколькими значениями в зависимости от отрасли использования. В используемом материале, относящемся к строительной сфере, используется в значении «период основного тона колебаний».

Переходя к фразеологизмам III порядка, к которым относятся фразеологические сказуемые и фразовые глаголы, стоит отметить, что они также практически не были представлены в данных примерах научных текстов: в первом

тексте данная группа представлена повторяющимся несколько раз глаголом *to perform well*, который в данном случае переводится как «быть эффективным» (0,03%), а во втором тексте лишь единичный случай употребления глаголы *to carry out*, который переводится в данном контексте как «проводить» (об испытаниях, тестах) (0,09%).

Отсутствие фразеологических сказуемых в данном случае может быть легко объяснено тем фактом, что они по своей сути являются словосочетаниями, состоящими из глагола (чаще всего *to make, to take, to do*) и существительного. Данные словосочетания легко могут быть заменены синонимами, состоящими из одного глагола, маркированными как принадлежащие к более формальному, книжному стилю. То есть, фразеологические сказуемые являются более разговорными вариантами, которые чаще можно встретить в устной речи, а не в речи научных текстов, в которой преобладают более книжные варианты слов.

Что касается фразовых глаголов, то они, как правило, тоже большей частью используются в устной речи и для более высокого стиля научных текстов мало подходят.

В-шестых, в исследуемом материале было найдено лишь небольшое количество фразеологизмов IV порядка — 25 (0,56%), то есть фразеологизмов, являющихся клише и вводными конструкциями, которые являются еще одной характерной чертой научных текстов. Данный факт может быть объяснен спецификой данной статьи, либо тем, что авторы статей, скорее всего, не являются носителями языка и поэтому в данных текстах отсутствуют некоторые элементы, не влияющие на содержание, но, тем не менее, которые обычно присутствуют в речи носителей. Например, *to be beyond the scope of (the paper)* — характерная для текстов научного стиля фраза, имеющая значение «быть за рамками, не входить в задачу (данной работы)». Фраза имеет устойчивый порядок слов, закреплённую структуру. Или также *to the knowledge of (the author)* — устойчивое словосочетание, часто используемое в текстах научного стиля, которое на русский язык переводится также как вводная конструкция: «по имеющимся (у автора) сведениям». Структура словосочетания не может быть изменена без потери смысла.

Таким образом, при анализе выбранных статей научного стиля выяснилось, что основную массу присутствующих в них фразеологических единиц составляют фразеологизмы-термины, которые являются основным элементом любой научной статьи, но фразеологизмы в исходном своем значении и в качестве средства образности в научном тексте являются недопустимыми, как любой источник неясности или двусмысленности в текстах научного стиля.

Литература:

1. Казакова Т. А. Практические основы перевода. English — Russian: учеб. пособ. СПб.: Изд-во Союз, 2006. 320 с.
2. Кунин А. В. Английская фразеология. М.: Высшая школа, 1970. 245 с.
3. Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Русский толковый словарь: около 35000 слов. 4-е изд. М.: Русский язык, 1997. 832 с.
4. Пронина Р. Ф. Перевод английской научно-технической литературы: учеб. пособие для вузов. 3-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1986. 175 с.

6. МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ЖУРНАЛИСТИКА, СМИ

Проблема взаимодействия СМИ с театральной средой региона (на примере постановки пьесы А.П. Чехова «Чайка» в Рязанском областном театре драмы)

Евдокимова Анна Сергеевна, аспирант
Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина

Премьера «Чайки» в Александринском театре овечна всем известной легендой. Во многом созданию этого мифа способствовала пресса того времени. Отклики рецензентов на первое представление 17 октября 1896 создали скандал, который журналисты «окрестили» как случай небывалого провала постановки пьесы на сцене императорского театра. Все последующие статьи, в которых дается положительная оценка на дальнейшие четыре представления, уже не могли ничего изменить. В теории коммуникации подобный случай называется «эффект первичности» — тот, кто сказал первый, тот и прав. Данный приём манипуляции общественным сознанием использовался сознательно или бессознательно в журналистской практике всегда. Подобное произошло и в случае с постановкой «Чайки»: театральные рецензенты, увлеченные реакцией бурного негодования зрителей в зале, мало обращали внимание на сцену, и вынесенный ими пьесе жесткий вердикт оказался очень устойчивым.

Вся последующая полемика, развернувшаяся на страницах газет, только подтверждала версию о якобы скандальном и провокационном характере постановки. Успех «Чайки» в Московском художественном театре, как пишет А. А. Чепуров, только «добавил в пользу легенды о провале дополнительные аргументы» [14, с. 20]. Проблема новых и старых форм, о которой говорится в пьесе, обрела свою остроту в действительности: история русского театра стала разграничиваться на два периода — театр до «Чайки» и после её появления.

Как мы видим, пресса конца XIX века сыграла немалую роль в судьбе этой пьесы. И сегодня первая реакция средств массовой информации на возникновение нового явления в искусстве часто определяет к нему отношение массовой аудитории. До того момента, пока оценка истинных ценителей и профессионалов станет известной широкой общественности — а это может затянуться на годы или даже десятки лет — в массовом сознании будет бытовать то определение, которое дали этому культурному событию журналисты. Иногда эти мнения совпадают, иногда нет, но в любом случае они являются частью истории данного

произведения искусства и представляют собой коммуникативное событие.

Анализируя материалы СМИ, информирующие, рецензирующие или анонсирующие какое-либо событие, например, из области театральной жизни, мы можем себе представить общий уровень массового восприятия данного явления, который указывает нам на систему ценностей, жизненные ориентиры, наиболее болезненные темы, присущие современному обществу. Журналистские материалы с этой точки зрения для нас представляют большую ценность, чем художественная критика, так как журналист в своих работах выступает как бы от имени массового зрителя, переходит на сторону обычного любителя театра, то есть руководствуется интересами аудитории, в то время как профессиональному критику необходимо сохранять свой индивидуальный стиль восприятия и ему в первую очередь важна максимальная приближенность к единственно (если это возможно) верной интерпретации сценической постановки. Однако нужно учитывать еще и тот факт, что оценка явления зависит от политики самого издания: средства массовой информации либерального толка скорее поддержат традиционный взгляд на интерпретацию классического текста, а радикального направления — модернистские тенденции.

Интерес к Чехову в наше время не ослабевает, а «Чайка» и «Гамлет» Шекспира считаются самыми инсценируемыми произведениями в мире [15, с. 39]. Многие театры считают своим долгом иметь в репертуаре «Чайку», а в театральной среде бытует такое мнение, что с появлением этой пьесы на сцене весь театр обретает новое дыхание. Только за последние двадцать лет (рубеж XX–XXI вв.) было поставлено большое количество спектаклей по пьесе «Чайка» как в России, так и за рубежом. Это говорит о том, что еще не исчерпаны возможности по-разному переосмысливать пьесу. И режиссеры, и актеры, и критики, и журналисты продолжают поиски глубоких идей, заложенных в подтексте этого драматического произведения.

Материалы, посвященные сценической интерпретации известной пьесы, создаются к каждому спектаклю

ежегодно. Например, на «Чайку» театра имени Моссовета в постановке Андрея Кончаловского (премьера состоялась в 2004 г.) мы нашли четырнадцать выступлений в прессе; на «Чайку», поставленную известным польским режиссером Кристианом Люпой в Александринском театре в 2007 году, в одних только всероссийских печатных изданиях нам удалось обнаружить десять рецензий; о «Чайке» Йонаса Вайтуса, режиссера из Литвы, который представил зрителям свой спектакль в 2011 году в театре «Балтийский дом», нами было собрано двенадцать полноценных газетных материалов; на премьеру «Чайки» театра «Сатирикон» (режиссер — Юрий Бутусов) в том же году откликнулось по меньшей мере одиннадцать газет и журналов. В общей сложности уже 47 текстов, и это только на четыре постановки в петербургских и московских театрах, не включая материалов из интернет-изданий, теле- и радиосюжетов. В данных обстоятельствах, т. е. при таком огромном количестве материала, совершенно невозможно в рамках нашего исследования говорить о полном анализе всех рецензий и сообщений на спектакли, созданные даже за последнее время. Мы решили ограничиться только откликом рязанских СМИ на спектакль «Чайка», поставленный Рязанским областным театром драмы в начале 2015 года. Таким образом, мы сужаем объект нашего исследования до журналистских материалов только в одном регионе и на одну постановку, чтобы иметь возможность проанализировать все сообщения местных средств массовой информации и составить общую картину процесса создания коммуникативной цепочки ТЕАТР — СМИ — АУДИТОРИЯ.

В качестве методологической основы нами была выбрана схема основных критериев и аспектов анализа журналистского текста, предложенная Л. Н. Павловой [10, с. 40]:

- цель (предполагает выбор жанра);
- авторская позиция;
- информационная база;
- языковые средства.

Нам удалось собрать все материалы, посвященные спектаклю «Чайка» на сцене Рязанского драматического театра: девять материалов из электронных СМИ, семь газетных статей, два видеосюжета и одна радио-рецензия.

Жанровое разнообразие представлено восемью рецензиями, пятью интервью, двумя статьями, двумя сюжетами, одной заметкой и одним анонсом.

Авторская позиция в журналистских текстах прослеживается на смысловом акценте материала. В нашем случае объект описания — театральная постановка, поэтому смысловой акцент может быть сделан на драматическую коллизию, игру актеров, сценографию спектакля или постановочную часть. В материалах речь может идти обо всех элементах представления, но, как правило, идейная ценность текста сконцентрирована на каком-то одном моменте. Это в первую очередь характерно для материалов региональной прессы, которые отличаются от столичных

небольшим объемом и не претендуют, в отличие от театральной критики, на детальное рассмотрение всех составляющих спектакля.

В ходе анализа текстов мы выяснили, что разные издания интерпретируют замысел режиссера по-разному, а за ключевую тему спектакля берут одну из сторон многогранной чеховской драматургии. Так корреспондент газеты «Рязанские ведомости» Дмитрий Соколов в своей рецензии «Сверхчеловек страдающий» сделал акцент на драматическую коллизию спектакля, суть которой он видит в проблеме человеческого эгоизма, определяющего поступки всех героев пьесы: *«Все самолюбивы и несчастны, потому что день и ночь думают лишь о своих чувствах. А если посмотреть откуда-нибудь со стороны, хоть из плетеного кресла-качалки, то весь их так называемый богатый внутренний мир не что иное, как непомерно раздутое самолюбие»* [13]. Такого же мнения о замысле пьесы придерживается и корреспондент портала «RZN.TV»: *«Все они погрязли в своих призрачных желаниях, стремятся к ним и не замечают тех, кто рядом...»* [11]. Галина Журавлева в своей рецензии видит главный конфликт пьесы в противостоянии старых и новых форм [2], о том же в своей радио-рецензии говорит и Лариса Лобанова: *«Пьеса... о главном движущем конфликте искусства — столкновении старого и нового»* [7]. Корреспонденты телевидения «Город» ведущей темой назвали тему любви [3], этой точки зрения придерживаются журналисты и ряда других изданий. В интервью «Рязанской газете» сам Сергей Бобровский, режиссер Липецкого государственного театра, который был приглашен Рязанским драматическим театром поставить пьесу «Чайка», ключевым считает в произведении Чехова тему подвига в искусстве, сложного пути художника и поиска счастья. Однако режиссер уточняет, что в произведениях Чехова *«нет лозунгов, каких-то смыслов <...> Чехов ни на чем не настаивает, каждому оставляет право быть таким, каким есть»* [6]. В театральной среде уже давно сложилось мнение, что Чехов далеко не категоричен, и акценты в его драмах делают сами режиссеры, а зрители выбирают для себя темы более близкие их мироощущению.

В большинстве материалов речь заходила об игре актеров: как положительный момент была особо отмечена игра Татьяны Петровой (Аркадина) и Натальи Паламожных (Маша), мнения разделились по поводу игры начинающих артистов Марины Мясниковой (Нина) и Никиты Данилова (Треплев), и как негативный факт большинство изданий определило выступление ведущих актеров театра — Юрий Борисов (Шамраев), Александр Зайцев (Дорн), затмивших своими второстепенными ролями образы главных героев. По мнению ряда изданий, во многом игра именно этих исполнителей помогла приблизить «Чайку» к жанру комедии: *«Нельзя сказать, что излишняя комичность не пошла постановке на пользу <...>. Другое дело, что шутки позволили публике расслабиться и симпатизировать*

другим персонажам куда меньше...» [12]; «иногда юмор, правда, не дает рассмотреть всю глубину образов героев» [2].

Совершенно противоположными были мнения по поводу сценографии постановки: *«Декорации спектакля не выражают ничего, кроме того, что обозначают место действия... <...> никакого символизма, о котором так любят писать чеховеды» [7] — «Спектакль выполнен в полутонах, как бы в дымке: белые колонны, газовая ширма создают ощущения сна» [9].*

Информационная база представлена достаточно большая: журналисты обращаются к истории постановки пьесы «Чайка» в конце XIX века, касаются поэтики драматических произведений писателя, рассказывают о творческой биографии режиссёра Сергея Бобровского. Однако не обращаются к опыту инсценировки этой пьесы другими театрами, и ни в одном материале не был упомянут тот факт, что пьеса уже ставилась на рязанской сцене. Это произошло в 1899 году, через несколько месяцев после триумфальной премьеры «Чайки» в Московском художественном театре.

Стиль и язык текста разговорный, не пестрит театроведческими терминами и философскими понятиями, которые в избытке содержат профессиональные театральные рецензии. Однако встречаются в некоторых текстах и оригинальные развернутые метафоры. Вера Новикова в своем материале сравнивает актерский ансамбль с оркестром, а спектакль с музыкальным произведением: *«Заканчивается эта партитура, как известно, выстрелом. Невидимо для зрителя, за кулисами, обрывается человеческая жизнь. Слово струна лопнула. Но — секунда, и неспешное «адажио» продолжается, так и не взлетев до «аллегро». Рефреном раздаётся многократно усиленное и весьма удобное для жизни тригоринское: «Не помню». Ис молчаливой укоризной парит над сценой высохшее чучело чайки с раскрытым в немом крике клювом» [9].* Не все материалы имеют литературно-художественные дополнения, некоторые тексты подчеркнута сучие.

Однако, несмотря на разницу в формате СМИ, его направленность, жанровую принадлежность, каждый автор как бы считал своим долгом подчеркнуть традиционность постановки чеховской драмы в Рязанском областном театре. Режиссер С. Бобровский в своих интервью газетам и телекомпаниям говорил, что хотел поставить Чехова без современных спецэффектов и оригинальных трактовок: *«это произведение написано простым, доступным каждому, обращенным к жизни языком <...> Я ни с кем не соревнуюсь, не хочу кого-то удивлять этим спектаклем и открывать нового Чехова. Я пытаюсь прочитать его так, как, мне кажется, он его писал» [3].* Такое внимание к академичности постановки объясняется историей предыдущей премьеры (спектакль «Король Лир», режиссер — Г. Галавинская), которая произвела много шума своей провокационной интонацией. Поэтому одним

из необходимых элементов текста статей стало сообщение, что спектакль ориентирован на любителей академического театра, *«ценителей классического подхода к инсценированию шедевров литературы» [8].* Даже заголовки, такие как «Строго по тексту» [9] или «Классика без прикрас» [5], настраивают читателя на определенное отношение к постановке.

Спектакли с современным, модерновым прочтением известных сюжетов существуют в репертуаре местных театров недолго, и этому есть, на наш взгляд, одно объяснение. Провинциальная сцена не подходит для экспериментов в силу того, что, эпатажуя часть зрителей, она не привлекает следующую группу, заинтересованных чем-то необычным театралов, а наоборот, отталкивает. Как правило, в небольших городах культурные мероприятия посещает определенная, ограниченная группа лиц. Если не снискать у нее доверия и расположения, на следующее представление зал окажется пустым. Этим и объясняется выбор режиссеров более традиционного пути постановки классического текста. Поэтому, как правило, первенство в предложении новых форм отдается известным, столичным театрам. Поэтому и театральная критика там имеет больше возможностей развиваться, хотя, по мнению главного редактора газеты «Петербургский театральный журнал» Марины Дмитриевской, *«сейчас все меньше и меньше образцов того, что мы хотим считать именно театральной критикой» [1, с. 9].* Она пишет, что сегодня *«главенствует <...> нечто родившееся на перекрестке театроведения и журналистики»*, и мы можем добавить, что это как раз то самое, что характерно для нестоличной прессы. Границы между региональной и федеральной прессой постепенно стираются: жанровые формы размываются, многое уходит в интернет, где в равной степени доступно для читателей из любого региона страны. Для рецензирования интернет становится большой площадкой для всех, кто хочет поделиться своими впечатлениями о просмотренном спектакле.

На всех рязанских информационных порталах есть возможность оставлять комментарии к рецензиям журналистов, оценивать их качество, создавать дискуссии на форумах. По количеству откликов читателей и зрителей можно сделать общий вывод о влиянии журналистских материалов на массовую аудиторию.

В Рязани коммуникативная связь ТЕАТР — СМИ — АУДИТОРИЯ на данный момент функционирует достаточно качественно. В городе пять репертуарных театров со своими постоянными труппами и режиссерами; в каждом театре есть специалист по связям с общественностью или пресс-секретарь, который осуществляет работу со СМИ; к каждой премьере рязанские средства массовой информации готовят материалы в различных жанрах на телевидении, радио, в прессе и в интернете. В результате, все пять театров ежегодно открывают свои театральные сезоны и не страдают от нехватки зрительской аудитории. Безусловно, определяющую роль здесь играет руководство

театра и его актеры, однако и журналисты тоже, которые выполняют задачу эстетического и нравственного воспитания общества, не оставляют без внимания культурные события города,

Литература:

1. Дмитриевская М. О природе театральной критики // Петербургский театральный журнал, 2012, № 1 [67]. — С. 5–9.
2. Журавлева Г. Не индюк // URL: <http://mediaryazan.ru/articles/detail/277334.html> (дата обращения: 30.09.2015).
3. Интервью с режиссером спектакля «Чайка» Сергеем Бобровским // URL: <http://www.rzndrama.ru/ru/obshhaemnya/pressa/intervu-s-rezhisserom-spektaklya-chayka-sergeem-bobrovskim.html> (дата обращения: 30.09.2015).
4. Калейдоскоп 09.01.15 // URL: <http://gorod62.tv/category/pj/kp/page/4> (дата обращения: 30.09.2015).
5. Классика без прикрас. Рязанцев приглашают на «Чайку» А. П. Чехова // URL: http://vezdekultura.ru/1276-events-klassika_bez_prikras_gyazantsev_priglashayut_na_chayku_a_p_chehova (дата обращения: 30.09.2015).
6. Комракова Л. Сергей Бобровский: «Люблю поперек времени» // Рязанская газета, 29.12.2014 г.
7. Лобанова Л. Рецензия на премьеру «Чайки» в областном театре драмы // URL: <http://www.rzndrama.ru/ru/obshhaemnya/pressa/recenziya-na-premeru-chayki-v-oblastnom-teatre-dramy.html> (дата обращения: 30.09.2015).
8. Никитина Е., Бабкова А. Комедия заблуждений в рязанском театре драмы // Родной город, 04.02.2015 г.
9. Новикова В. Строго по тексту // Новая газета, 18.12.2014 г.
10. Павлова Л. Н. Редакторский анализ журналистских текстов // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова, 2009, № 3, том 6. — С. 39–44.
11. Простая пьеса о сложном // URL: <http://rzn.tv/articles/2014/12/14/154/> (дата обращения: 30.09.2015).
12. Сказченко А. «Мы попали в запендю» // URL: <http://ny.rzn.info/articles/report/my-popali-v-zapendyu-37.html> (дата обращения: 30.09.2015).
13. Соколов Д. Сверхчеловек страдающий // Рязанские ведомости, 19 (4813), 06.02.2015 г.
14. Чепуров А. А. П. Чехов и Александринский театр на рубеже XIX и XX веков. — СПб.: Балтийские сезоны, 2006. — 320 с.
15. Шарапова Е. П. К истории чеховских постановок на оренбургской сцене // Вестник Оренбургского государственного университета, 2004, № 11. — С. 39–41.

7. ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

К проблеме перевода безэквивалентной лексики (БЭЛ)

Бакашева Наталья Султановна, преподаватель
Раменский колледж

Данная статья посвящена проблемам перевода безэквивалентной лексики с английского языка на русский. В лингвистике не установлены все способы перевода такой лексики на другой язык.

Если сопоставить языки и культуры разных народов, то можно выделить элементы совпадающие и несовпадающие. К несовпадающим элементам относятся, прежде всего, предметы, обозначаемые безэквивалентной лексикой, и коннотации, присущие словам в одном языке и отсутствующие или отличающиеся в словах другого языка. Под безэквивалентной лексикой имеются в виду иноязычные слова и словосочетания, обозначающие предметы, процессы и иные реалии жизни, которые на данном этапе не имеют в языке перевода эквивалента.

Ключевые слова: безэквивалентная лексика, приемы, перевод, национально-культурное содержание

Термин «безэквивалентная лексика» (далее — БЭЛ) встречается у многих авторов, занимающихся проблемами языка и перевода (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, Л. С. Бархударов, С. Влахов, С. Флорин, Я. И. Рецкер, В. Н. Комиссаров, А. Д. Швейцер и др.), которые, однако, трактуют его по-разному: то, как синоним понятия «реалия», то несколько шире, либо несколько уже. Так, например, А. Д. Швейцер относит к категории БЭЛ «лексические единицы, служащие для обозначения культурных реалий, не имеющих точных соответствий в другой культуре» [1, с. 6]. В. Н. Комиссаров называет безэквивалентными «единицы исходного языка, которые не имеют регулярных соответствий в языке перевода» [2, с. 6]. Болгарские лингвисты С. Влахов и С. Флорин дают свою дефиницию, которая заметно сужает границы БЭЛ: БЭЛ — «лексические единицы, которые не имеют переводческих эквивалентов в языке перевода» [3, с. 6].

С. Влахов и С. Флорин предлагают также более четко отграничить БЭЛ от реалий. По их мнению, наиболее широким по своему содержанию является понятие БЭЛ. Реалии же входят в рамки БЭЛ как самостоятельный круг слов. Отчасти покрывают круг реалий, но, вместе с тем, отчасти выходят за пределы БЭЛ термины, междометия и звукоподражания, экзотизмы, аббревиатуры, обращения, отступления от литературной нормы; с реалиями соприкасаются имена собственные (с множеством оговорок). Все в тех же границах БЭЛ значительное место занимают слова, которые можно назвать собственно БЭЛ или БЭЛ в узком смысле слова — единицы, не имеющие по тем или иным причинам лексических соответствий в языке перевода [3, с. 6].

А. В. Федоров говорит о «словах, обозначающих национально-специфические реалии» [4, с. 6]. Я. И. Рецкер под «безэквивалентной» лексикой подразумевает «прежде всего, обозначение реалий, характерных для страны ИЯ

и чуждых другому языку и иной действительности» [5, с. 6]. В том же ключе толкует реалии А. Д. Швейцер [6, с. 6]. Очень сжатую дефиницию реалий дает Л. С. Бархударов: «слова, обозначающие предметы, понятия и ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке» [7, с. 6].

Комиссаров В. Н. определяет БЭЛ как «обозначения специфических для данной культуры явлений, которые являются продуктом кумулятивной функции языка и могут рассматриваться как вместилища фоновых знаний, т. е. знаний, имеющих в сознании говорящих» [8, с. 6].

Анализ деловой лексики (особенно финансовой, банковской, экономической) показывает, что определенную ее часть может быть классифицирована как безэквивалентная, т. к. национально-культурное содержание в этих словах составляет ядро их значения, и они обозначают понятия, не имеющие аналогов, в нашей экономической действительности. Такие слова интересны особенно в лингвострановедческом и социокультурном аспектах, т. к. в них ярко отражаются национальные особенности «экономической культуры» другой страны. Проиллюстрируем это следующими примерами: *withholding tax*: американско-канадский термин, обозначающий одну из форм авансированной уплаты налогов; *balloon*: англосаксонский термин, обозначающий кредит, подлежащий возврату полной суммой одновременно, а не частями, как при амортизации; *blocked units*: акции, подаренные или выданные в качестве вознаграждения сотруднику предприятия; *collateral bonds*: долговые обязательства, гарантируемые любым видом залога, наиболее часто используемые в США; *odd lot*: термин, принятый на Нью-Йоркской бирже и обозначающий количество акций меньше лота, т. е. меньше 100 (брокеры, специализирующиеся на подобных операциях, для предложения по бирже собирают акции до образования полных лотов); *penny stock*: американский термин, обозначающий акции,

ценные бумаги спекулятивного характера, биржевой курс которых составляет менее одного доллара и т. д.

Определенную часть БЭЛ английского языка можно классифицировать как «временно безэквивалентные термины». Временно безэквивалентные термины — слова, близкие по характеру к словам-реалиям. Безэквивалентность лексики такого типа обусловлена неравномерным распределением достижений науки и техники в социальной сфере, в результате чего новшество, присутствующее в практическом опыте носителей ИЯ какое-то время может быть практически неизвестно представителям другой лингвокультурной общности.

Известно, что банковское, страховое дело, налоговое дело и многие другие аспекты экономической деятельности развивались в основном в США и других развитых странах Запада, и, например, такие термины, как *investment*, *marketing*, *merchandising*, *underwriting*, *leasing* или даже популярное сейчас *manager* некоторое время не имели эквивалента в русском языке, т. е. оставались временно безэквивалентными.

Межъязыковое сопоставление терминосистем позволяет выявить, какие именно языковые единицы могут быть использованы для обеспечения эквивалентности перевода временно безэквивалентных терминов, исходя из ресурсов общеупотребительной и специальной лексики ПЯ. Рассмотрим способы перевода безэквивалентных терминов.

Безэквивалентные однословные термины представлены в нашей выборке единичными случаями. При их переводе применяются следующие приемы:

- 1) подбор русского термина или общеупотребительного слова (реже — словосочетания) с близким значением;
- 2) транскрипция, транслитерация;
- 3) описательный (разъяснительный) перевод.

Рассмотрим применение этих способов на практике.

С помощью близкого по семантике термина может быть переведен термин *provision* — резерв. Подбор термина (слова) близкой семантики также позволяет перевести термин *benchmark*. *Benchmark* — показатель, на который ориентируется руководство компании при формировании любой стратегии (маркетинговой, финансовой, производственной); это тот стандарт, который устанавливает для себя компания, сравнивая цели и результаты своей деятельности с соответствующими основными показателями деятельности конкурентов для формирования целевых стратегических показателей. Сам процесс выявления основных стратегических показателей и определения их целевых значений на основе показателей конкурентов и выбранных стратегических задач обозначается термином *benchmarking*. Это понятие предполагает принципиально новый подход к формированию стратегии на базе системы ключевых показателей, что создает все предпосылки для его закрепления в терминосистеме русского языка.

Прием транскрипции (транслитерации) при переводе может использоваться ограниченно: с одной стороны, он

требует наличия у термина определенного звукового строя и окончания, способствующего последующему образованию падежных форм существительного; с другой, необходимо органичное включение заимствования в систему понятий соответствующей области. Мы полагаем, что транскрипция уместна при переводе термина *outsourcing*, обозначающего передачу выполнения хозяйственной операции другой организации (с целью уменьшения расходов и концентрации на основных видах деятельности); он не имеет русского эквивалента, так как обозначаемый им механизм, не столь давно распространившийся за рубежом, пока практически не используется российскими предприятиями. Подбор близкого по значению русского слова в данном случае невозможен; описательный же перевод представляется слишком громоздким, так что для перевода термина может быть рекомендована транскрипция: аутсорсинг.

При переводе безэквивалентных составных терминов ИЯ следует обращать внимание на их структуру: какой именно терминологический элемент означает не свойственный системе ПЯ интегральный или дифференциальный признак, формирующий понятие, не имеющее аналогов в категориальной системе ПЯ.

Безэквивалентность характерна для небольшого числа однословных терминов финансовой отчетности, и лишь некоторые из них участвуют в формировании производных составных терминов. Если значение безэквивалентного ключевого термина передает русский термин (или общеупотребительное слово) близкой семантики, то и в переводе производного термина соответствующий терминологический элемент рекомендуется переводить тем же способом. В подавляющем большинстве случаев для передачи значения составного термина может использоваться калькирование.

При переводе подавляющего большинства безэквивалентных составных терминов ИЯ особую сложность составляет передача значения неядерного элемента, с помощью которого специализируется понятие-гипероним, обозначаемое ключевым термином и имеющее аналог в ПЯ (*deferred tax*; *listed company*; *marketable securities*; *quoted market value*). Терминологические элементы, обеспечивающие выражение категориального признака в структуре ряда безэквивалентных терминов, могут быть калькированы, хотя отсутствие видового понятия в ПЯ препятствует идентичности восприятия языковой единицы носителями ИЯ и ПЯ.

Рассмотрим безэквивалентные составные термины ИЯ, возникшие на основе одного ключевого термина и обозначающие противопоставляемые друг другу понятия, не дифференцируемые в ПЯ:

- *basic earnings per share* — базовый доход на одну акцию (без учета дробления акций) и *diluted earnings per share* — уменьшенный в результате дробления акций /разводненный доход на одну акцию;
- *basic net profit per share* — чистая базовая прибыль на одну акцию (без учета дробления, разводнения) и *diluted net profit per share* — разводненная чистая

прибыль на одну акцию (уменьшенная в результате дробления акций);

- термин *dilutive securities* — ценные бумаги, разводняющие капитал.

В данном случае сложность представляет передача компонентов *basic, diluted, dilutive*: в русской терминологии не произошло выделения категории разводняющих ценных бумаг и соответствующей дифференциации понятий для обозначения доходов до разводнения капитала и в результате разводнения. Предлагаемый нами перевод-калька с использованием определений базовый, разводненный и разводняющий (последние формируются на основе термина разводнение капитала), на наш взгляд, может закрепиться в русском языке, хотя на настоящий момент нуждается в комментарии.

При переводе антонимичных терминов — *listed company* — компания, акции которой продаются на фондовой бирже и *publicly traded company* — компания, акции которой продаются на внебиржевом рынке, мы используем описательный перевод, так как в результате калькирования была бы образована лексико-грамматическая структура, не отвечающая нормам русского языка (свободно продаваемая компания или компания, выставленная на внебиржевой рынок) и не позволяющая адекватно передать значения терминов.

При анализе приемов перевода безэквивалентных составных терминов выявляются следующие закономерности.

1. При переводе безэквивалентной терминологии может быть использован разъяснительный (описательный) перевод с ИЯ на ПЯ:

- *holding gain* — доход от увеличения стоимости активов;
- *listed company* — компания, акции которой продаются на фондовой бирже;
- *purchase commitments* — обязательства по оплате размещенных заказов;
- *stock option plan* — программа льготного приобретения персоналом акций компании.

Описательный перевод позволяет передать значение термина достаточно точно, но многокомпонентное словосочетание усложняет синтаксическую структуру соответствующего предложения текста ПЯ.

2. При переводе подавляющего большинства безэквивалентных терминов может быть применен прием калькирования: *temporary difference* — временная разница; *identifiable assets* — идентифицируемые активы; *unremitted earnings* — неоплаченные доходы; *unrealized gain* — нереализованная прибыль и т. п.

3. При калькировании могут использоваться грамматические и лексические трансформации:

- *dilutive effect* — эффект разводнения (замена части речи: имя прилагательное — имя существительное);
- *translation risk* — трансляционный риск (замена части речи: имя существительное — имя прилагательное);
- *valuation allowance* — оценочный резерв (замена части речи и лексическая замена) и т. п.

4. При калькировании безэквивалентных составных терминов ИЯ могут использоваться и лексико-грамматические трансформации — в частности, экспликация связующих компонентов или декомпрессия одного из терминологических элементов:

- *customer acceptance* — приемлемость товара для покупателя;
- *sale-leaseback transaction* — сделка по продаже имущества на возвратного лизинга;
- *termination income benefit* — денежное пособие, выплачиваемое по истечении срока действия договора.

Исходя из теории безэквивалентной лексики, полная тождественность при переводе этой группы лексики невозможна. Это обусловлено тем, что единицы лексики на ИЯ (а безэквивалентной лексики в особенности) обладают не только разными экспонентами (фонемным составом, морфемами, устроенными по различным правилам), но и разными значениями и значимостями, поскольку каждое слово данного языка входит в своё семантическое поле и имеет значение только в оппозиции к остальным членам того же поля и своему языку в целом. Несмотря на это, перевод безэквивалентной лексики должен претендовать на эквивалентную презентацию. Данная эквивалентная передача может осуществляться с применением определённых теоретических принципов.

Явление безэквивалентности возникает вследствие отсутствия или недифференцированности того или иного понятия, обозначаемого термином ИЯ, в терминосистеме ПЯ. Основная причина безэквивалентности — различия в реалиях научной действительности, ведущие к отсутствию в ПЯ тех или иных понятий ИЯ. Подавляющее большинство безэквивалентных терминов может быть переведено посредством калькирования, с применением грамматических и лексических трансформаций (замена частей речи, лексическая замена). Описательный перевод в силу его громоздкости может быть использован значительно реже. Транскрипция и транслитерация используются в единичных случаях при переводе терминов-слов, когда возможно органичное включение заимствования в систему понятий соответствующей области.

Литература:

1. Комиссаров В. Н. Слово о переводе. — М.: Международные отношения, 1973. — 245с. Н. Н. университета, 1963 г.
2. Влахов, Флорин «Непереводимое в языке». — М.: Международные отношения, 1980 Л.
3. Влахов, Флорин Неperеводимое в языке. — М.: Международные отношения, 1980 Л.

4. Федоров А. В. Практические основы перевода. — СПб.: Союз, 2002. — 319 с.
5. Рецкер «Культурная непереводаемость»: проблемы и решения». — М., — 1998 11, М., — 1998.
6. Л. С. Бархударов «Язык и перевод». — М.: Международные отношения, 1975.
7. Комиссаров В. Н., Рецкер А. И., Тархов В. И. Пособие по переводу с английского языка на русский. — М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1960. — 176 с.
8. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. — М.: Русский язык, 1976. — С. 121.

The semiotic analysis of translation of B. Alykulov's poems

Orozbaeva Gulbarchin Abdimajitovna, PhD, associated professor
Jalal-Abad State University (Kyrgyzstan)

Poetry translation may be more challenging than other types of translation due to the importance of both form and content in the type of interpretation and response evoked in the audience. In poetry translation one of the most essential issues to be addressed by the translator is whether to prefer the form over the content or vice versa. It is tried to show that how linguistic and extra-linguistic features of the original poem has been dealt with in the translation process.

Keywords: poetry, semiotics, textual analysis, extra-textual analysis, translation strategies for poetry

Poem is a language in piece of writing used by poets to say something that contains feeling and thought. A poem is a work of art. Literarily a poem is a piece of creative writing verse that expressing deep feeling. As it is evident translating poetry is a matter of relativity i. e. all aesthetic aspects of the original poem cannot be transferred into the target language version. We can find excellent translations of masterpieces of the world poetry. This shows that although translating poetry is more demanding than other types of texts, it doesn't mean impossibility of translation of poetry. In the researchers' opinion, translators of literary texts, especially poetry, should at least possess some degree of artistic genius. There are different types of strategies which translators adopt for translating poetry. In this strategy the translator imitates the rhyming pattern of the original and produces a verse translation. Based on this strategy translates poetry into rhymed verse regardless of the structure of the original text. In this strategy meaning is sacrificed for the formal beauty. The translator tries to produce a text which is based on the norms and conventions of the target culture.

The paper analyses the semiotic analysis of the metaphor and simile. Semiotic approach to a simile helps understand one of the initial stages of comparison as a mechanism of cognition.

In order to understand poems, we have to read it for several times and try to interpret what is meant by the poem in his poem. We can use the semiotics theory, because poem contains some elements that have some relationships with semiotics: such as symbol, denotation and connotation.

Also the poets use different semiotic signs in order to give the meaning through the stylistic devices. Poetry depends upon this use of language for the power of its imagery and for its capacity to shock us out of the lethargy of ordinary language use and to awaken complex and vivid images in the mind. It

is in the conflict between literal and figurative language that a powerful dynamic is evoked. Thought itself is stimulated by the device, and that is a large reason why it is used instead of literal, exact meanings. The other reason, often suggested in the literature, is that metaphor creates new meanings that do not and cannot otherwise exist.

At least we can understand much closer to what the message is to be conveyed by the poet. Semiotics is a study of signs.

A semiotic analysis of a literary text deals, instead of themes and general meaning, with the way in which meaning is produced by the structures of interdependent signs, by codes and conventions.

Semiotics as a discipline simply the analysis of signs, or the study of the functioning of sign.

Chandler (2002) said semiotics is divided into two kinds, semiotics for communication and for signification. Semiotics for communication is used for more for the goal of communication. Also semiotics for communication is used in drama, a poem and a prose. Semiotics is, literally speaking, the science of signs. The word semiotics comes from the Greek root *semeion*, or sign, and is used to describe a systematic attempt to understand what signs are and how they function. Semiotics is probably the more commonly used term, but some students of signs use the term semiology, literally "words' (togas) "about signs".

Metaphors are figures of speech that communicate meaning by analogy by explaining or interpreting one thing in terms of some- thing else {e.g., "My love is a red rose"). Similes also communicate by analogy, but in a weaker form that uses like or as {e.g., "My love is like a red rose"). Many people learn about metaphor in literature classes, where metaphor and simile are described as "figurative" language, and assume that metaphors are used only for poetic or literary

purposes. They assume that metaphor is a relatively unimportant phenomenon. George Lakoff and Mark Johnson (1980) argue to the contrary; they see metaphors as central to our thinking. Most people think they can get along perfectly well without metaphor. We have found, on the contrary, that metaphor is pervasive in everyday life, not just in language but in thought and action. Our ordinary conceptual system, in terms of which we both think and act, is fundamentally metaphoric in nature. The concepts that govern our thought are not just matters of the intellect. They also govern our everyday functioning down to the most mundane details. Our concepts structure what we perceive, how we get around in the world, and how we relate to other people. Our conceptual system thus plays a central role in defining our everyday realities. Metaphor, then, plays an important role in the way we think and pervades our thinking. It is not just a literary device used by poets and other writers to generate certain kinds of emotional responses; it is a fundamental part of the way humans think and communicate.

The creative use of language is not constrained to the making of simple, substitution type metaphors. Metaphor — or something like it — operates at the level of word phrases, but also at the level of entire sentences, at the level of entire passages, and at the level of entire works, be they poems, prayers, or novels. The same process that produces a simple metaphor also elaborates into the creation of allegories and parables. Our interest in metaphor is that the process itself may be studied at a relatively simple level, and once we have understood how the mind plays imaginative games with the use of single words to make new meanings we can then turn to more complex acts of the imagination. We can discover how far more elaborate acts of creativity are possible, and perhaps why they are necessary.

The act of translation strongly based on the theories which are used in rendering it, thus theories play important roles in producing a perfect translation. The tension between faithful and beautiful translation, literal and free translation or the importance of form and content is always existed in the process of translation, but scholars widely agree that the main aim of translation is to create the same effect of the original as much as possible. Some scholars attempt to present their ideas through a translation theory.

The poem that will be analyzed is a poem by Kyrgyz poet Barpy Alykulov “Molmolum” which is became as anthem for the fellows who are in love, in spite the poem was written in the 19-th century. The reason why we chose this poem, because the poem contains words that have denotative and connotative meanings. The other reason is we are translating all the poems of Barpy from Kyrgyz into English. The poetry of B. Alykulov is radically original and innovative. He was a poet of immense depth and stylistic complexity. His poems are so unique that it is difficult to place them in a single tradition. The poet developed his arguments through startling metaphors, metrical variations, and angular, imprecise rhymes. Visual aspects of his poetry are very peculiar: unusual using of metaphors and

similes that amazed readers. Some people praised her imagistic qualities and the supreme mastery of words; others considered Barpy’s poetic innovations as a result of ineptitude, but nobody remained indifferent.

The poems of Barpy cover a wide range of topics. His poems are unique for the era in which he gave a theme like: “Sun”, “Water”, “A good girl” etc.

The poem “М_{лм},л_{лм}” is full of similes. The title is metaphoric in itself, because the word “Molmolum” is not understandable, it symbolizes the beautiful girl. The poet tried to describe a man who couldn’t reach his love, because of poverty. This poem is full of culture-bound terms. Here is an analysis:

Source text: Эки илабин кызыл гшл

Ачылгандай, М_{лм},л_{лм}

Бир карасан жүр,кк, от Чачылгандай, М_{лм},л_{лм}
(Б. Алыкулов “М_{лм},л_{лм}”)

Target text:

Your lips are like red flowers

Like blossoms in spring

Your look is unique

And a flame comes to my heart.

The similes in the target text were translated like similes; we tried to give the meaning.

The translated text entirely did not lost the poeticism of the original for the simple reason that the translator was unable to maintain the grammar of significance.

It is a word-for-word translation of the original; instead of it the meaning of the original was kept. Finding the correct and appropriate equivalences for these terms is one important task of the translator. It can be said that the translated poem will not create the same response and effect as evoked by the original text in the audience. Almost all literary devices were translated literally. Like the original poem the translated one is was without rhyme and rhythm (except for some few cases).

Let’s see other examples:

Source text:

Беттин көркү нур менен

Белдин көркү кур менен

Target text:

The beauty of the face with light

The beauty of the belt that is light

The rhyme and rhythm in the original was saved. We can say that the translation is adequate. The semiotic sign of the word “нурлуу кыз «, and simile “нурдай кыз” symbolizes a very beautiful girl by nature without sin. In translation we used the word “light” which gives a meaning like “spiritual illumination by divine truth” and a good expression in someone’s eyes indicating a particular emotion or mood.

In conclusion we can say that poetry has always been and always will be translated, and examine, preferably, the specifics of translational operation whose object is poetry in its most characteristic textual expression: the poem. Poetry can be translated without necessarily involving poetic translation. We tried to find in the text what constitutes the expression of

poetry and see which operations in the act of translation enable “transferring” this poetry to the translated text; in other words, how to translate a poetic text so that it is expressed as poetry in the target language-culture.

References:

1. Ahkmanova O. C. Dictionary of linguistic terms. — V., 1996.
2. Бары. — Bishkek, 1994.
3. Karaeva Z. K. Translation and semiotics. — Bishkek, 2006.
4. KRISTEVA, J. La révolution du langage poétique. Paris: Seuil, 1974.
5. Jackson, R. (2003) From translation to imitation.

О теории технического перевода

Паршина Татьяна Вячеславовна, магистрант

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

Теория технического перевода является фундаментом подготовки технического переводчика, вооружает его методикой поиска правильного переводческого решения.

Ключевые слова: теория технического перевода, технический перевод, технический переводчик, закономерности и понятия теории технического перевода

Формирование теории технического перевода как науки было сложным и продолжается в наши дни. Научные представления о настоящем и будущем технического перевода неоднозначны.

Современная наука «теория технического перевода» использует все положительное прошлого для дальнейшего развития технического перевода.

Отечественные переводческие практики о вопросах теории технического перевода

В периодической печати, научных статьях, исследованиях понятие «технический перевод» стало появляться на рубеже 1960—1980-х годов. Развитие науки и техники обусловило спрос на перевод технической литературы и документации.

В 1988 году вышли в свет Методические рекомендации для переводчиков и редакторов научно-технической литературы Всесоюзного центра переводов научно-технической литературы и документации [18].

В Методических рекомендациях для переводчиков и редакторов научно-технической литературы Всесоюзного центра переводов научно-технической литературы и документации (далее — Методические рекомендации ВЦП) был обобщен практический опыт советских технических переводчиков и систематизирован по разделам и приложениям в виде инструктивных и методических материалов в помощь переводчику.

Методические рекомендации ВЦП не стали только инструктивными и методическими материалами. Они раскрывают существовавшую в Союзе Советских Социалистических Республик (далее — СССР) систему организации перевода научно-технической литературы

и документации. Методические рекомендации ВЦП дают нам представление о советской школе технического перевода, знакомят с историей развития отечественного технического перевода.

В период существования СССР перевод технических текстов осуществлялся работниками государственных структур, в частности, переводчиками Всесоюзного центра переводов.

За каждым техническим переводчиком была закреплена определенная тематика, которую курировали отдельные редакторы. Работая над документом определенной тематики, переводчик имел возможность получить полный объем информации у специально закрепленного за ним консультанта (специалиста инженерно-технического состава). Вот почему выполненный переводчиком технический перевод отличался высоким качеством и четким соответствием всем существующим требованиям того времени [13].

Большим шагом вперед в развитии теории технического перевода было, по сути, раскрытие в пункте 1 Методических рекомендаций ВЦП сущности технического перевода. Перевод должен быть полным и адекватным. Полнота перевода заключается в отсутствии пропусков и произвольных сокращений текста оригинала. Адекватность перевода заключается в точной передаче содержания оригинала, использовании общепринятой в языке перевода терминологии и в соответствии нормам языка научно-технической литературы, на который выполняется перевод.

Детализация сущности технического перевода представлена в методическом пособии «Научно-технический перевод с русского языка на английский» Всесоюзного центра переводов, 1991 года [9]. Сущность технического перевода

заключается в передаче смыслового содержания в подлиннике, грамматики, терминологии, стиля изложения, в методике подачи материала, доходчивости, логичности, наглядности — с учетом условия подготовки тех, для кого данный материал предназначен, учете моментов религиозного характера, адекватном переводе реалий русской культуры на иностранный язык, исправлении недостатков в русском оригинале.

Всесоюзный центр переводов провел колоссальную работу по многим направлениям науки о техническом переводе. Об этом свидетельствуют методические пособия и обзоры, в частности:

Лексические закономерности научно-технического перевода. Методическое пособие. 1988.

Лексические трудности перевода научно-технической литературы с английского языка на русский. Методическое пособие. 1979.

Научно-технический перевод с русского языка на английский. Методическое пособие. 1991.

Основы научно-технического перевода. Организационные аспекты. Методическое пособие. 1987.

Проблемы эквивалентности в научно-техническом переводе. Обзорная информация. Части 1 и 2. 1991—1992.

С прекращением существования СССР начался следующий этап развития нашего государства. Новые экономические и политические реалии повлияли на перевод и переводчиков.

Переводческие агентства/бюро перестали быть государственными. Появились переводчики-фрилансеры.

В 2004 году вышла в свет первая редакция Рекомендаций Союза переводчиков России переводчику, заказчику и редактору (далее — Рекомендации). В дальнейшем было еще две редакции. Новейшая — 3-я редакция была издана в 2015 году.

Рекомендации имеют своей главной целью, на основе опыта советских и российских переводчиков, способствовать обеспечению устойчивого высокого качества письменных переводов за счет унификации требований к переводу, формализации и гармонизации отношений между заказчиком и переводчиком [5]. Позиционируя Рекомендации как справочное пособие, составители (переводчики-практики, исследователи, ученые в области перевода) затронули вопросы теории технического перевода. В частности в Рекомендациях прописаны принципы определения качества перевода. Это — принципы динамической эквивалентности и адекватности.

В разделе 5 Рекомендаций определена характерная черта научно-технических русскоязычных текстов. Это строгость изложения. Раскрывая проявление строгости изложения научно-технических текстов, составители Рекомендаций обобщили основные закономерные черты технического перевода: нейтральность стиля, единство терминологии принадлежащей данной области знания, однозначность описаний и синтаксическое единообразие однородных фрагментов текста.

Таким образом, отечественные переводческие практики, обобщенные в Методических рекомендациях для переводчиков и редакторов научно-технической литературы ВЦП и Рекомендациях Союза переводчиков России переводчику, заказчику и редактору обосновывают и определяют сущность технического перевода, описывают черты, свойственные техническому переводу и закладывают основы закономерностей технического перевода.

О названии науки, исследующей общие закономерности технического перевода (как и учебной дисциплины)

Конкретное название науки, исследующей общие закономерности технического перевода (как и учебной дисциплины) может быть неодинаковым. Например: «Теория научно-технического перевода» [16], «Технический перевод» [17], [20], [1], «Лингвистический анализ технического текста» [2], «Особенности технического перевода» [23], «Теория технического перевода» [12].

На взгляд автора, необходимо сохранить такое имя науки, изучающей основные общие закономерности технического перевода, которые вытекают из самой сути теории вопроса технического перевода. Это — «Теория технического перевода». Почему?

Потому, что теория вопроса технического перевода анализирует и обобщает результаты практической деятельности, связанной с письменным и устным переводом на другой язык материалов технического характера; изучает закономерности и особенности перевода технических текстов; изучает на родном и иностранном языках собственно технические вопросы для целей технического перевода [1].

В настоящее время наблюдается тенденция отхода от упрощенного понимания технического перевода как перевода исключительно технических текстов.

Современная классификация экономической деятельности [22] наглядно демонстрирует вхождение позиции о научных исследованиях, научно-технических разработках и технической документации в состав конкретной сферы деятельности, например, деятельности в области информатизации и связи, которая включает в себя технические разработки, научные исследования, разработку и описание документации.

Таким образом, термин «технический перевод» в настоящее время обозначает перевод научной, научно-технической и технической литературы и документации в конкретной предметной области познания.

Предмет и методология теории технического перевода

Каждая наука имеет свой предмет исследования: строго определенный круг изучаемых явлений и закономерностей.

Предметом теории технического перевода являются основные общие закономерности технического перевода.

Особенности предмета теории технического перевода как науки выражается в следующем:

1. Теория технического перевода изучает технический перевод в целом. Она обобщает опыт переводчиков,

осуществлявших переводы научной, научно-технической и технической литературы и документации.

2. Содержание предмета теории технического перевода составляют основные, общие закономерности технического перевода, рассматривающие его сущность и основные понятия.

Исходя из особенностей предмета данной науки, можно сделать вывод о том, что теория технического перевода является:

- лингвистической наукой, изучающей технический перевод;
- общетеоретической наукой о переводе, поскольку выявляет и объясняет общие закономерности возникновения, осуществления и развития технического перевода.

Если предмет теории технического перевода показывает, что изучает данная наука, то ее метод отвечает на вопрос, как изучается технический перевод.

Методология теории технического перевода — это применение совокупности определенных теоретических принципов (подходов), теоретических методов исследования и лингвистических методов исследования.

Принципами (подходами) теоретического исследования технического перевода, по мнению автора, являются:

1. Исторический подход. Исторический подход требует рассмотрения, обобщения опыта переводоведов научной, научно-технической, технической литературы и документации в каждом историческом периоде развития технического перевода, например, рассмотрение подходов российской и советской школ технического перевода к осуществлению перевода научно-технической литературы и документации.

2. Принцип объективности. Теория технического перевода дает определение основным понятиям технического перевода, формулирует закономерности технического перевода на основе научного знания.

3. Многоаспектность и учет всех научных взглядов в исследовании технического перевода. Наука концентрирует внимание на всех аспектах технического перевода. Учитывает противоречивые взгляды на осуществление и совершенствование технического перевода.

Для познания и объяснения основных закономерностей технического перевода используются теоретические методы исследования [11]. Вот некоторые из них.

Анализ — это разложение исследуемого целого на части, выделение отдельных признаков. Технический перевод можно анализировать во многих аспектах. Всесторонний анализ технического перевода позволяет глубже рассмотреть его.

Синтез — соединение различных элементов, сторон предмета в единое целое. Синтез — не простое суммирование, а смысловое соединение. Синтез противоположен анализу, с которым он неразрывно связан. Например, технические переводчики делятся опытом по переводу специальных текстов, консультируют друг друга, участвуют

в конференциях, разрабатывают рекомендации, в частности, по преодолению трудностей перевода специальных текстов, что в свою очередь служит материалом для глубоких теоретических обобщений и основой для дальнейшего развития теории технического перевода.

Сравнение — это познавательная операция, лежащая в основе суждений о сходстве и различии объектов. Сравнение — это сопоставление одного с другим. Так, сравнение двух переводов одного и того же специального текста позволяет сделать вывод о наиболее качественном переводе специального текста.

Лингвистическими методами исследования [21] являются:

- сопоставительный анализ;
- компонентный анализ;
- методы трансформационного анализа и статических подсчетов;
- метод лингвистического моделирования.

Таким образом, совокупность принципов (подходов) теоретического исследования технического перевода, теоретические методы исследования, лингвистические методы исследования составляют методологию теории технического перевода как науки.

Место теории технического перевода в системе лингвистической теории перевода

Вопрос о месте теории технического перевода в системе лингвистической теории перевода заслуживает отдельного внимания и разработки.

Основоположником лингвистической теории перевода в России принято считать Андрея Венедиктовича Федорова [19], который в основу теории положил установление определенных закономерностей посредством сопоставления особенностей различных языков и анализа переводческой практики.

В лингвистической теории перевода Федоров А. В. выделял общую теорию и частные теории. Общую теорию перевода ученый рассматривает как систему обобщения, применимую к переводу разных видов материала с разных языков на разные языки, т. е. основным инструментом общей теории перевода являются сопоставительные лингвистические исследования. Под частными теориями перевода Федоров А. В. понимает итоги работы по исследованию перевода с одного конкретного языка на другой и перевода конкретных видов материала, к которым, в частности, ученый относит специальную научную литературу и научно-технические материалы.

Таким образом, исследователь относит к разделам лингвистической теории перевода общую теорию и частные теории. Перевод специальной литературы, научно-технической литературы ученый относит к частным теориям перевода. Такую точку зрения разделяют Рецкер Я. И. [15], Нелюбин Л. Л. [10].

Комиссаров В. Н. [8] и Виноградов В. С. [4], продолжая дополнять и развивать лингвистическую теорию перевода,

выделяют помимо общей и частных теорий перевода специальные теории перевода.

Комиссаров В. Н. определяет общую теорию перевода как раздел лингвистической теории перевода, изучающей наиболее общие лингвистические закономерности перевода, независимо от особенностей конкретной пары языков, участвующих в процессе перевода, способа осуществления этого процесса и индивидуальных особенностей конкретного перевода.

Частные теории перевода представляют собой часть лингвистической теории перевода, изучающей лингвистические аспекты перевода с одного данного языка на другой данный язык.

В отличие от взглядов Федорова А. В. и Рецкера Я. И., по мнению Комиссарова В. Н., исследование проблем, связанных с видами процесса перевода (теории письменного и устного перевода), а также проблем, привносимых жанром текста оригинала (теория художественного или научно-технического перевода и др.), рассматриваются уже не частными теориями перевода, а специальными

теориями перевода. Точку зрения Комиссарова В. Н. разделяют Виноградов В. С. и Семенов А. Л. [16].

Виноградов В. С. придерживается мнения, что специальные теории перевода исследуют специфику различных видов переводческой деятельности (перевод устный, письменный, синхронный, последовательный, абзацно-фразовый и т. д.) и особенности, своеобразие и закономерности, обусловленные жанром переводимого произведения (перевод художественной, научной, технической, публицистической и др. литературы). Семенов А. Л. также среди разделов лингвистической теории перевода выделяет специальные теории перевода и считает, что специальные тексты (например, научно-техническая литература и документация) требуют дифференцированного подхода к решению проблем их перевода.

Обобщая взгляды ученых на разделы лингвистической теории перевода, автор формирует схему (см. рис. 1), определяя разделами лингвистической теории перевода общую теорию перевода, частные теории перевода, специальные теории перевода.

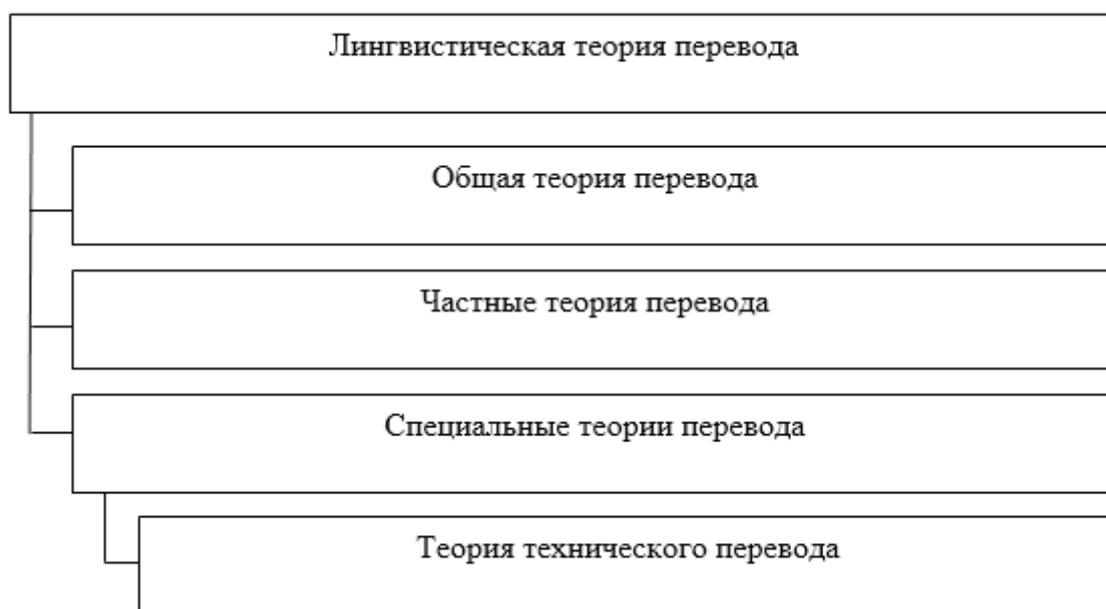

Рис. 1.

Учитывая мнения ученых, автор приходит к выводу, что теория технического перевода относится к специальным теориям перевода, которые, в свою очередь, являются разделом лингвистической теории перевода.

О закономерностях технического перевода

Теория технического перевода исследует все общие закономерности перевода научно-технической литературы и документации.

Ученые Комиссаров В. Н., Пумпянский А. Л., Борисова Л. И., посвятившие свою жизнь изучению практических аспектов перевода, а также вопросов теории перевода, предоставляют нам бесценный опыт, обоснования и выводы о существенных постоянно повторяющихся

взаимосвязях, реалиях, процессах, наблюдающихся в переводе, в частности, в переводе научно-технической литературы и документации.

Комиссаров В. Н. [7], являясь продолжателем идей выдающегося ученого в области общей теории перевода Федорова А. В. [19], внес значительный вклад в разработку лингвистических основ перевода. Комиссаров, развивая общую теорию перевода, вел наблюдения по поводу технического перевода (специальный или информативный перевод — терминология В. Н. Комиссарова).

Главной задачей переводчика специальных текстов Комиссаров В. Н. определяет наиболее полную и точную передачу заложенного в них содержания. При подготовке будущих переводчиков специальных текстов, ученый

рекомендует уделить внимание терминологии и логике изложения текста.

Таким образом, Комиссаров В. Н. заложил основы закономерностей технического перевода, охватывающих такие постоянно повторяющиеся черты технического перевода как полноту и точность передачи заложенного в тексте содержания, как наличие в специальном тексте терминов, присущих одной или нескольким предметным областям.

Особого внимания заслуживает подход Пумпянского А. Л. к выявлению объективных закономерностей перевода научно-технической литературы [14]. Суть данного подхода заключается в том, что выявление объективных закономерностей перевода научно-технической литературы следует проводить на основе анализа фактического материала отдельных пар языков, исходя из пяти положений:

- ограничение исследования рамками естественных и точных наук и техникой, что позволит вывести закономерности перевода научно-технической литературы;
- выявление общих языковых закономерностей, присущих этим областям науки и техники, что позволит сознательно определить выбор лексических и грамматических средств при переводе, заменить интуитивную догадку переводом, основанным на логике языковых фактов;
- вскрытие еще не изученных языковых закономерностей в результате анализа соотношения отдельных пар языков в процессе перевода, что должно внести определенный вклад в общую лингвистику;
- обогащение, систематизация и рационализация языка науки и техники на основе лингвистического анализа в содружестве со специалистами по отдельным областям науки и техники;
- развитие теории перевода как отдельной области языкознания.

Таким образом, Пумпянский А. Л. определил важные положения, необходимые для выявления закономерностей перевода научно-технической литературы и документации.

Значительным шагом вперед в выведении закономерностей технического перевода можно считать исследования Борисовой Л. И. [3], сформулировавшей основные лексические закономерности англо-русского перевода научно-технической литературы.

Этими закономерностями являются:

Терминологизация английской лексики при переводе на русский. Данная закономерность заключается в замене английского слова русским словом с более узким терминологическим значением. В процессе такого преобразования происходит терминологизация общенародных слов.

Например,

«In this case, air **comes** from all sides and along the entire height of the plume...» — «В этом случае, воздух **вовлекается** со всех сторон и по всей высоте струи...».

Специализация английской лексики при переводе на русский язык. Под специализацией лексики понимается замена общенародного английского слова соответствующим русским словом, имеющим более специальное (общенаучное) значение.

Например,

«In addition, the **path** of horizontal travel from the plume centerline...» — «Кроме того, **траектория** горизонтального перемещения дыма от осевой линии струи...».

Деинтернационализация английской общенаучной интернациональной лексики при переводе на русский язык. Этот процесс относится только к общенаучным английским словам, слова-термины здесь не затрагиваются. При переводе на русский язык английские общенаучные интернационализмы, как правило, заменяются русскими не интернациональными словами, происходит их переводческая деинтернационализация. Если при переводе английского общенаучного интернационализма переводчик использует соответствующее русское интернациональное слово, то это часто приводит к ложным отождествлениям. Многие интернациональные слова выступают в роли «ложных друзей» переводчика. Английские общенаучные интернационализмы приобретают в научно-технических текстах определенную качественную специфику.

Например, английское существительное «pioneer» в настоящее время чаще используется в значениях «первопроходец», «инициатор», «новатор», «исследователь» нежели «пионер» (член пионерской организации).

Лексическая унификация переводных эквивалентов в англо-русском научно-техническом переводе. Данная закономерность заключается в ограниченном использовании русских переводных эквивалентов для передачи разнообразных лексических средств английских научно-технических текстов.

Например, эквивалент «производить» встречается при передаче на русский язык таких глаголов как «execute», «produce», «derive», «create», «deliver», «manufacture», «reproduce», «bring out».

Экспликация имплицитности значений английских лексических средств при переводе на русский язык.

В текстах на английском языке встречаются весьма неопределенные по своему содержанию, неясные, имплицитные лексические средства, которые при переводе на русский язык приходится эксплицитировать, разъяснять, интерпретировать, чтобы русский перевод соответствовал требованиям русского технического текста.

Хороший пример и его объяснение приводит Б. Н. Климзо в статье «Импlications в английских научно-технических текстах» [6]:

«**The annealed hardness of the material** does not provide as good a correlation with the measured erosion wear» — «**Твердость отожженной поверхности материала** не дает такой же хорошей корреляции с измеренным значением эрозионного износа.»

«Отожженная твердость» не имеет смысла, так как отжечь можно материал, но не параметр или характеристику

материала. Поскольку из контекста статьи следовало, что отжигу подвергался материал поверхностного слоя детали, переводчик легко восстановил опущенное существительное и дал адекватный перевод.

Стилистическая нейтрализация стилистически окрашенных лексических средств в научно-техническом переводе. Русские научно-технические тексты по сравнению с английскими более строги и менее экспрессивны, поэтому при переводе приходится прибегать к «нейтрализации», «сглаживанию» стилистического приема автора, чтобы не внести стилистически чуждых элементов в русский текст.

Например,

«The mass flow rate of the plume can be **very respectable** for buoyant plumes' — «Массовый расход струи может быть довольно значительным у стойких струй».

В итоге следует заметить, что выявление и исследование закономерностей технического перевода является процессом, движением, поскольку технический перевод развивается и усложняется, а значит исследователями будут выявляться новые постоянно повторяющиеся взаимосвязи, реалии, наблюдающиеся при переводе научной, научно-технической и технической литературы и документации.

Значение знания теории технического перевода для подготовки технических переводчиков

Теория технического перевода вооружает студентов-переводчиков знанием основных общих закономерностей

технического перевода. Тем самым она закладывает фундамент переводческой культуры, переводческого мышления, формирует мировоззрение будущего технического переводчика.

Теория технического перевода дает обучающимся первичные представления об основных понятиях технического перевода, без которых невозможно усвоение конкретных знаний теоретической и практической частей учебной дисциплины «Технический перевод».

Таким образом, теория технического перевода непосредственно участвует в формировании профессиональных качеств будущих специалистов в области технического перевода.

Главная заслуга, по мнению автора, теории технического перевода состоит в том, что она позволяет обучающимся с научных позиций преодолевать переводческие трудности; осуществлять всесторонний анализ ошибок при переводе научно-технической литературы; комплексно понимать весь процесс осуществления перевода специальных текстов.

Теория технического перевода вооружает будущего переводчика методикой поиска правильного переводческого решения, позволяет подходить к решению переводческих задач более рациональным путем и, тем самым, экономит время и усилия переводчика.

Автор схематично показывает позиции того, что достигает обучающийся изучая теорию технического перевода (см. рис. 2).

Изучая теорию технического перевода, обучающийся:		
Овладевает: знаниями, имеющими значение для фундаментальной подготовки технического переводчика	Формирует: свое научное переводческое мировоззрение, переводческую культуру, способность принимать правильные переводческие решения	Усваивает: первичные понятия технического перевода, необходимые для эффективного изучения теоретической и практической частей учебной дисциплины «Технический перевод»

Рис. 2.

В заключении хочется заметить, что теория технического перевода, по мнению автора, обобщает данные и выводы, полученные в ходе переводов научной, научно-технической,

технической литературы и документации в целях более глубоких общетеоретических обобщений, исследует основные закономерности технического перевода в целом.

Литература:

1. Базылев В. Н. Технический перевод. Основные понятия переводоведения (Отечественный опыт). Терминологический словарь-справочник / отд. Языкознания; отв. редактор канд. филол. наук Раренко М. Б. — М., 2010. — 260 с.
2. Беркович Т. А. Учебная программа дисциплины «Лингвистический анализ технического текста». Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Владивостокский государственный университет экономики и сервиса» [Электронный ресурс] URL: vvsu.ru.

3. Борисова Л. И. Лексические закономерности научно-технического перевода. — М., 1988. — 120 с.
4. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). — М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. — 224 с.
5. Дупленский Н. Письменный перевод — Рекомендации переводчику, заказчику и редактору. Союз переводчиков России, Москва 2015. Редактор: Е. Масловский [Электронный ресурс] URL: www.translators-union.ru (дата обращения: 04.06.2016—30.06.2016).
6. Климзо Б. Н. Импликации в английских научно-технических текстах [Электронный ресурс] URL: <http://www.trworkshop.net/lib/tetradi/implication.shtml> (дата обращения: 21.06.2016).
7. Комиссаров В. Н. Лингвистическое переводоведение в России: учебное пособие. — М.: ЭТС — 2002. — 184 с.
8. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. — М.: Высш. шк., 1990. — 253 с.
9. Люткин И. Д. Научно-технический перевод с русского языка на английский: методическое пособие для переводчика-практика. Всесоюзный центр переводов научно-технической литературы и документации. — М., 1991. — 125 с.
10. Нелюбин Л. Л. Переводоведческая лингводидактика: учеб.-метод. пособие / Л. Л. Нелюбин, Е. Г. Князева. — 3-е изд., перераб. и доп. М.: Флинта: Наука, 2009. — 320 с.
11. Новиков А. М., Новиков Д. А. Методология. — М.: СИН-ТЕГ, 2007. — 688 с.
12. Паршина Т. В. Педагогический подход к формированию специальной составляющей переводческой компетенции студентов-переводчиков в высшем учебном заведении [Текст] / Т. В. Паршина // Теория и практика образования в современном мире: материалы VIII междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, декабрь 2015 г.). — СПб.: Свое издательство, 2015. — С. 152—155.
13. Паршина Т. В. Об учебно-методическом, справочном, юридическом, информатизационном и информационном обеспечении учебной дисциплины «Технический перевод» для студентов-переводчиков [Текст] // Актуальные задачи педагогики: материалы VII междунар. науч. конф. (г. Чита, апрель 2016 г.). — Чита: Издательство Молодой ученый, 2016. — С. 177—183.
14. Пумпянский А. Л. Введение в практику перевода научной и технической литературы на английский язык, Издательство «Наука», Москва, 1981. второе, дополненное издание. — 343 с.
15. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика: Очерки лингвистической теории перевода. — М.: Международные отношения, 1974. — 216 с.
16. Семенов А. Л. Основные положения общей теории перевода. — М., 2005.
17. Смекаев В. П. Современный технический перевод: учебное пособие. Английский язык. — М.: Валент, 2014. — 360 с.
18. Смирнов И. П. Методические рекомендации для переводчиков и редакторов научно-технической литературы ВЦП. Всесоюзный центр переводов научно-технической литературы и документации, Москва, 1988. [Электронный ресурс] URL: translation-ethics.ru (дата обращения: 01.06.2016—02.07.2016).
19. Федоров А. В. Основы общей теории перевода. — М., 1983. — 303 с.
20. Чебурашкин Н. Д. Технический перевод в школе. Учебник технического перевода для учащихся IX—X кл. школ с преподаванием ряда предметов на англ.яз. / под ред. Б. Е. Белицкого. Изд. 2-е, дораб. — М.: «Просвещение», 1976. — 319 с.
21. Шаповалова А. Ф. Электронный учебно-методический комплекс по учебной дисциплине «Теория перевода» для специальности «Современные иностранные языки (перевод)» 1—21 06 01—02. Белорусский государственный университет [Электронный ресурс] URL: gumpf.bsv.by
22. ОК 029—2014 (КДЕС Ред. 2) Общероссийский классификатор видов экономической деятельности. Утвержден приказом Росстандарта от 31.01.2014 № 14 — ст (ред. от 17.08.2015).
23. Рабочая программа дисциплины «Особенности технического перевода». Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Владимирский государственный университет» [Электронный ресурс] URL: foreign.vlsu.ru.

Towards a Corpus Methodology in Translation Studies

Shichkina Mariya Gennadevna, student
National Research Ogarev Mordovia State University

Using a corpus methodology during translation and in process of TS education has an important peculiarity which is related to linguistic differences between language systems and a rather recent opening of investigations in this field.

Keywords: *corpus, corpus methodology, translation studies.*

Введение в корпусную методологию в переводоведении

Шичкина Мария Геннадьевна, студент
Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева

Использование корпусной методологии при переводе и в процессе обучения переводу имеет существенную специфику, которая связана с лингвистическими различиями между языковыми системами и сравнительно недавним началом исследований в этой области.

Ключевые слова: *корпус, корпусная методология, переводоведение.*

From the time Translation Studies stopped being viewed as a rather idiosyncratic area of science and became acknowledged as something worth studying and dissecting, we have been trying to devise ways of finding out which techniques we could implement for optimizing the translation process. Now, a major shift in priorities has occurred and translation methodology features high on the research agenda. This trend has been greatly facilitated by the computer revolution, and involving thinking machines in translation studies was originally a purely applied enterprise, aiming to produce more efficient methods and tools. Advances in the understanding of translation methodology mechanisms led to a questioning of the very basis of Translation Studies (TS), and under the impetus of Mona Baker (1993; 243) it made analysts search for another approach that would be more appropriate to the call of the new computerization era. Therefore, the corpora-based discipline started developing rapidly, and we have certainly come a long way since the appearance of the very first works based on this issue (Gellerstam, 1986; Lindquist, 1989), which evaluated the quality of translational versus original text. Since the 90s, it has become fully integrated in TS, and what is even more important, “it has grown so rapidly and has influenced so significantly the way we conceptualize that we can no longer restrict its importance to the sphere of methodological research, nor can we limit the impact of this new area... to the linguistic approaches to translation because of its links with corpus linguistics” (Sara Laviosa, 121).

As we intend to discuss the corpus methodology, it would be best to give the definitions for these terms. There is no unanimous agreement on the necessary and sufficient conditions for a collection of texts to be a corpus. The EAGLES defined the term as “a collection of pieces of language that are selected and ordered according to explicit linguistic criteria in order to be used as a sample of the language” (EAGLES, 1996). As for corpus characteristics, we know that it is always raw, and it can be either tagged or annotated, which includes

automatic tagging, human annotation and a hybrid approach: an automated system refers cases it is unsure of to human annotation. Meanwhile, corpus linguistics is the study of language as expressed in samples (corpora) of “real world” text, and now corpora are largely derived by an automated process. Some scholars consider it to be a research paradigm in its own right (Tognini-Bonelli, 2001; Laviosa, 2002), on the basis that doing research using corpora generally entails some basic assumptions as to what is the object of enquiry and how it should be studied. Its usage in translation studies research was first proposed as particularly adapted to the purposes of empirical descriptive translation studies (Baker, 1993). Some of the principles underlying corpus linguistics are shared by descriptive translation studies, and this has been, as Laviosa (2004) points out, key to the success story of corpora in Translation Studies.

What is a corpus methodology? It is a methodology that uses corpus evidence mainly as a repository of examples to test, expound or exemplify given theoretical statements. But even before they gave the names to the subjects, they had already been using these. From 1876 to 1926 there were studies of the language of children with a lot of examples, and in 1897 there was the study of the frequency distribution of letters and letter sequences in German (stenography). In 1940 researchers started expanding comparative linguistics, the comparison of word sense in different languages, and in 1956 there appeared a grammar textbook by Georges Gougenheim and Sauvageot describing a grammar based on choices and frequency calculated from 275 French speakers. From the 50s to the 80s there was less work done, particularly because of Chomsky’s criticism, which can be described with three sentences:

1. Using a corpus, what is being analysed? A property of the grammar or a “social” phenomenon?
2. Theoretical linguists study competence, and corpora reflect performance. Hence, competence is not in corpus.

3. Competence is introspection.

Some exceptions are: a) the study of language learning by children (because it requires meta-knowledge on the language); b) languages that are not spoken anymore; c) phonetics; d) historical linguistics.

However, this methodology has intrinsic advantages because there are obvious cases when introspection fails, and they are related to phonology, acquisition, language variations (regional expressions, sociolects, register...). Also, data can be observed and checked with it, and we should take into account usefulness of the frequency measure (unavailable from introspection). It has been said that the “corpus is a more powerful methodology from the point of view of the scientific method” [Leech, 1992].

An accessible introduction to the topic is offered by Douglas Biber, Susan Conrad and Randi Reppen (1998) in their book “Corpus Linguistics: Investigating Language Structure and Use”. It focuses on analyzing the use of various features, and the characteristics of varieties, with discussion of research and methodological questions and examples on the subject. Although, what interests us is the perspectives on the issue in TS, and we find it best to mention the three focal points in corpus-based translation research brought up by Maria Tymoczko (1998: 657): (i) the interest in integrating linguistic and cultural-studies approaches to translation; (ii) investigation of how ideology affects translation; and (iii) methodological issues of applying and adapting technology to the needs of translation studies. The third point stresses methodological issues, and the first two points are clearly related to the contextualization and a tracing of the link between text and context. Tymoczko (1998: 658) also cautions against overemphasis on the “scientific” nature of this research, and on quantification, particularly on its use to “prove the obvious”. She is, however, generally positive about the benefits of developing TS using corpora. And if we transfer to TS the aims, aspirations and applications of corpus linguistics, we can outline the major point for doing research in TS using corpus methodology, which is its application to different types of translation, that is to say, in various sociocultural settings, etc.

Thus, using a corpus is the same as using a tool: figures can be easily bent or ignored depending on our initial ideas and interpretations, therefore, our theoretical framework must be tight and our qualitative input must also be valuable.

Stubbs said: “Quantitative work with large corpora automatically excludes single and idiosyncratic instances, in favor of what is central and typical” (1983: 233).

For example, A1 — B1 — C1... Here the letters correspond to certain source texts, whereas the numbers correspond to their translations done by students working on the texts. According to Rafal Uzar (2012: 241), there may be as many numbers as there are people involved in translating: B1 — ... — B12 — ... — B60.

A1 — ... — A60,

B1 — ... — B60,

C1 — ... — C60,

which means there are sixty translators producing completely divergent renditions of the same text, which definitely proves Stubbs’ point in the above quotation. At the same time several corpus methods can be employed to analyze a translation product.

We did our own research in this field and asked several respondents to translate the very same piece of text and our results turned out to be as follows:

A...: Children showing growth failure were assisted individually with a view to identifying underlying causes and providing appropriate case management.

A1: Детям, страдающим замедленным ростом, оказывалась помощь на индивидуальной основе в целях выявления исходных причин и обеспечения надлежащего ухода.

A2: Дети, страдающие проблемами с ростом, получали помощь на индивидуальной основе в целях обнаружения исходных причин и обеспечения соответствующего ухода.

A3: Детям, демонстрирующим рост неудач, помогали индивидуально с целью выявить исходные причины и обеспечить правильное управление.

Some of these translations are obviously not correct, but a simple skim through a few sentences can give us a list of possible lexical or even phrasal equivalents, and this kind of analysis can lead to:

a) An easier and more effective method of obtaining a more accurate qualitative assessment of the product;

b) A better understanding of the process of translation.

As we are speaking of the best way to render the original text, we undoubtedly should mention the third code tightly related to the term “corpus”. William Frawley (1984:168) maintains that the confrontation between source language and target language during the translation process results in creating a “third code”. In other words, the code (or language) that evolves during translation and in which the target text is expressed is unique. It is a kind of compromise between the norms or patterns of the source language and those of the target language. Concrete examples abound of, for example, borrowings which cause “foreign” lexical patterning in translated texts, i. e. patterning that would not normally occur in the source language nor in the target language. The notion of the third code provides a useful starting point for explaining some of the concerns of translation scholars who are attempting to apply the techniques of corpus linguistics to investigating the language of translation. Baker (1998) points out that this unique language is not so-called “translationese”, a pejorative term that is used when an unusual distribution of features is clearly the result of the translator’s inexperience or lack of competence in the target language; on the contrary, translation results in the creation of a third code because it is a unique form of communication, not because it is a faulty, deviant or sub-standard form of communication (Baker 1993:248).

For a better understanding of how the corpus methodology works, it is essential to use proportions because simple

frequency counts are a useful approach to quantifying linguistic data. For example, we need to know how often a given word is used in the language for choosing its best analogue in translation. We may find that, in the corpus of spoken English, the word “boot” occurs 500 times, so at first glance it seems more frequent in written than in spoken English. However, if we look at these data in a different way and do the following calculations (checking the typical occurrence frequency as a percentage of the total number of tokens in the corpus), we will see that

1) spoken English: $50/50,000 \times 100 = 0.1\%$

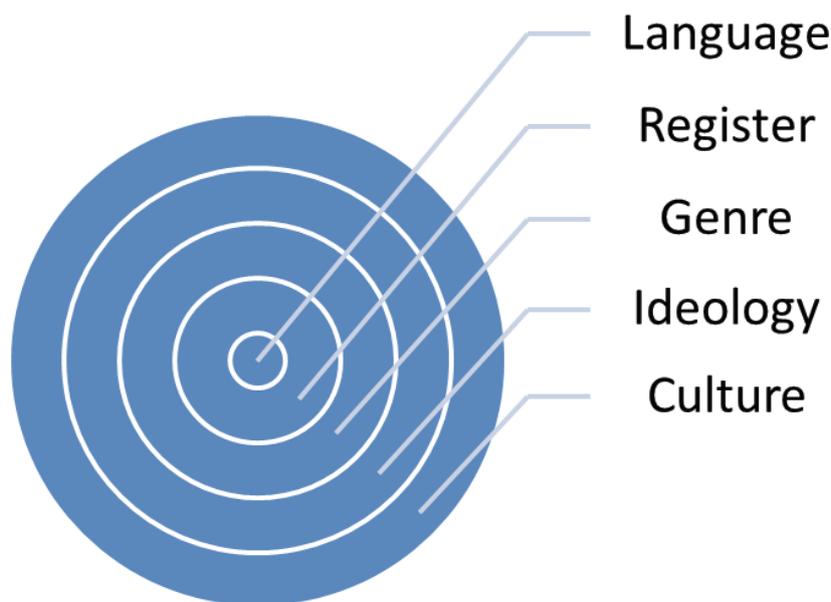
2) written English: $500/500,000 \times 100 = 0.1\%$

Comparing these figures, we see that, far from being ten times more frequent in written English than in spoken English, this token has the same frequency of occurrence in both varieties: it makes up 0.1 per cent of the total number of tokens in each sample. It should be noted, therefore, that if the sample sizes on which a count is based are different, then simple arithmetical counts cannot be compared directly, it is necessary in those cases to normalize the data using some indicator of

proportion. What we should always take into account is that some word and its foreign analogue may always change, and this is caused by the fact that each language has its own distinct, unique path of development, so the emergence of the third code is not an inconsistent whim, but an expedient way of long-term problem solving.

Translating is one way of helping to control mother-tongue interference by being more aware of its nature; and not only that, but also to become more aware of our own language and understand that it is not more natural or more logical than any other one— simply a different system. Doing exercises can also display differences in structural patterns and pragmatic strategies between languages as well as the close relationship between system and culture (Zabalbeascoa, 1997: 122).

Using the methodology in which various styles are places under scrutiny provides insight into this close link that the above-mentioned author describes. We have done other research to see how the respondents cope with a range of complications (namely, changes in register) in the translation process as shown below:

Picture 1. The results of the investigation

The style of each text was different, but all these sections appeared problematic to the respondents because they couldn't properly classify the presented texts; it would have been very useful for them to start collecting corpora of translated texts with a view to uncovering the distinctive patterns of translation: this way they would find it easier to learn how to differentiate these. We should draw a conclusion that for avoiding mistakes in the translation process our task is:

a) Compare the source text against a batch of translations using collocations,

i. Compare how one word is translated across the whole group,

ii. Compare how phrases are translated across the whole group,

a) Compare source and batch translation wordlists,
b) Compare source and batch translation wordlists with reference corpora wordlists,

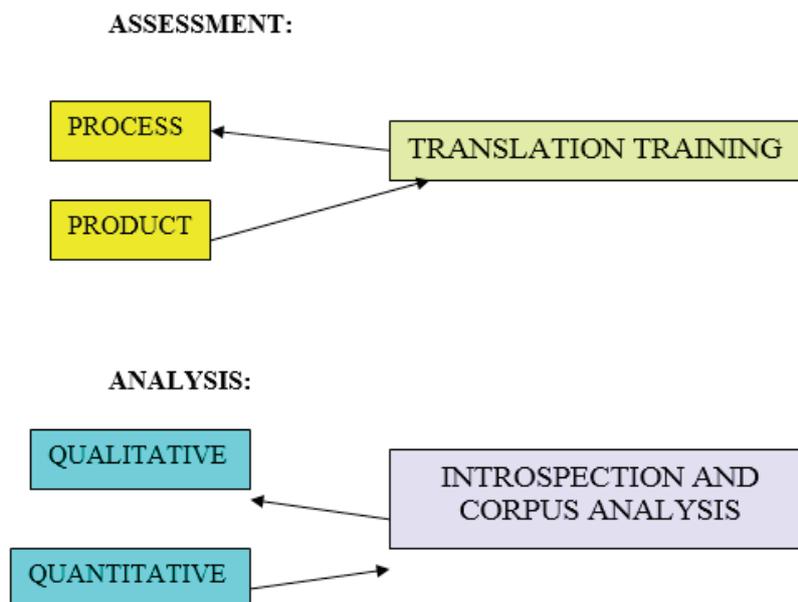
c) Compare wordlists of individual translations,

d) Compare statistics across genres

As linguists we need to observe and understand both the product and the process. This can only be undertaken through the analysis of what is tangible, in other words, the product. Our goal is to improve the quality of translation, and this can be analysed quantitatively using the corpus. The diagram shows two concurrent phenomena:

a) What is assessed

b) How it is analysed.

Picture 2. **Assessment and analysis of translation**

A range of simple corpus methods have been put to use, which not only aid the translator trainee in producing a translation but also help the trainer assess the techniques. This work is supported by the addition of error tags to the corpus allowing us to pinpoint problematic hotspots in the translations. The corpus will eventually be fully annotated with error tags and positive tags, which will also highlight interesting translations of certain source phrases or sentences. The translations have already been aligned with the source texts to make life easier for the translator trainer. With these steps completed we hope to move on and produce a language-independent concordance tool for the translator, which would allow us to view the concordance lists of source

texts, comparable texts and translations together on one screen. It is often difficult to ascertain what exactly makes a particular translation good. This approach allows the translator or the translator trainer (or even the translation student) to quickly verify his or her intuitions through corpus evidence. We can then use these learner statistics to predict what might happen when students work with other texts and in other languages. It is our hope that work in translation corpora will be produced in other languages so that translators might have a better idea of the universal problems faced in translation much the same way that learner corpora across the world are giving us ideas about the universal problems of learners of foreign languages.

References:

1. Baker, Mona (1993): «Corpus Linguistics and Translation Studies: Implications and Applications», Baker, Philadelphia, 356 p.
2. Biber, D., Conrad, S., Reppen, R., Byrd, P. and Helt, M. (2002), Speaking and Writing in the University: A Multidimensional Comparison. TESOL Quarterly, 36: 9–48.
3. Gellerstam, M. (1986). Translationese in Swedish novels translated from English. In W L. & LINDQUIST, H. (eds.) Translation studies in Scandinavia, 243 p.
4. Gougenheim Georges and A, Sauvageot Prononciation du frangais (1956) Reflections on language. N Chomsky — 1976 — Temple Smith London
5. Laviosa, Sara (2002). Corpus-based Translation Studies. Approaches to Translation Studies, Rodopi B.V., Amsterdam — New York; 121 p.
6. Leach, G., Eagles — Recommendations for the Syntactic Annotation of Corpora (1996).
7. Tognini-Bonelli, E. Text and Technology. 137–156, Amsterdam: John Benjamins. 8. Tymoczko, M. (1998). “Computerized corpora and the future of translation studies.” *Meta* 43 (4), 652–659.
8. Tymoczko, M. (2002). “Connecting the two infinite orders: Research methods in translation studies.” T. Hermans (ed.) (2002). Crosscultural Transgressions. Research models in translation Studies II: Historical and ideological issues. Manchester: St. Jerome, 9–25.
9. Uzar Rafal (2012). On the corpus methodology analysis, University of Lodz, 241 pages.
10. Zabalbeascoa, P. (1997). Dubbing and the nonverbal dimension of translation. In. F. Poyatos (Ed.) Nonverbal communication and translation (pp. 327–342). Amsterdam: John Benjamins B. V.

Особенности перевода английской научно-технической литературы

Ясницкая Евгения Сергеевна, преподаватель

Новороссийский колледж радиоэлектронного приборостроения

Данная статья посвящена особенностям перевода научно-технических текстов с английского языка на русский. Эта работа будет интересна, в первую очередь, преподавателям, работающим в системе профессионального образования. А также студентам, переводчикам, специалистам, имеющим дело с научно-технической литературой.

Ключевые слова: терминология, аббревиатуры, акронимы, словообразование, служебные слова, грамматические структуры, ручной и электронный перевод

В этой статье объединены и систематизированы особенности научно-технической английской литературы. Это терминология, способы образования терминов, сокращения, конверсия, словообразование, грамматическое строение текстов, алгоритм работы с научно-техническим текстом при переводе его с английского языка на русский. Для правильного и грамотного перевода обучающимся необходимо знать отличительные черты данного вида литературы и специфику её перевода. На базе этой работы преподавателям можно наглядно продемонстрировать особенности научно-технического перевода, научить студентов избегать ошибок при переводе текстов. Все, что изложено в этой статье является результатом многолетней практической работы со студентами, обучающимися по различным программам профессионального образования технического профиля. Одним из умений изложенных в образовательном стандарте, коим овладевает студент по окончании учебного заведения, является умение переводить (со словарем) тексты профессиональной направленности. Это перевод сопроводительной технической документации, инструкций, справочников. Сегодняшнее развитие науки и техники не оставляет сомнений, что умение переводить технические тексты является необходимым для будущего специалиста. В связи с ускоряющимся научно-техническим прогрессом данный вид переводческой деятельности становится все более востребованным.

Общей характеристикой научно-технических текстов считается **наличие специальных терминов и специальной фразеологии**, характерной для данной отрасли знания. **Термин** — это эмоционально-нейтральное слово (словосочетание), передающее название точно определенного понятия, относящегося к той или иной области науки или техники. В специальной литературе термины несут основную семантическую нагрузку, занимая главное место среди прочих общелитературных и служебных слов. Краеугольный камень технического перевода — точная передача узкоспециализированных терминов. В этом плане адекватное выполнение перевода требует полного смыслового понимания текста. Например, простое слово «seal» в технической лексике имеет следующие значения (в зависимости от контекста): изоляция; перемычка; обтюратор; впай; герметик; заваривание. «Угадать» верный перевод невозможно. Систематизация существующей английской технической терминологии затруднена тем, что термины

многозначны, т. е. имеют различное значение в разных областях техники или даже в пределах одной отрасли, а также появлением большого количества новых терминов: например: spring — весна, горячий источник, рессора, пружина. При этом встречается употребление одного слова в разных специальных значениях, в зависимости от отрасли знания: Face — лицо, поверхность, грань, фасад, забой, лава. В **структурном отношении** все термины можно классифицировать следующим образом:

1. Простые термины типа: oxygen, resistance, velocity.
2. Сложные термины, образованные путем словосложения. При этом иногда происходит усечение компонентов: Escalator — escalating + elevator, half — way — на пол оборота (на 180 градусов).
3. Словосочетания, компоненты которых находятся в атрибутивной связи, т. е. один из компонентов определяет другой: cross members — поперечины. Нередко атрибутивный элемент сам выражен словосочетанием, представляющим собой семантическое единство. Это единство часто выражается написанием через дефис: например: doubling-over test — испытание на гиб.
4. Литерные термины, в которых атрибутивная роль поручается определенной букве вследствие ее графической формы: V-type engine — V образный двигатель. Иногда эта буква является лишь условным символом: X-rays — рентгеновские лучи.

При **переводе терминов** мы можем встретиться со следующими моментами:

1. Часть терминов, имеющих международный характер, передается путем транслитерации и не нуждается в переводе: generator — генератор
2. Некоторые термины имеют прямые соответствия в русском языке и передаются соответствующими эквивалентами: voltage — напряжение
3. Известная часть терминов при переводе калькируется, т. е. передается с помощью русских слов и выражений, дословно воспроизводящих слова и выражения английского языка: Program code — Программный код
4. Нередко случается, что словарь не дает прямого соответствия английскому термину. В этом случае необходимо прибегнуть к описательному переводу, точно передающему смысл иноязычного слова в данном контексте: video-gain — регулировка яркости отметок от отраженных сигналов. Работая с текстом, следует, по возможности,

избегать употребления иноязычных слов, отдавая предпочтение словам русского происхождения: Industry — промышленность, вместо индустрия, Agriculture — сельское хозяйство, вместо агрокультура.

В английских научно-технических текстах значительное место занимают самые различные **виды сокращений**:

- Текстовые (авторские), которые функционируют в пределах только данного текста — поясняются в тексте или представляются в виде отдельного списка сокращений к данному тексту;
- Общепринятые, которые фиксируются в официальных справочниках и являются частью лексической системы языка.

К таким относятся **аббревиатуры и акронимы**. Аббревиатуры образуются от начальных букв знаменательных слов словосочетания: Www — world Wide Web — всемирная паутина

Сокращению может подвергнуться часть словосочетания: D. C. amplifier = direct current amplifier. Акронимы представляют собой сокращения, которые, читаются и воспринимаются как обычные лексические единицы. Акронимы образуются из разных сочетаний букв (из первых букв, от первых нескольких с последней и др.) — laser (light amplification by stimulated emission of radiation) — лазер. Такие единицы перенесены путем транслитерации, легко входят в терминологию и быстро ассимилируются в языке.

Конверсия.

В отличие от русского языка, в английском языке одно и то же слово может выступать в предложении в качестве разных частей речи. Так, в данных ниже предложениях слово water является существительным (1), глаголом (2), играет роль прилагательного (определения) (3), является частью сложного слова (4).

1. Water is necessary for life. — Вода необходима для жизни.
2. Water the flower-bed, please. — Полей(те), пожалуйста, клумбу.
3. Water mills served a source of energy. — Водяные мельницы служили источником энергии.
4. Water-supply system. — система водоснабжения.
5. Water-proof watch — водонепроницаемые часы.

Значения подобных слов и их перевод на русский язык зависят от того, каким членом предложения они являются. Они могут быть подлежащим, сказуемым (или его частью), определением, обстоятельством. Функцию слова помогает определить твердый порядок слов в предложении.

Словообразовательные характеристики научно-технических текстов.

Чтобы понять и правильно перевести английское научно-техническое предложение необходимо видеть его грамматическую структуру. А для этого следует научиться легко различать части речи, т. е. знать **суффиксы и префиксы**, посредством которых они образуются. Если в словаре

отсутствует производное слово, надо выбрать его корневую основу, отбросив суффиксы и приставки. К примеру, слово uselessness имеет три компонента: корень use (польза), отрицательный суффикс прилагательного — less и суффикс существительного — ness, имеющий абстрактное значение. При переводе получаем существительное *бесполезность, ненужность*. В научно-технической литературе эффективно функционируют префиксы bi- (bivalent), di- (dipole), dis- (disable), re- (reusable), over- (overheat), de- (debugging), en- (to enlarge), inter- (to interlock), under- (to underline), un- (undue), im- (immobile), after- (afterburner) и др. Многие из этих префиксов имеют определенные значения, например re — выполнять что-либо снова — to reinstall — переустанавливать; inter — взаимодействие — interconnection — взаимосвязь, и др. Что касается суффиксов, то они условно закреплены за отдельными группами терминов или терминосистемами. Так, суффиксы *-ine, -in, -yne, -ium* и др. наиболее часто встречаются в химических названиях (amine, fluorine etc.). Суффикс *-osis* в медицине образует слова, обозначающие болезни (tuberculosis etc.). Суффиксы *-er, -or* образуют слова, обозначающие работника, специалиста (operator, driver, etc.). При помощи этих же суффиксов образуются названия новых машин, механизмов, приборов и т. п. (sensor, trailer etc.). Названия отвлеченных понятий, как правило, образуются при помощи суффиксов *-ing, -(t)ion, -ty, -ness, -hood, -ment, -ence (-ance)*. Далее, в разных частях речи эффективно функционируют суффиксы *-ite, -ize, -ee, -ism, -ant, -ing* и др. Флексия множественного числа «-s» иногда в технической терминологии образует существительное: например control — управление, controls — органы управления. Важная характеристика английского научно-технического стиля — замена определительных придаточных предложений прилагательными в постпозиции (особенно суффиксами *-able, -ive*) — The materials available excellent properties never before attainable — Материалы с доступными превосходными свойствами никогда прежде не достижимые.

Значительную роль в технической литературе играют **служебные (функциональные) слова**, создающие логические связи между отдельными элементами высказываний. Это предлоги и союзы (в основном составные): *on, upon, besides, instead of, in preference to*, и многие другие. Кроме того, в технической литературе часто употребляются наречия типа: *however, thus, alternatively, on the other hand*, являющиеся неотъемлемыми элементами развития логического рассуждения.

Что касается **грамматической** структуры предложений английского научно-технического текста, основной формой предложений в технической литературе служат сложносочиненные и сложноподчиненные предложения. Это обуславливает широкое употребление составных предлогов и союзов, а также неличных форм глагола в функции дополнения и обстоятельства и соответствующих инфинитивных, причастных и герундиальных оборотов. Особо

следует упомянуть абсолютные причастные конструкции, вводимые предлогом *with*. Например: *With the steam cut off, it became possible to start repairs* — *после того, как был отключен пар, появилась возможность приступить к ремонту*. В английской технической литературе личные формы глагола очень часто употребляются в страдательном залоге. Например: *Brakes are used to slow or to stop the car* — тормозная система используется для того чтобы замедлять ход автомобиля, или останавливать его. В технической литературе часто применяются безличные и неопределенно-личные конструкции типа: *it was decided* — решено, *it is necessary* — необходимо. Для логического выделения отдельных смысловых элементов в английской технической литературе часто используется нарушение твердого порядка слов (инверсия). Например: *In Table I are listed the data obtained. Working under hard conditions were all the early students of this new field of metallurgy. Also of importance is the secondary effect. Considered in the next section are the most important conditions of the reaction.* Либо используется инфинитив в функции определения: *the properties to be expected* — ожидаемые свойства. Можно также отметить случаи опущения в научно-технических материалах артикля, особенно определенного, там, где в текстах другого типа его употребление считается абсолютно обязательным: *General view is that...* — общее представление — это... Артикль часто отсутствует перед названиями конкретных деталей в технических описаниях и инструкциях: *lever assembly are stainless steel* — рычаг — сделан из нержавеющей стали). Следует отметить особенности написания **заголовков**. Например: *The Fundamentals of Forging* — История развития ковочного производства. Во-первых, в английском языке в отличие от русского все заголовки принято писать с заглавной буквы. Во-вторых, часто английские заголовки выражены инфинитивом, например — *To Open a New Dialogue Box*. В таком случае в русском варианте рекомендуется не сохранять оригинальную конструкцию и переводить заголовки с помощью существительного, т. е. *Открытие нового диалогового окна*. Особого внимания требует перевод **дат**. В английском языке на первом месте указывается не день, как это принято в русском, а месяц, соответственно, при локализации дат число и месяц следует поменять местами, иначе может возникнуть путаница. Скажем, в английском варианте написано 01/09/2016, следовательно, перевод будет выглядеть так, 09.01.20016 (первое сентября 2016 года).

На данный момент существуют следующие **способы перевода** технической литературы и документации — **электронный и ручной**. В связи с тем, что на сегодняшний день разработано большое количество программ — «переводчиков» и существуют сайты, предлагающие услуги перевода текста он-лайн, некоторые пользователи пробуют применить машинные средства для технического перевода текстов. Но чаще всего такие попытки обречены на провал. Не существует еще такой программы, которая могла бы выполнить перевод на уровне квалифицированного специалиста.

К услугам электронного переводчика вполне можно обратиться для решения задач перевода конкретного слова; однако, какими бы ни были большими словари, внести в них все случаи правильного перевода невозможно, и в первую очередь это касается технических терминов. Фраза, если для ее понимания не нужен контекст, также может быть переведена машиной адекватно, но возможны неточности в деталях, которые могут оказаться весьма значимыми в техническом переводе, особенно это важно для документов или контрактов, при переводе которых даже неверное употребление предлога приведет к искажению смысла исходного текста. Что же касается машинного перевода связного текста или фраз, подразумевающих контекст, чаще всего качество полученного перевода оставляет желать лучшего. Один из основных и практически неустранимых недостатков «электронного переводчика» — он выдает буквальный перевод, поскольку не способен определять переносные значения слов или выбрать уместный вариант перевода из нескольких подходящих по формальным признакам. В результате возникают ошибки, в большей или меньшей степени искажающие смысл текста. Возможен компромиссный метод перевода: вначале текст переводится машинными средствами, а затем очевидные недочеты исправляются «вручную». Что касается ручного перевода, без использования технических средств, их существует несколько. Из опыта работы со студентами можно выделить основные, ими используемые, способы:

1. **Займствование** — в процессе перевода заимствуются и семантика, и структура, и форма термина. Следует отметить, что зачастую заимствования входят в язык через перевод, среди них фигурируют семантические заимствования, или «ложные друзья переводчика», которых следует особенно опасаться. *Production system* — производственная система, а не производционная, *to upgrade* — обновить, улучшить, усовершенствовать; но не сделать апгрейд.

2. **Калькирование** — заимствование из иностранного языка той или иной синтагмы и буквальный перевод её элементов. Если структура переводимой лексической единицы в обоих языках совпадает, мы имеем дело с так называемой семантической калькой: *motor selector* — моторный искатель, *hard disk* — жесткий диск.

3. **Дословный перевод или перевод «слово в слово»**, обозначает переход от исходного языка к языку перевода, который приводит к созданию правильного построенного текста, а переводчик при этом следит только за соблюдением обязательных норм языка. *An engine produces power by burning air and fuel* — Двигатель вырабатывает энергию путем сжигания воздуха и топлива.

4. **Транспозиция** — замена одной части речи другой без изменения смысла всего сообщения. Этот способ может применяться как в пределах одного языка, так, в частности, и при переводе. Например: *The chassis includes a power train (power transmission), a running gear, steering and braking systems.* Правильный вариант перевода: шасси включает в себя силовую установку (силовую передачу),

ходовую часть, рулевую и тормозную системы. Варианты перевода студентов:

- шасси включает силовую передачу, ходовую часть, рулевое управление и тормозную систему.
- шасси включает в себя силовую передачу, ходовую часть, руль и тормоза.

Алгоритм работы с текстом при переводе с английского языка на русский следующий:

- 1) прочитывается весь текст;
- 2) текст размечается, выделяются непонятные термины и словосочетания. Выделяются сокращения, англо-американские неметрические меры переводятся в метрические;
- 3) после этого делается полный перевод в письменном или устном виде в зависимости от задания.

Важная особенность современного этапа технического прогресса заключается во взаимном проникновении

специальной терминологии из одних областей знаний в другие и для того чтобы правильно понять технический текст надо хорошо знать данный предмет и связанную с ним английскую терминологию. Для правильного, точного и грамотного научно — технического перевода необходимо знание не только основных терминов, лексики и словосочетаний, грамматики, но также и знание особенностей, отличительных черт специфики своей специальности.

В заключение хотелось бы отметить, что перевод технической литературы — это сложная, кропотливая, самостоятельная и даже в какой-то мере исследовательская работа в области языка и конкретной специальности. Но какого-либо правила или ряда правил, знание которых, обеспечило бы успешный перевод английских технических текстов, не существует. Помощники при переводе — специальные технические словари, справочники, знание грамматики, терпение и трудолюбие.

Литература:

1. Казакова Т. А. Практические основы перевода [Текст] / Т. А. Казакова. — СПб: Изд-во Союз, 2001. — 316 с.
2. Луговая А. Л. Современные средства связи: Учебное пособие по английскому языку / А. Л. Луговая. — М.: Высшая школа, 2004. — 213 с.
3. [http://ru.Wikipedia.org/wiki/ Техническая_документация](http://ru.Wikipedia.org/wiki/Техническая_документация)
4. <http://www.philosoft.ru / perevod / index.html>

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

IV Международная научная конференция

Казань, октябрь 2016 г.

Сборник статей

Материалы печатаются в авторской редакции

Дизайн обложки: *Е. А. Шишков*

Верстка: *О. В. Майер*

Издательство «Бук», г. Казань

Подписано в печать 24.10.2016. Формат 60x90 1/8.

Гарнитура «Литературная». Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 9,5. Уч.-изд. л. 7,3. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый»

420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.